

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В. А. Кузнецов

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ
в 1990–2000-х годах**

Монография

*Одобрено редакционно-издательским советом
федерального государственного автономного
образовательного учреждения высшего образования
«Самарский национальный исследовательский
университет имени академика С.П. Королева»*

Самара
Издательство Самарского университета
2019

УДК 312
ББК 60.7
К891

Рецензенты: д-р полит. наук, проф. *Е. А. Иванова*;
д-р полит. наук, проф. *Т. Б. Иванов*

Кузнецов, Виктор Александрович
К891 Трансформация массового политического сознания провинциальной России в 1990–2000-х годах: монография / В. А. Кузнецов; науч. ред. Е. Ф. Молевич. – Самара: Изд-во Самарского университета, 2019. – 160 с.

ISBN 978-5-7883-1408-2

Монография посвящена исследованию социально-экономического и идеологического кризиса рубежа 80–90-х годов XX века и начала XXI века в провинциальной России. В книге раскрываются основные параметры и тенденции формирования новой социально-политической идентичности населения Российской Федерации, обобщены результаты социологических исследований, проводившихся автором более 25 лет, которые публикуются впервые. Подробно описываются уникальная методология и аналитический инструментарий, применявшийся в рамках исследований. Предпринята попытка переосмыслить с современных позиций роль и значение 1990–2000-х годов в истории России.

Предназначена для широкого круга читателей: политологов, социологов, историков и всех неравнодушных к судьбе России.

УДК 312
ББК 60.7

ISBN 978-5-7883-1408-2

© Кузнецов В. А., 2019
© Самарский университет, 2019
© ООО «Слово», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1 Историографические и теоретические проблемы изучения идейной трансформации российского общества в период распада коммунистической идеологии	6
Глава 2 Идеологические расколы российского общества на рубеже 80–90-х годов XX века	40
Глава 3 Массовое политическое сознание россиян в 1991–2000-х годах	82
Глава 4 Консолидация массового политического сознания в начале XXI века	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156

Для многих исследователей современной России вот уже почти два десятилетия загадкой остается феномен Владимира Путина с его за пределами высокими рейтингами общественной поддержки, которые не смогли поколебать ни санкции, ни кризис в экономике, ни коррупционные скандалы в окружении. Даже те его критики, которые подвергают сомнению чистоту президентских выборов, вынуждены признавать, что президент Путин имеет действительную и впечатляющую общественную поддержку, которую нельзя списать на манипуляции с общественным сознанием или на неаутентичные методы проведения опросов. Если использовать гегелевскую терминологию, Владимир Путин оказался адекватен объективному духу российского народа, сам стал его субъективным воплощением.

А ведь еще совсем недавно страна переживала глубочайший кризис своей ментальной идентичности, который привел ее к распаду и гибели. Причем произошло это без всякой внешней агрессии, исключительно под влиянием внутренних факторов. СССР в 80-х годах XX в. находился на вершине своего могущества не только в отношении военно-технического потенциала, но и по степени своего влияния в мире, уровню развития образования, науки и технологий. ВВП страны даже в «застойные» 70–80-е годы рос темпами, вдвое превышавшими мировые. И при этом он в одночасье рухнул, как карточный домик. Почему так произошло? Наверное, просто не нашлось никого, кто стал бы защищать его. Защищать не по приказу, а по внутреннему убеждению. Такое стало возможным только в условиях глубокого идейного и аксиологического кризиса, разрушения той системы ценностей и представлений, которая и составляет основу любого общества.

Данное исследование призвано показать основы и проявления этого кризиса на рубеже 80–90-х годов XX в., а также раскрыть основные параметры и тенденции формирования новой ментальной идентичности, олицетворяемой ныне Владимиром Путиным.

В основу данной монографии были положены социологические исследования, проводившиеся автором более 25 лет. Большая часть из них публикуется впервые, поскольку проводились они по заказам различных политических сил этой бурной эпохи, и автор, сам

являясь активным участником этих процессов¹, имел определенные обязательства перед заказчиками о неразглашении их результатов. Кроме того, многие оценки, мнения, суждения, высказываемые респондентами в разные периоды исторической трансформации России, становятся понятными только сейчас, по прошествии многих лет, отделяющих нас от тех событий. То, что когда-то казалось оценочным эксцессом, сегодня воспринимается как закономерный этап становления национальной идентичности нового типа.

Хочу поблагодарить всех своих коллег за поддержку и помощь в подготовке этой книги. И особые слова благодарности – Б.Г. Тукумцеву, который более 30 лет возглавлял социологическую лабораторию Самарского государственного университета, научил работать с материалом, а также обобщать и видеть разные слои явлений социальной действительности. Благодарю своих учителей – Е.Ф. Молевича и П.С. Кабытова и коллег – М.В. Астахова и М.М. Леонова, которые убедили в необходимости обобщения и публикации материалов, лежащих годами в дальних ящиках стола. Без их деятельной поддержки и участия этой книги просто не было бы.

¹ Более 25 лет автор был практикующим политтехнологом, организующим избирательные кампании, принимал участие более чем в 30 кампаниях разного уровня.

Историографические и теоретические проблемы изучения идейной трансформации российского общества в период распада коммунистической идеологии

Изучение проблем развития общественного сознания в 80-х годах прошлого века, как, впрочем, и вся история последнего десятилетия существования Советского Союза, несмотря на обилие публикаций, находится лишь на начальной стадии научного изучения², хотя первые обзорные исследования данной темы появились уже в 1990 г.³ Однако критический и беспристрастный анализ происходящих в обществе процессов в них нередко заменялся откровенной апологией тогдашних властей и инициированных ими процессов⁴. В те годы, наверное, трудно было ожидать иного, поскольку исследователи процессов трансформации как идеологии⁵, так и общественной жизни, общественного сознания, несмотря на декларируемую гласность, изначально были поставлены в крайне жесткие рамки. Мешали объективному анализу и многолетние традиции апологетики, сформировавшиеся в общественных науках в годы советской власти.

² См.: Чельев И. Советское общественное сознание 1985–1991 гг.: попытка историографического подхода // Гефтер. – 2013. – URL: <http://gefter.ru/archive/8736> (дата обращения: 12.07.2017).

³ Бойков И.Э., Иванов В.Н., Тощенко Ж.Т. Общественное сознание и перестройка. – М.: Политиздат, 1990. – 286 с.; Общественное сознание и перестройка. – М.: Знание, 1990. – 217 с.

⁴ См., например: Гордон Л.А., Назимова А.К. Перестройка: возможны варианты // Коммунист. – 1989. – № 13. – С. 34–44; Научный анализ перестройки в СССР: сб. ст. – М., 1989. – 78 с.; Остафийчук В.Ф., Конашевич А.П., Гриценко И.С. О влиянии внутрипартийных отношений на политическую систему советского общества в современных условиях // Научные труды по истории КПСС. – Киев, 1990. – Вып. 163. – С. 14–20; Гусейнов А.А. Перестройка: новый образ морали // Этическая мысль: Научно-публицистические чтения / под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Политиздат, 1990. – С. 5–13; Его же. Нравственные альтернативы перестройки // Философская и социологическая мысль. – 1990. – № 7. – С. 3–15; Культура и перестройка: нормы, ценности, идеалы / Отв. Ред. И.К. Кучмаева. – М.: ИФАН СССР, 1990. – 210 с.

⁵ Под идеологией здесь и далее мы будем понимать «систему ценностей, установок и идеалов, относящихся к общественному развитию, обладающую проективным и прескриптивным характером». См.: Матц У. Идеология как детерминанта политики в условиях модерна // Полис. Политические исследования. – 1992. – № 1. – С. 4.

В первые два десятилетия после крушения Советского Союза научный исторический анализ причин и истоков этой «крупнейшей геополитической катастрофы» XX в. практически не производился. Связано это было, с одной стороны, с общим кризисом академической и университетской науки в России. С другой стороны, авторы, активные участники тех событий, в многочисленных публикациях конца 80-х – начала 90-х годов чаще стремились не к объективному освещению происходивших процессов и реконструкции их причинно-следственных связей, а к демонстрации своей роли в них⁶. Лишь отдельные работы того периода претендовали на действительно непредвзятое освещение событий. В частности, в исследовании, проведенном И.А. Ананченко, рассматривался процесс идеологической трансформации М.С. Горбачева, который от идей «ускорения» в рамках действующей социально-политической модели постепенно склонялся к рыночному социализму, при превращении КПСС в социал-демократическую партию, что выходило за рамки как коммунистической идеологии, так и реальной социалистической практики. Однако эти исследования по большей части были ограничены характером используемых источников: либо интервью с участниками событий, либо официальные государственные и партийные документы. В первом случае анализ носил излишне субъективный характер, т. к. он опирался на личные мнения участников событий; во втором – слишком абстрактный, потому что исследователи использовали формально-правовые документы, которые слабо отражали реальное положение вещей изучаемого периода.

Определенную ценность для понимания идеологической и политической трансформации России в 90-х годах имели публикации Фонда Карнеги «Pro & Contra», где эти процессы рассматривались в рамках сравнительной методологии, в сопоставлении со странами Центральной и Восточной Европы, которые переживали

⁶ См., например: Кива А.В. Сверхдержава, разорившая себя сама // Международная жизнь. – 1992. – № 1. – С. 15–24; Шишков Ю.В. Распад империи: Ошибка политиков или неизбежность? // Наука и жизнь. – 1992. – № 8. – С. 2–13; Мирский Г.И. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // Мировая экономика и международные отношения. – 1997. – № 2. – С. 12–22; Фурман Д.А. Роеийские демократы и распад Союза // Век XX и мир. – 1992. – № 1. – С. 15–32; Серебрянников В.В. Мировая «холодная война» второй половины XX века (к 10-летию разрушения СССР) // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 1. – С. 205–223; Косорукова М.И. Культура Роеии на рубеже XX–XXI вв.: тенденции и перспективы (Общая характеристика) // Гуманитарные науки в современном образовании: проблемы, решения, перспективы развития. – 2014. – С. 144–148; Карпенкова Т.В. Кардинальные изменения в мире, вызванные распадом СССР // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 4. – С. 124–135; Яковлев Н.Н. «Да, это мы прикончили гигантского дракона»: заметки профессионального историка // Молодая гвардия. – 1996. – № 6. – С. 43–73 и др.

аналогичную ситуацию⁷. Вместе с тем определенные рамки для интерпретации социально-политической ситуации последних лет существования Советского Союза и периода становления Российской Федерации накладывала идеологическая ангажированность авторов, которые преимущественно являлись убежденными либералами⁸.

Огромный массив данных о трансформации идеологических и политических процессов в регионах России в 90-х годах был собран японским политологом Камитако Мацузато, возглавляющим Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Саппоро, Япония)⁹. Однако полученный ценнейший материал еще ожидает детального научного анализа и подробной интерпретации, которые не ограничивались бы простой констатацией фактов.

В настоящее время концептуальные рамки для изучения идеологических предпосылок крушения Советского Союза и кардинальных реформ 90-х годов по-прежнему не выработаны: анализ этой фундаментальной проблематики сосредотачивается на ее отдельных аспектах, например, на эволюции сознания советской интеллигенции¹⁰, исторического сознания¹¹ и др.

Вместе с тем для историографии данной темы характерен сохраняющийся с советских времен разрыв между чисто теоретическим анализом различных идеологических процессов, базирующихся на

⁷ См.: Ананченко И.А. Развитие общественно-политических взглядов М.С. Горбачева в условиях административно-командной системы (1965–1985 гг.). – Самара: Самарский экономический институт, 1993. – 23 с.; Его же. Эволюция философско-мировоззренческих, общесоциологических и конкретно-исторических взглядов М. С. Горбачева (1985–1993 гг.). – Самара: Самарский экономический институт, 1993. – 32 с.; Его же. Эволюция общественно-политических взглядов М.С. Горбачева, 1950–1993 гг.: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Самара, 1994. – 21 с. – URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Avtoreferaty/Evolueiya-bshestvenopoliticheskih-vzglyadov-M-S-Gorbaeheva-1950-1993-gg-Elektronnyi-resurs-avtoreferat-dis-kand-ist-nauk-070001-66757/1/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BD%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D0%98.%D0%90.%20%D0%AD%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf> (дата обращения: 17.05.2017).

⁸ См., например: Гельман В. Шахматные партии российских элит // Pro et contra. – 1996. – № 1. – Т. 1. – С. 22–31; Дилигенский Г.Г. Что мы знаем о демократии и гражданском обществе? // Pro et contra. – 2017. – Т. 2. – № 4. – С. 5–21; Хлопин А. Становление гражданского общества в России: институциональная перспектива // Pro et contra. – 2017. – Т. 2. – № 4. – С. 60–76 и др.

⁹ Регионы России: хроника и руководители / под общ. ред. К. Мацузато. – Саппоро: SRC, Hokkaido University, 1997–2003. – Т. 1–8.

¹⁰ Сазанов Д.С. Трансформация общественно-политического сознания советской интеллигенции в период перестройки: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ижевск, 2012. – 24 с.

¹¹ Хандожко Р.И. Массовое историческое сознание в контексте социально-политических трансформаций 1985–1991 гг.: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Ростов н/Д., 2010. – 24 с.

официальных публикациях, и материалами эмпирических социологических исследований. Каждая из наук – философия, политология, история, социология – изучает данную проблематику в рамках своей системы категорий, почти не пересекаясь с другими областями знаний. А между тем общественное сознание, особенно на стыке эпох, – явление сложное, многослойное, оно требует комплексного междисциплинарного подхода для адекватного понимания.

В литературе, описывающей коммунистическую идеологию и советское общественное сознание, принято выделять, как правило, несколько характерных признаков: отрицание частной собственности и политических свобод, тоталитаризм (огосударствление экономики, отказ от свобод и демократии и т. д.), обоснование централизованного государственного управления, отрицание ценности рынка и утверждение планирования экономики и др.

Однако следует отметить, что все эти характеристики советской идеологии не были неизменными на протяжении всех 73 лет коммунистического эксперимента. Некоторые из системообразующих признаков за эти годы изменялись вплоть до своей полной противоположности (например, представление о роли государства в обществе). И, тем более, нельзя утверждать, что эти характерные особенности разделялись всеми слоями советского общества на всех этапах его существования с 1917 до 1991 гг.¹²

Тем не менее следует признать, что к середине 30-х годов XX в. в СССР сложился единый и достаточно прочный каркас консенсусных представлений о том, что есть норма общественных отношений, а что – отклонение от нее. Конечно, этому способствовали Гражданская война и «большой террор» 20–30-х годов, когда целые социальные слои, являвшиеся носителями иных социальных ценностей и нормативных представлений, были либо уничтожены, либо покинули страну. Но было бы неверно утверждать, что сами идеи, принципы, представления и символы веры коммунистической идеологии были чем-то внешним по отношению к народному сознанию. Истоки этих представлений являются частью архаистического русского народа, российской формой интерпретации христианства и уходят своими корнями вглубь веков, что показал еще Н. Бердяев¹³.

¹² См., например: Ахизер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Новое изд-во, 2008. – С. 315; Резинко Д.Б. Идеологические практики в контексте советской модернизации (социально-философский анализ): автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2002. – 24 с.; Медушевский А.Н. Сталинизм как модель. Обзорное издательского проекта «РОССПЭН» «История етализма»// Вестник Европы. – 2011. – № 30. – С. 147–169; Геллер М. Машина и винтики. История формирования советского человека. – М.: МИК, 1994. – 336 с.

¹³ См.: Бердяев Н. Истоки и эмьел русского коммунизма. – М.: Т8RUGRAM, 2018. – 256 с.

Конечно, этот тезис далеко не бесспорный. В литературе, особенно перестроечной поры, можно найти немало утверждений, где говорится, что система общественного сознания советского общества была коммунистической только на самых верхних этажах общественной иерархии¹⁴, где в рамках межклановой борьбы шла ожесточенная дискуссия о «строительстве социализма в одной отдельно взятой стране»¹⁵ и «развитом социализме»¹⁶. Но для широкой публики все эти дискуссии были бесплодным умствованием. В массовом сознании идеологии как таковой не было, а лояльность населения обеспечивала система тотальной «промывки мозгов», периодически дополняемая репрессивными инструментами государства по отношению к инакомыслящим¹⁷. Укреплению таких представлений о структуре

¹⁴ См., например: Хаминов Д.В. Синтез социокультурных и политико-идеологических конструкторов исторического образования и науки в контексте советского общественного сознания: модели, формы, периодизация // Известия Алтайского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология. – 2017. – № 2(94). – С. 207–215; Плагенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. с нем. И. Карташовой // Взгляд издалека = Blick aus der Ferne: Немецкие историки о прошлом Восточной Европы // Нева. – 2000. – Т. 2. – 415 с.; Синявина Н.В. Особенности взглядов советской элиты 1920–1930-х годов на культурную политику России // Вестник МГУКИ. – 2016. – № 1 (69). – С. 136–142; Никонова С.И. Трансформация идеологической парадигмы в последние десятилетия советской власти // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. – URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11268> (дата обращения: 17.10.2017).

¹⁵ См., например: Бугалин А., Колганов А. Мы пойдем другим путем! От «капитализма Юрекого периода» к России будущего. – М.: Эксмо, 2009. – 384 с.; Коммунистическая оппозиция в СССР (1923–1927): в 4 т. / ред.-сост. Ю. Фельштинский. – М.: Терра, 1990; Евзеров Р. Я. Ленинская теория империализма: мифы и реалии // Новая и новейшая история. – 1995. – № 3. – С. 61–72; Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition, 1923–1925 / ed. by N. Allen. – N. Y.: Pathfinder Press, 1975. – 431 p.; Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition, 1926–1927 / ed. by N. Allen. – L.: Pathfinder, 1980. – 704 p.; Trotsky L. The Challenge of the Left Opposition, 1928–1929 / ed. by N. Allen. – L.: Pathfinder, 1981. – 436 p.

¹⁶ См., например: Сунгуров А.Ю. Функции политической системы: от застоя к перестройке. – СПб.: Центр «Стратегия», 1998. – 292 с.; Батурич Ю.М., Лившиц К.З. Социалистическое государство: от идеи к осуществлению. – М.: Наука, 1989. – 256 с.; Каеьяненко В.И. Некоторые вопросы историографии развитого социализма в СССР // Электронная библиотека. – 2017. – URL: <http://library.ua/m/articles/view/некоторые-вопросы-историографии-развитого-социализма-в-ссср> (дата обращения: 04.10.2018) и др.

¹⁷ См.: Попов В.П. Государственный террор в советской России, 1923–1953 гг.: источники и их интерпретация // Отечественные архивы. – 1992. – № 2. – С. 20–32.

общественного сознания в СССР¹⁸ способствовала чрезвычайная легкость падения СССР: пять лет пробуксовки идеологической машины КПСС в условиях «гласности» и борьбы за утверждение «общечеловеческих ценностей»¹⁹, остановка репрессивного механизма под разговоры о «правовом государстве» и все – величайшей коммунистической империи не стало.

Однако обвальное крушение идеократического государства в 1991 г. не дает ответа на вопросы: как в годы Великой Отечественной войны Советский Союз устоял, почему не рассыпался не только как военная машина, но и как социокультурная общность? Почему сотни этносов, десятки миллионов людей, поменявших свой социальный статус в годы Гражданской войны, коллективизации и социалистического строительства и в значительной мере маргинализированных сплотились в единый народ? Более того, идеи общества, построенного на принципах отказа от эксплуатации человека человеком, всеобщего труда и справедливого вознаграждения, развитой системы социальной защиты, после победы СССР получили колоссальный импульс к развитию не только внутри страны, но и вне ее, перекроив политический ландшафт планеты, изменив расстановку сил в большинстве стран мира.

Да и в последующие годы идеи коллективизма, превалирования интересов государства над интересами личности, идеи социального равенства не только составляли традиционный набор тезисов официальной коммунистической идеологии, но и представляли собой основы жизненной философии шестидесятников, мечтавших о «социализме с человеческим лицом». Даже многие российские диссиденты 60–80-х годов XX в. мечтали отнюдь не о либеральном мироустройстве с приоритетом частных интересов над коллективными, не о маленьком государстве, выполняющем функции ночного сторожа, а о модифицированном социализме,

¹⁸ Наиболее полно и последовательно такая позиция была обоснована Б.С. Грушиным. См.: Грушин Б.С. Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 368 с.; Его же. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина: в 4 кн. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 624 с.

¹⁹ См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. – М.: Политиздат, 1987. – 271 с.

построенном на началах соборности²⁰, конвергенции²¹ или меритократии²².

В Советском Союзе в те годы по понятным причинам эмпирические исследования общественного сознания, а тем более таких «скользких» вопросов, как отношение граждан к краеугольным основаниям коммунистической идеологии, не проводились. Однако нельзя сказать, что в тот период данная проблематика вовсе оставалась без эмпирического изучения, ограничившись теоретическими спекуляциями.

В частности, исследование, проведенное социологами Кембриджского университета среди советских эмигрантов, покинувших СССР во время Второй мировой войны, показало, что хотя «респонденты решительно отвергали две существенные черты сталинской России – секретную полицию и колхозы», однако они принимали многие другие институциональные характеристики этого режима. Даже среди субстанциональных противников системы около 86 % предпочитали государственную собственность на транспорт и коммуникации; они демонстрировали очень высокий уровень поддержки «коллективистских» институций в социальной сфере, особенно в области образования и здравоохранения. «Около двух третей респондентов предпочитали государственное планирование и госсобственность, и только 14 % выбирали систему капиталистического типа... В этом отношении система опиралась на широкий общественный консенсус»²³.

Двумя десятилетиями позже к схожим выводам пришел и Дж.А. Росс, изучавший нормативно-ценностные представления советских эмигрантов, прибывших в Израиль²⁴.

²⁰ См.: Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. – Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997. – Т. 1. – С. 538–599.

²¹ Под конвергенцией понимается возникшая во второй половине XX в. теория, с точки зрения которой государства с разными идеологическими и экономическими укладами должны были начать сближаться, а их общественные и политические системы «выравниваться», что привело бы к сокращению социального неравенства, ослаблению социальных конфликтов и противоречий и т. д. Другими словами, Советский Союз должен был стать более либеральным, а США – более социалистическими. Стронником теории конвергенции был академик А.Д. Сахаров. См.: Сахаров А.Д. Меморандум академика А. Сахарова: Текст, отклики, дискуссия. – Frankfurt/Main: Посев, 1970. – 102 с.

²² См.: Зиновьев А.А. Коммунизм как реальность. – М.: Центрполиграф, 1994. – 495 с.

²³ Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Daily Life in a Totalitarian Society. – Cambridge: Harvard University Press, 1959. – P. 233.

²⁴ Ross J.A. The composition and structure of the alienation of Jewish emigrants from the Soviet Union // Studies in Comparative Communism. – 1974. – № 7. – P. 113–117.

Один из самых глубоких исследователей советского общества Стефен Уайт также пришел к выводу, что в Советском Союзе существовало «общее согласие» о государстве как духовной ценности, а не просто о механизме обеспечения материального благополучия граждан. Как отмечал автор, «идеал советского гражданина заключается в патерналистском государстве с крайне широкими полномочиями, используемыми для осуществления контроля за общей судьбой нации... Он верит, что государство находится в таком же положении по отношению к своим гражданам, как родители по отношению к своим детям, оно должно направлять, помогать и воспитывать свой народ... Основные институции режима, такие, как общественное (publicly-owned) регулирование экономики и государственное обеспечение социальных потребностей, находят себе глубокие корни в системе общественных ожиданий, адресуемых государству»²⁵.

С представлениями о навязанных сверху идеях социалистического мироустройства не согласуются и масштабы применения силы со стороны государства по отношению к населению, отрицающему существующий коммунистический миропорядок. За 40 лет постсталинского периода самой крупной силовой акцией против социального недовольства было подавление выступления шахтеров в Новочеркасске. При этом, несмотря на всю жестокость властей, эту акцию нельзя считать показательной, поскольку страна узнала о тех событиях десятилетия спустя. Если же сравнивать статистику силовых акций в СССР и в тех же США в 60–80-е годы XX в., то следует признать, что коммунистические лидеры Страны Советов жили в этот период в гораздо большей гармонии со своим народом, чем политическое руководство государства образцовой либеральной демократии.

В то же время к концу 70-х – началу 80-х годов коммунистическая идеология незаметно, исподволь подошла к своему рубежу. Она перестала выполнять свою важнейшую функцию – придавать политической реальности (политическому дискурсу в целом и отдельным его фрагментам) осмысленный характер: идеология перестала объяснять, упорядочивать мир политики для главных его субъектов – представителей партократии.

К началу 1980-х годов XX в. кризис идей коммунизма был очевиден не только интеллигенции, но и большинству населения страны. В попытках преодолеть этот кризис одни интеллектуалы пытались вернуться к истокам «классического марксизма» и очистить его от «бюрократических извращений» партократии²⁶. Другие отрица-

²⁵ White S. The USSR: Pattern of Autoeracy and Industrialism // Political Culture and Political Change in Communist States / ed. by A. Brown, J. Gray. – L.: Palgrave Maemillan, 1979. – P. 41–42.

²⁶ Как, например, Э.В. Ильенков – советский философ и публицист, исследователь марксистско-ленинской диалектики. См.: Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. – М.: Политиздат, 1968. – 298 с.

ли коммунистическую идеологию в принципе, уходя в либеральную оппозицию и порождая диссидентское движение середины 1960-х годов, которое в той или иной форме просуществовало до середины 1980-х.

А большая часть научно-технической и художественной интеллигенции стремилась «спрятаться» от политики, занималась скрытым фрондированием и пыталась игнорировать коммунистическую идеологию, насколько это было возможно. Студенчество с 1970-х годов относилось к изучению общественно-политических дисциплин и идей «марксизма-ленинизма» подчеркнуто формально.

В 1970-е годы появляются социальные группы, существование которых в «развитом социалистическом обществе» было невозможно по определению: цеховики, создававшие на полулегальной основе настоящие капиталистические предприятия; спекулянты-фарцовщики, торговавшие товарами бытового потребления, преимущественно импортными; «шабашники», получавшие значительную часть контрактов по строительству и др. Эти люди, обладая существенно более высоким уровнем жизни и индивидуальной свободы, становились образцом для подражания, особенно в молодежной среде.

Всю систему общественных отношений с 70-х годов пронизывала бытовая коррупция, так называемый «блат», питательной основой для которого был тотальный дефицит потребительских товаров и услуг.

При этом господствовавшая тогда коммунистическая идеология никак не могла объяснить появление этих «неудобных фактов», предпочитая их игнорировать, закрываясь от действительности громкими заявлениями о том, что «КПСС – ум, честь и совесть нашей эпохи!» и «Народ и партия едины!».

И хотя эта ситуация уже к началу 80-х годов была очевидна всем, на официальном уровне кризисное состояние коммунистической идеологии было признано лишь после смерти главного идеолога брежневской эпохи М.А. Суслова, занимавшего все эти годы сугубо охранительные позиции.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов в 1983 г. в своей речи на июньском Пленуме ЦК КПСС поставил под вопрос критерии эффективности существующего советского и социалистического общества: «Если говорить откровенно, мы еще до сих пор не знаем в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок»²⁷.

²⁷ Пленум Центрального Комитета КПСС, 14–15 июня 1983 г. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1983. – С. 194.

В своей статье 1983 г. «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» Ю. Андропов уже в названии отрицает тезис «о достижении развитого социализма». Автор фактически утверждает, что советское общество находится на этапе строительства социализма²⁸, отвергая, таким образом, главные постулаты партийной идеологии, выдвинутые еще в середине 1930-х годов.

Новое поколение партократии, вошедшее в партийное руководство в первой половине 1980-х годов, уже не разделяло коммунистическую и даже социалистическую идеологию. Противоречие между социалистической риторикой «о развитии и совершенствовании социализма» и реальной политической практикой в период «перестройки» было проявлением того самого «двомыслия», которое лишало элиту, а вслед за ней и всю страну вектора развития.

Новая редакция Программы КПСС, принятая в 1986 г. на XXVI съезде партии, попыталась снять накопившиеся противоречия между партийной идеологией и жизнью, но это было уже невозможно. На практике партократия исходила не из доставшейся ей в наследство идеологической доктрины коммунистического строительства, а совершенно из других убеждений, требующих своей содержательной идентификации.

С приходом к власти М.С. Горбачева вокруг него сформировалось две группы влияния: социал-демократическая и либеральная (последовательно антикоммунистическая)²⁹. Первую представляли

²⁸ Андропов Ю.В. Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. – 1983. – № 3. – URL: <http://www.sovetika.ru/sss/andropovst001.htm> (дата обращения: 12.05.2017).

²⁹ О том, что М.С. Горбачев не выступал против либеральной группы в Политбюро, а, по сути, помогал и руководил ей, рассказывает в своем интервью второй после М.С. Горбачева «архитектор перестройки» А.Н. Яковлев. В декабре 1985 г. он в докладной записке М.С. Горбачеву предложил программу либеральных реформ в СССР. «Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. <...> В конце концов нам пришлось выполнить практически все, что было в этой записке». См.: Яковлев А.Н. «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет» // Независимая газета. – 2003. – 2 дек. Беседа вел А. Костюков // Яковлев Александр. Избранные интервью: 1992–2005. – М.: МФД, 2009. – С. 337; также об этой теме см., например: Ципко А. Перестройка как русский проект. Отечественные мыслители в изгнании о судьбе советского строя. – М.: Алгоритм, 2014. – 544 с.

Г.Х. Шахназаров³⁰, В.А. Медведев³¹; вторую в начале перестройки возглавляли А.Н. Яковлев³², А.С. Ципко³³.

Кроме того, на политическую позицию М.С. Горбачева в период перестройки пытались влиять три группировки. Во-первых, консерваторы, в 1985 г. они составляли большинство в Политбюро³⁴. Многие из них были инкорпорированы в элиту еще в 60–70-х годах и жили представлениями той эпохи. Их политический ресурс был в значительной мере нивелирован тем обстоятельством, что они принадлежали к поколению «геронтократии», а механизмов плановой ротации в КПСС не существовало. В течение 2–3 лет с начала перестройки эта группа либо приняла участие в «гонках на лафетах», либо была отстранена от власти под тяжестью обвинений в коррупции (как показала жизнь, большинство обвинений оказались сфабрикованными). Наследниками старых консерваторов на последнем этапе перестройки стали младоконсерваторы (И.К. Полозков, Г.А. Зюганов), создавшие Коммунистическую партию РСФСР, но их аппаратный вес среди элитных группировок конца 80-х годов был явно недостаточным, чтобы как-то реально повлиять на ход событий.

Во-вторых, реформисты, представленные в Политбюро Е.К. Лигачевым³⁵, А.А. Громыко³⁶, Н.И. Рыжковым³⁷, А.М. Лукья-

³⁰ Георгий Хосроевич Шахназаров – помощник М.С. Горбачева, академик, юрист, политолог.

³¹ Вадим Андреевич Медведев – доктор экономических наук, в период перестройки член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, отвечал за связи с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.

³² Александр Николаевич Яковлев – вместе с М.С. Горбачевым считается одним из «архитекторов» перестройки, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС (1986–1990 гг.). В 2005 г. незадолго до смерти А.Н. Яковлев дал интервью, в котором прямо расказал, что, придя в руководство КПСС, ставил цель ее ликвидации сверху, опираясь на строгую дисциплину партийного аппарата. См.: Яковлев А. Н. Двадцать лет спустя // Итоги. – 2005. – 15 марта. Беседа вел А. Камакин // Яковлев Александр. Избранные интервью: 1992–2005. – М.: МФД, 2009. – С. 362–363.

³³ Александр Сергеевич Ципко – доктор философских наук, помощник А.Н. Яковлева (1988–1990 гг.).

³⁴ В.В. Гришин, Д.М. Кунаев, В.В. Щербицкий, Н.А. Тихонов, Г.А. Алиев, М.С. Соломенцев и др.

³⁵ Егор Кузьмич Лигачев – член Политбюро (1985–1990 гг.), секретарь ЦК КПСС (1983–1990 гг.).

³⁶ Андрей Андреевич Громыко выдвинул М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, член Политбюро, Председатель Президиума Верховного Совета СССР до 30 сентября 1988 г.

³⁷ Николай Иванович Рыжков – Председатель Совета Министров СССР (1985–1991 гг.).

новым³⁸, Л.И. Абалкиным³⁹. Они выступали за «косметические» изменения социально-политической системы и снятие явных противоречий в идеологии и политической практике КПСС. На первых этапах перестройки М.С. Горбачев практически полностью разделял ценности данной группы, однако позднее, в поисках политического баланса, он отделился от реформистов.

В-третьих, либеральная оппозиция во главе с Б.Н. Ельциным, которая в конце «перестройки», особенно после XIX Всесоюзной партийной конференции, пыталась влиять на М.С. Горбачева, а затем открыто выступила против него. В либеральную оппозицию входили члены «Межрегиональной депутатской группы»⁴⁰ А.Д. Сахаров, Г.Х. Попов, А.А. Собчак и другие.

Сам М.С. Горбачев, не обладавший какими-либо прочными идеологическими позициями, основывавший свою политику на выстраивании политических балансов и желании понравиться всем – и врагам, и друзьям, в итоге лишился поддержки как в обществе, так и во власти. Причем, видимо, он так и не понял, почему он стал для всех чужим, иначе трудно объяснить его последующее участие в выборах Президента России в 1996 г., когда он набрал 0,4 % голосов избирателей. А ведь в середине 1980-х тот же народ был готов буквально носить его на руках.

Открытое размежевание политической элиты страны не могло не повлиять на поведение и систему структурирования всего государственного аппарата, начисто лишённого веберовских традиций политической нейтральности⁴¹. Для сталинской тоталитарно-но-

³⁸ Анатолий Иванович Лукьянов – последний Председатель Верховного Совета СССР (1990–1991 гг.).

³⁹ Леонид Иванович Абалкин – советский и российский экономист, академик РАН, заместитель председателя Совета Министров СССР (1989–1990 гг.).

⁴⁰ Межрегиональная депутатская группа сформировалась на I съезде народных депутатов СССР 7 июня 1989 г. Ее сопредседателями стали Б.Н. Ельцин, Ю.Н. Афанасьев, Г.Х. Попов, В.А. Пальм. Эта группа была последовательно антикоммунистической – либеральной.

⁴¹ В начале XX в., после того как Макс Вебер обосновал преимущества «идеальной бюрократии», такая система организации государственного менеджмента была положена в основу нормативных представлений об организации государственной власти в большинстве стран мира. Следует отметить, что примерно за четверть века до М. Вебера с подобной концепцией организации гражданской службы выступал профессор Гарвардского университета В. Вильсон, ставший впоследствии 31 Президентом США. Однако широкое распространение в мировой политологии и праве концепция «рациональной бюрократии» получила после публикации работ именно М. Вебера. Долгое время эта концепция организации общества, где политика как сфера целеполагания принадлежит политикам, а функционирование институтов государственного управления осуществляется политическими нейтральными карьерными чиновниками, подчиненными политическому руководству, рассматривалась в качестве некоего эталона. В альтернативных веберовству холистически-сетевой и неоменеджеристской концепциях организации государственной службы сам принцип политической нейтральности чиновничества также оставался неизменным. Подробнее об этих концепциях см.: Кузнецов В.А. Административные реформы в России – парадигмы, ресурсы, интересы // Вектор развития. – 2008. – № 1. – С. 17–25.

менклатурной модели гражданской службы были характерны доминирование партийно-идеологических факторов в госстроительстве, отсутствие внятных правовых механизмов ее осуществления, патронаж коммунистической партии и политизация управления кадрами.

И, естественно, для партийных кадров, управлявших страной, ключевым в тот период стал вопрос о собственной политической идентификации.

Работа над этой книгой началась после того, как весной 1990 г. автор этих строк, в то время старший научный сотрудник социологической лаборатории Куйбышевского государственного университета, был вызван в Куйбышевский обком КПСС и получил сугубо конфиденциальное поручение – провести исследование настроений избирателей, рядовых членов партии, а также освобожденных работников партийных комитетов на предмет их отношения к ключевым проблемам повестки дня. Мотив заказчиков был понятен и прост – в той кризисной ситуации региональная партноменклатура просто не знала, к кому прислониться, какую позицию занять⁴².

Вместе с тем изучение структуры идейных ориентаций общественного сознания сразу натолкнулось на ряд фундаментальных теоретических проблем.

Например, структуру общественного сознания крайне сложно представить без осмысления и определения категории «социальная ценность», это понятие отсутствовало даже в указателе к полному собранию сочинений В.И. Ленина⁴³, а ведь его труды имели статус первоисточника любой социальной науки, подобно Священному Писанию для теологии. Отдельные труды по проблемам ценностей в коммунистической идеологии были опубликованы в 60-х годах XX в.⁴⁴, однако они не содержали даже намека на эмпирическое изучение предмета.

⁴² 4 февраля 1990 г. в Москве прошли массовые митинги, на улицы столицы вышли по меньшей мере 200–300 тысяч человек. Это была самая мощная и хорошо подготовленная акция протеста, главным лозунгом которой стало требование отменить 6-ю статью Конституции СССР. 5 февраля 1990 г. состоялся расширенный Пленум ЦК КПСС, который принял решение о введении поста Президента СССР, ликвидации 6-й статьи в Конституции СССР, о руководящей роли КПСС и, по сути, введении многопартийной системы. В марте 1990 г. эти положения были закреплены в решениях III Внеочередного съезда народных депутатов (12–15 марта 1990 г.). В марте 1990 г. в РСФСР прошли первые за многие годы альтернативные выборы в представительные органы власти всех уровней. И хотя 86 % народных депутатов на момент избрания были членами КПСС, они тут же отказались подчиняться решениям партийных комитетов. Многие партийные руководители проиграли малоизвестным новичкам.

⁴³ См.: Справочный том к полному собранию сочинений В.И. Ленина. – Ч. 1. – М.: Политиздат, 1972. – С. 705–706.

⁴⁴ См.: Дробницкий О.Г. Мир оживших предметов. Проблема ценностей и марксистская философия. – М.: Изд-во политической литературы, 1967. – 351 с.; Тутаринов В.И. Теория ценностей в марксизме. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 124 с.

Поэтому мы были вынуждены начать абсолютно эмпирическое по своей сути социологическое исследование идейно-политических ориентаций населения и партийного актива с определения категорий и понятий, а также с создания теоретической матрицы, ставшей для нас инструментом измерений.

Мы исходили из того, что для любой партии (особенно для партии, находящейся у власти) вопрос идеологической идентичности является первостепенным. Под идеологической идентичностью партии мы понимаем соответствие партийной идеологии политическим ориентациям электората, партийных масс⁴⁵ и партийного аппарата. При всей простоте этого определения оно содержит в себе немало переменных. Для того чтобы выносить обоснованные суждения о характере идеологической идентичности партии и специфике политических ориентаций граждан, базируясь не только на своем субъективном мнении, но и на более надежных основаниях, эти переменные должны быть эмпирически измерены, а их соотношения выражены в количественных показателях.

Соответственно для проведения измерений нужны шкалы, инструментарий, позволяющий сравнивать, приводить к единому знаменателю такие разнородные явления, как официальные партийные доктрины, идеологические месседжи, идущие от партийной верхушки, и оценочные суждения избирателей и рядовых партийцев о процессах и событиях политической жизни, которые по необходимости являются фрагментарными, эклектическими.

Чтобы создать такой инструментарий, нужна некая абстрактно-теоретическая модель, при помощи которой можно было бы осуществить универсализацию. К сожалению, в обширной литературе, посвященной исследованиям партийной системы в России в конце 80-х годов XX в., такая модель отсутствовала. Ее разработка была просто невозможна в той политической атмосфере, которая существовала в стране на протяжении десятилетий. Любые попытки поставить под вопрос значение и роль официальной идеологии КПСС неминуемо пресекались на корню, а о проведении эмпирических исследований не могло быть и речи⁴⁶.

⁴⁵ В данном случае речь идет об идеологической идентичности массовых партий, или, по крайней мере, партий, стремящихся к массовости в том смысле, который этому понятию придается в классической типологии М. Дюверже. См.: Дюверже М. Политические партии / пер. с франц. – М.: Академический проект, 2000. – 538 с.

⁴⁶ С этой же проблемой сталкивались многие авторы, пытавшиеся в изучении политического сознания общества выйти за пределы интерпретаций выказываний классиков, опираясь на эмпирические данные опросов. См.: Тоценко Ж.Т., Бойков В.Э. Политическая социология: состояние, проблемы и перспективы // Политическая социология: проблемы становления. Вып. 1. – М.: ИСАН СССР, 1990. – С. 6–29; Democracy and Political Transformation. Theories and East-Central European Realities / ed. by György Szoboszlai. – Budapest: Hungarian Political Science Association, 1991. – 350 p.

Мы обратились к западным концепциям, однако возникли проблемы их релевантности для анализа российской социально-политической ситуации начала 90-х годов. В частности, традиционное для западной философии и политологии разделение на «правых» и «левых» в отечественной литературе той поры трактовалось в диаметрально противоположных смысловых контекстах⁴⁷. Этот категориальный аппарат невозможно было использовать для идентификации субъектов политического процесса.

Использование моделей идеологических размежеваний также имело весьма серьезные ограничения, поскольку они создавались в совершенно ином историческом контексте, где перед обществом стояли другие задачи, и поэтому эти концепции описывали совсем иную политическую реальность. Например, все четыре типа политических размежеваний, определяющих структуру партийных систем стран Запада, описанных в классической теории С. Липсета и С. Роккана⁴⁸ (между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими), для России 1990–2000-х годов не были центральными темами повестки дня.

Вместе с тем подход С. Липсета и С. Роккана к проблеме партийно-политического конституирования представлялся весьма продуктивным, в том числе и для изучения партийной системы России. Другое дело, что линии политического размежевания в нашей стране, строящей партийную систему в условиях посттоталитарного общества, пережившего социальную катастрофу⁴⁹, проходили по тем вопросам, которые для человека западного общества представлялись самоочевидными, поскольку соответствующие проблемы были давно решены. Собственно такими принципиальными вопросами,

⁴⁷ В классических идеологиях и социально-политической борьбе «левые» традиционно выступали за социальные перемены и активные общественные преобразования, кардинальные реформы и революции. «Правые» же, напротив, отстаивали устойчивость социального порядка, неизменность социальных устоев или их эволюционное развитие. В России в 90-е годы, напротив, «левые» (коммунисты) предлагали постепенную трансформацию системы, а «правые» (либералы) настаивали на незамедлительных и глубоких преобразованиях. Таким образом, «левыми» стали называть тех, кто был за широкое введение института частной собственности, отказ от государственного планирования экономики и государственной системы социального обеспечения, а «правыми» – их идеологических оппонентов. См.: Мелешкина Е.Ю. Концепция социально-политического размежевания: проблема универсальности // Политическая наука. – 2004. – № 4. – С. 11–29.

⁴⁸ Party Systems and Voter Alignments / S. Lipset, S. Rokkan (eds.). – N.Y.: Free press, 1967. – 554 p.

⁴⁹ Данный термин здесь употребляется в том смысле, в котором его использовал М.К. Мамардашвили. См.: Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. Доклад на III Всесоюзной школе по проблеме сознания. – Батуми, 1984; Его же. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1992. – С. 107–121.

сформировавшими 30 лет назад общие контуры современной партийной системы России и определившими ее дальнейшее развитие, стали, во-первых, проблемы установления объема государственного присутствия в жизни общества и, во-вторых, отношение к демократии. Именно эти тренды интересовали заказчиков первого этапа исследования, когда рассыпалась КПСС. Эти же вопросы стояли перед обществом и перед политиками в конце 90-х годов, когда прошла первая волна реформирования и нужно было делать выбор – продолжать начатые преобразования или же свернуть их. Вопросы определения пределов государственного регулирования и приемлемости демократических норм и институтов остаются ключевыми вплоть до сегодняшнего дня.

Естественно, сказанное не отменяет важности изучения и других линий политического размежевания. В частности, Е.Ю. Мелешкина и Н.В. Анохина, следуя концепции «проблемных измерений», выделяли семь линий такого размежевания и в соответствии с ними изучали политическое позиционирование партий, проводя экспертные опросы⁵⁰. В то же время сами авторы признают, что главными проблемами политического поля в 2006–2007 гг. были: 1) социально-экономическое измерение (государственное регулирование экономики, социальные программы и гарантии) и 2) поддержка власти (отношение к существующему режиму, отношения общества и государства). Если отвлечься от терминологических различий, то, по сути, авторы выделяют в качестве приоритетных те же измерения политического пространства, которые выделили мы.

Еще большее значение эти тренды имеют при изучении внутрипартийной интеграции партии власти, поскольку внутреннее согласие именно по этим проблемным линиям формирует ее идеологическую идентичность.

Исходя из этого посыла, автором была разработана матрица для количественного анализа политических ориентаций электората, рядовых членов партии и кадровых партийцев, исходя из их восприятия:

- а) роли государства в жизни общества;
- б) отношения к демократическим институтам и процедурам.

Такой подход к анализу идеологических ориентаций трех групп респондентов привел к выделению двух осей квантитативного анализа, задающих двухмерную структуру политического пространства⁵¹.

⁵⁰ См.: Анохина Н.В., Мелешкина Е.Ю. Идеологическое структурирование российского партийного спектра в преддверии избирательного цикла 2007–2008 гг. // Политэкс. – 2007. – № 1. – С. 21–29.

⁵¹ Впервые такую методологию анализа общественного сознания в начале 90-х годов предложил И.В. Задорин. См.: Задорин И., Бурова Ю., Сюткина А. СМИ и массовое политическое сознание – взаимовлияние и взаимозависимость // Российское общество: становление демократических ценностей. – М.: Гендальф, 1999. – С. 175–197.

Конечно, таких пространственных осей можно было выделить гораздо больше. Однако это могло привести к потере наглядности, препятствующей дальнейшей интерпретации полученных результатов.

Первой осью, задающей структуру идеологического позиционирования, стала ось «этатизм – либерализм». Она раскрывает систему ценностных ориентаций человека применительно к его восприятию роли государства в обществе.

При этом этатизм понимается как признание доминирующей роли государства в системе общественных отношений. В рамках такого подхода государство берет на себя функцию социальной опеки над индивидом, оно полностью страхует его от превратностей рыночной стихии, обеспечивает его экономические, социальные и духовные потребности, определяет жизненные векторы и статусные позиции. При этом сам человек растворяет свое «Я» в государстве, жертвует своей автономией, независимостью, признает преобладающую роль общего блага над частными интересами. Как пели в советских песнях, «забота у нас такая, забота наша большая – жила бы страна родная, и нету других забот». Этатистское сознание предполагает отказ от индивидуальной свободы, индивидуального выбора и личной ответственности за свой жизненный успех. Это сознание глубоко инфантильно, оно наполнено ожиданием социальных, экономических благ от государства в обмен на полную лояльность. В идеале этатизм – это не просто поглощение индивидуальной свободы человека государством, это еще и растворение его индивидуальности в социуме, олицетворяемом государством.

Напротив, либерализм – это этика личной свободы, ограниченной только необходимостью признания и уважения свободы других людей. Либеральная система ценностей начинается с «Я» как исходной точки, от которой формируется вся система восприятия общественного устройства. Либеральное сознание не ждет от государства никаких благ, кроме возможности самостоятельно реализоваться. Не адресуя государству никаких экономических, социальных, культурологических ожиданий, оно строится на этике личной ответственности за индивидуальный жизненный успех и противится любым навязываемым извне ограничениям этой свободы.

Типологизирующими маркерами, значимыми для идентификации позиции индивида (социальной группы) в рамках этой шкалы измерений, является принятие, либо неприятие в качестве нормы следующих доминант (табл. 1).

Естественно, каждая из этих моделей общественного сознания является лишь некоторой абстракцией, упрощением, лишенным жизни «идеальным типом» в веберовском смысле этого понятия. Модели выступают конечными точками шкалы измерения социального пространства, на одном полюсе которого находится государство, поглощающее все сферы общественной жизни, а на другом – свободная

личность, самостоятельно определяющая свое место в мире. Реальное место людей в этой системе социальных координат определяется более или менее непротиворечивым набором ценностей, смыслов и ожиданий, формируемых, прежде всего, под влиянием личного жизненного опыта и социального статуса.

Таблица 1

Характерные черты этатистского и либерального мировоззрения

Мировоззренческие доминанты	Этатизм	Либерализм
Отношение к собственности	Доминирование государственной собственности	Основа экономики – частная собственность и частный интерес
Проблема социального равенства	Абсолютизация принципа социального равенства, его реализация через систему государственного нормирования	Полный отказ от внешних ограничений как в богатстве, так и в бедности
Вопросы социальной защиты	Полный пакет социальных гарантий от государства	Добровольное социальное страхование
Личные свободы	Жесткая государственная регламентация деятельности людей во всех сферах общественной жизни	Признание личных свобод в качестве базиса общественного устройства, этика личной ответственности

При этом предельные выражения крайних позиций весьма лабильны. И крайний этатизм, и полная свобода в различных условиях, на разных стадиях общественного развития имеют реальное воплощение, довольно существенно разнящееся по своим конкретным проявлениям. С одной стороны, с нарастанием многообразия видов человеческой деятельности увеличивается и число свобод, с другой – усложнение системы социальных связей обуславливает необходимость все новых видов регулирования этих процессов хотя бы для поддержания их естественного равновесия.

Поэтому указанная ось измерения политического пространства – это есть некий континуум между максимально полными вы-

ражениями этатизма и либерализма применительно к конкретным условиям проявления этих идеальных сущностей. Например, представлений о свободе в Интернете три десятка лет назад просто не существовало. Естественно, не было и стремления «направить ее в позитивное русло», ограничить законом и т. д. А сейчас различное отношение к интернет-свободе является одним из значимых проявлений интериоризации ценностей этатизма либо либерализма.

Другое измерение политических ориентаций формирует ось «авторитаризм – демократия». При этом в качестве индикаторов для измерения демократичности или авторитарности политического сознания электората, рядовых партийцев и партийного аппарата были выбраны те характеристики демократии, которые принимаются большинством исследователей в качестве ее имманентной сущности⁵²:

- политическое участие, свободное от внешнего давления;
- выборность должностных лиц;
- конкурентность политической среды;
- многопартийность;
- возможность свободного донесения политиками своих взглядов до избирателя.

Соответственно, позитивные оценки этих демократических институтов были интерпретированы как проявление политических ориентаций демократического типа, напротив, негативное отношение к ним либо позитивное восприятие противоположных институтов выступало свидетельством типологической авторитарности сознания респондентов.

Общая оценка по шкале демократичности или авторитарности политического сознания осуществлялась на основе интегральных данных, которые основывались, с одной стороны, на отсутствии смысловых противоречий в оценке респондентами различных составляющих демократии, а с другой – интенсивности проявлений этих ценностно значимых суждений.

Позиционирование воззрений человека по этой шкале осуществлялось с учетом следующих переменных:

- а) готовность к политическому участию, выражаемая через сознательное (без внешнего принуждения) участие в выборах, референдумах и иных формах политического самовыражения;
- б) неприятие любых форм внешнего давления при осуществлении политического волеизъявления;
- в) признание легитимности только тех должностных лиц, принимающих общезначимые политические решения, которые получили свой статус, пройдя через процедуру свободных выборов;

⁵² См., например: Тилли Ч. Демократия. – М.: Ин-т общественного проектирования, 2007. – 263 с.

г) неприятие искусственных ограничений политической конкуренции;

д) толерантность в отношении политических партий (фракций), сторонником которых данный респондент не является;

е) негативное отношение к практике политического цензурирования.

При этом вес каждой из указанных переменных оценивался в диапазоне от -1 до $+1$ в зависимости от интенсивности проявления принятия или неприятия соответствующих позиций.

Конечно, в ходе исследования эти шесть компонентов появились далеко не сразу. Даже будучи теоретически сформулированными, они по разным причинам не всегда в полном объеме входили в инструментарий эмпирических исследований⁵³. Соответственно, формула для расчета точки политического позиционирования претерпевала определенные изменения. Однако, несмотря на нетождественность формулировок вопросов и тестовых заданий, применяемых на разных этапах исследования, полученные результаты в целом следует оценивать как транспарентные. Отклонения были скорее терминологическими, чем смысловыми, поскольку в ходе каждого этапа измерялись одни и те же переменные, и разброс оценочных суждений в каждом случае фиксировался по одной и той же шкале.

Вообще, наверное, абсолютно тождественная система индикаторов, используемых для выявления политических ориентаций, невозможна. Одни и те же события, одни и те же подходы в разном историческом контексте имеют различный смысл. Например, в 2000–2010-е годы XXI в. существовала система назначения губернаторов Законодательным собранием региона по представлению Президента РФ, который выдвигал одну кандидатуру из трех, предложенных партией, получившей большинство на выборах. Эта система может восприниматься, с одной стороны, как бюрократи-

⁵³ В 1989–1991 гг. у автора этой книги еще не сформировалось представление о необходимости измерения политического участия, поскольку практически все выборы и референдумы в этот период проходили при максимальной явке. И автора, и заказчиков в тот период гораздо больше интересовали ориентации респондентов в отношении разных форм обретения легитимности. Эти данные оценивались как политический ресурс, имеющий практическую значимость. Ведь они отвечали на вопрос, кто сильнее: М. Горбачев, получивший легитимность сверху, от бюрократического аппарата, управлявшего страной на протяжении десятилетий, или Б. Ельцин, обретший ее благодаря поддержке избирателей. Политическое противостояние этих фигур определяло сюжетную линию главной интриги той эпохи, и, естественно, инструментарий опросов был «заочен» под него. В 1998 г. перед респондентами не ставился вопрос об отношении к практике политического цензурирования в силу отсутствия таковой. В тот период и автор, и заказчик исследования наивно полагали, что этот вопрос потерял актуальность.

ческая абракадабра, извращающая суть выборных демократических институтов до их полной противоположности⁵⁴, а с другой – как радикальный прорыв к подлинной демократии. Во всяком случае, в конце 80-х годов XX в. и даже в начале 90-х такой порядок воспринимался бы как прорыв к демократии. Для нас был важен именно вектор изменения общественного сознания.

Другим ограничителем, влияющим на точность определения политических позиций индивида, является естественный разброс крайних, полярных значений в контексте каждой конкретной исторически определенной реальности. Вообще, эти крайние значения, лимитирующие шкалу измерений, чаще всего предстают не в виде какой-то качественной определенности, имеющей свою устойчивую структуру и взаимосвязь элементов, а как некие диаметрально противоположные векторы, равноудаленные от нулевого, нейтрального значения. А разлет этих противоположных мнений по оси «авторитаризм – демократия» в разные периоды может довольно существенно дифференцироваться. Соответственно, при разработке инструментария, эффективного для использования в различных исторических условиях⁵⁵, необходимо учитывать ширину коридора возможностей функционирования политической системы и поведения человека в ней.

С учетом указанных ограничений использование двух осей измерения политического пространства («этатизм – либерализм» и «демократия – авторитаризм») позволило создать матрицу идентификации политического сознания, в которой были выделены четыре основных типа политического сознания (рис. 1).

Таким образом, сектор между шкалами «этатизм – авторитаризм» представляет собой набор ориентаций *тоталитарного типа*, который предполагает полное огосударствление экономики и полный отказ от свободы и демократии.

Сектор между авторитаризмом и либерализмом – *авторитарные ориентации*, которые в экономической сфере представлены поддержкой свободы предпринимательства, экономической конкуренции, экономического индивидуализма, тогда как в политической сфере – признанием жесткой системы авторитарного политического управления.

⁵⁴ Именно так ее трактовали в 2010 г. лидеры «неооглаеных»: Г. Каепаров, Б. Немцов, А. Навальный и другие.

⁵⁵ Несмотря на то что десятилетние отрезки, прошедшие между каждым из этапов исследования, – ерок относительно небольшой, исторические изменения экономической и политической структуры общества, которые они вмещали, были настолько кардинальны, что их можно отнести к различным историческим эпохам.

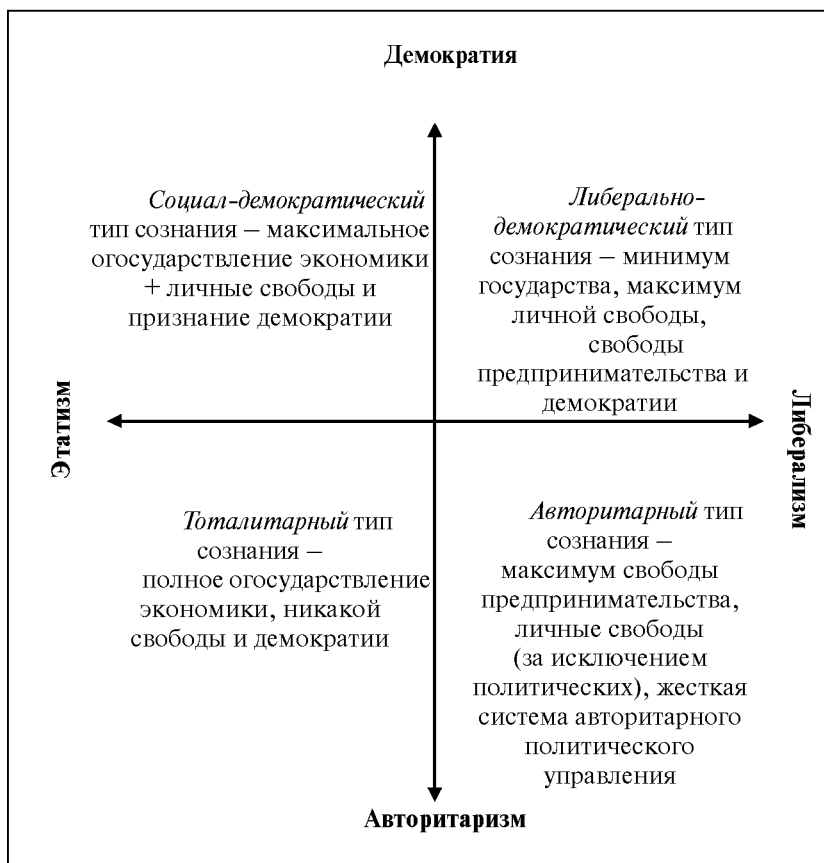

Рис. 1. Матрица идентификации политического сознания

Сектор между либеральной и демократической шкалами представляет собой *либерально-демократические ориентации*, которые как в политической, так и в экономической сферах опираются на большой объем свобод (выбора, предпринимательства и т. д.) и минимальное присутствие государства в жизни общества.

Пересечение шкал «этатизм – демократия» демонстрирует *социально-демократический тип ориентаций*, который предполагает максимальное огосударствление экономики плюс признание личных свобод и демократии.

В рамках этой матрицы ориентации каждого из респондентов идентифицируются на основе следующих показателей:

- а) качественная определенность ориентаций;
- б) степень внутренней непротиворечивости позиций;

в) интенсивность принятия или неприятия соответствующих ориентаций и ценностей.

Другая проблема, с которой пришлось столкнуться на методологическом уровне, – это вопрос, как обеспечить аутентичность измерения политических ориентаций на «разных этажах» политического института, называемого партией власти. Как указывалось выше, политическая идентичность партии – это соответствие официальной идеологии партии системе представлений, ориентаций, экспектаций большинства электората, рядовых партийцев и партийного аппарата, или «актива», если придерживаться терминологии КПСС.

Соответственно, для получения результата мы должны были наложить и сравнить между собой координаты политического позиционирования по указанным осям политического пространства применительно к четырем уровням существования партии власти:

- 1) электорат в целом или, по крайней мере, его активная часть;
- 2) партийная масса (рядовые члены партии);
- 3) партийный аппарат (номенклатура);
- 4) партийная элита.

Но это сравнение весьма затруднительно, поскольку каждый из этажей партийно-властной пирамиды воспринимает политическую реальность, мыслит и действует в своей системе терминов, понятий и образов, зависящих не только от степени включенности людей в политический процесс, но и от уровня их образования, статусных позиций, жизненного опыта, общей и политической культуры, возможностей для самовыражения по политическим вопросам и т. д. Кроме того, немаловажное значение для выбора конкретного инструментария исследования имеет еще и возможность доступа исследователей к соответствующему объекту изучения. Естественно, для выявления политических ориентаций людей, находящихся на разных этажах этой лестницы, невозможно использовать какой-либо единственный универсальный инструмент.

Если для анализа политических позиций партийной элиты вполне подходят такие источники, как тексты официальных программ и выступлений партийных лидеров по ключевым вопросам повестки дня, то применительно к электорату и партийной массе наиболее подходящим инструментом является методика массовых социологических опросов по стандартизированным бланкам интервью. А для выявления позиций партаппаратчиков, как показал опыт, более подходит метод глубинного интервьюирования, с элементами экспертного опроса, поскольку в своих публичных выступлениях они, как правило, стандартно ретранслируют идеологические установки, идущие от партийной элиты.

Но помимо чисто инструментальных особенностей приходилось учитывать еще и глубину освоения тех или иных ценностей, от которых зависит устойчивость соответствующих ориентаций.

Необходимость такого рода дополнений была обусловлена тем, что все периоды проведения исследований характеризовались крайней волатильностью рейтингов политических лидеров. Замеры, проведенные нами в Самарской области в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого века, показали, что рейтинг доверия Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева среди электората за полтора последних года его нахождения у власти упал почти вдвое, с 67,1 до 39,2 %, а отношение к нему рядовых партийцев изменилось в еще большей пропорции. Если осенью 1989 г. ему доверяли 78,7 % опрошенных, то весной 1991 г. – лишь 29,4 %⁵⁶. Собственно из-за этих резких перепадов рейтингов, которые ощущались участниками событий непосредственно, без всяких опросов, у партийных чиновников, нуждавшихся в более или менее устойчивой системе координат, и возникла идея проведения такого исследования, о чем уже говорилось выше.

Для решения этой проблемы вся совокупность политических ориентаций была дифференцирована на три уровня:

Первый уровень – это *ситуативные политические ориентации*, они проявляются через личностное отношение индивида к тем или иным участникам политического процесса. Соответственно, степень интегрированности этих ориентаций имеет обратно-пропорциональную зависимость от глубины интеграции индивида в политический процесс. Если на уровне элиты личностные ориентации зависят от включенности в соответствующие неформальные связи, от принадлежности партийных функционеров к командам и внутрикорпоративным группировкам и носят достаточно устойчивый характер, то на массовом уровне личностные ориентации наименее устойчивы. Они зависят от двух-трех правильно сформулированных месседжей, идущих от политических лидеров⁵⁷, интенсивности их тиражирования средствами массовой коммуникации и других проходящих факторов, находящихся вне личностных установок самого индивида. Например, колоссальному взлету популярности М.С. Горбачева в середине 80-х годов способствовали такие чисто внешние факторы, как его относительная молодость и умение свободно говорить на любую тему, которые кардинально отличали его от старой элиты, находившейся в состоянии «полураспада» и изъяснявшейся исключительно по заранее написанным шпаргалкам⁵⁸. А Б.Н. Ельцин стал популярным благодаря своим нестандартным поступкам, таким, как поездка в автобусе или посещение поликлиники, что по

⁵⁶ Данные, полученные социологической лабораторией Куйбышевского государственного университета по Куйбышевской области.

⁵⁷ Это месседжи, соответствующие общественным ожиданиям.

⁵⁸ Фокус-группы, проведенные автором накануне избирательной кампании 1989 г. по выборам на Съезд народных депутатов СССР, полностью подтвердили это мнение.

тем временам (да и по нынешним) воспринималось как сошествие небожителя на землю. Вместе с тем эти символические действия очень мало коррелировались с содержанием программ, предлагаемых М. Горбачевым и Б. Ельциным, и той реальной политикой, которую они проводили. Основания для формирования ситуативных политических ориентаций могут быть самыми разными – стиль высказываний и поведения политических лидеров, их внешность и т. д. По большому счету ситуативные политические ориентации – это не вопрос собственно политики, это вопрос политтехнологий.

Ситуативные ориентации воспринимаются людьми в категориях «доверяю – не доверяю», они основываются на эмоциях и поэтому неустойчивы. Эти ориентации наиболее очевидны для восприятия. Результаты любых выборов отражают именно эти ориентации. Задача любой избирательной кампании, и это знает каждый практикующий политтехнолог, заключается в том, чтобы попасть в унисон с чувствами, с настроениями большинства избирателей⁵⁹. С изменением эмоционального фона ситуационные ориентации разрушаются столь же иррационально и быстро, как и возникают. Наглядным подтверждением этого тезиса являются перепады рейтинга доверия Б.Н. Ельцина, который за два срока его президентства колебался в пределах от 3 до 60 % (рис. 2).

Более стабильные, более фундаментальные основания для политического позиционирования дают второй и третий уровень ориентаций – *нормативно-идеологические* (или просто идеологические) и *статусно-аксиологические*. Эти ориентации отражают субъективную готовность (способность) индивидов принять модель общественных отношений, которая формулируется в предвыборных программах (либо других идеологических текстах) как оптимальный тип общественного устройства. Вместе с тем эти ориентации отличаются друг от друга по форме внутреннего самооправдания, по основаниям для принятия определенных отношений в качестве оптимальных.

Нормативно-идеологический уровень базируется на рациональном обосновании каких-либо форм общественного устройства, оптимальных моделей его будущего и поведения индивидов. Они существуют в виде определенных клише, отражающих программные

⁵⁹ Следует отметить, что большинство практикующих политиков при этом утверждают, что главная задача избирательной кампании – донести до избирателя систематическое представление о предвыборной программе соответствующего кандидата. Чего здесь больше – наигранной позы или добросовестного заблуждения – зависит от личности политика и конкретной ситуации. Но по собственному опыту ведения избирательных кампаний, в которых автор принимал участие с 1990 г., можно сказать, что большинство успешных кандидатов сами не читали те материалы, которые распроектировались от их имени в качестве предвыборных программ.

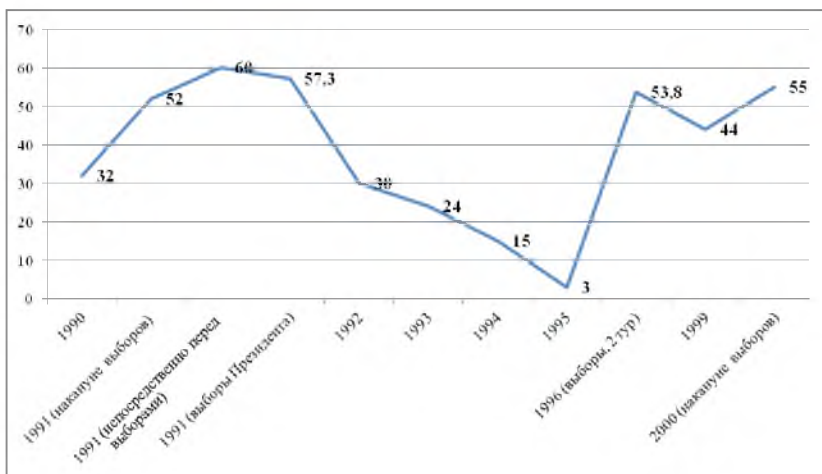

Рис. 2. Динамика рейтинга Б.Н. Ельцина с 1990 по 2000 гг., в %
(на основе данных ФОМа и ВЦИОМа)⁶⁰

тезисы партий. Это декларируемые партиями нормы жизнедеятельности, воспринимаемые людьми в качестве желательных. Для конца 80-х годов такими клише были, например, лозунги: «Нет – уравниловке!», «Больше демократии!», «Свободу рыночным отношениям!» и т. д. При этом сами нормативно-идеологические представления об общественной реальности являются своеобразными абстракциями, подобно тому как математические формулы являются абстрагированной формой существования количественных зависимостей, существующих в реальном мире. В отличие от ситуативного уровня, здесь происходит определенная деперсонификация образа оптимального будущего.

Таким образом, нормативно-идеологические ориентации – это некие идеологические штампы, клише, в которых генерализируется опыт человеческой деятельности. Доктрины, являющиеся содержательным наполнением идеологий, выходя на уровень массового сознания, трансформируются в достаточно простые конструкции. Теории низводятся здесь до уровня лозунгов. Для массовой политической культуры современного Запада характерна подмена по-

⁶⁰ См.: Мороз О.П. Как падал ельцинский рейтинг // Как Зюганов стал президентом. – М.: Радуга, 1996. – URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/1016009/6/Moroz_-_Elcin_Lebed_Hasavyurt.html (дата обращения: 17.03.2016), а также данные ФОМа. URL: http://bd.fom.ru/cat/eltzin/_rating_eltzin/ (дата обращения: 05.12.2017).

литической идеологии партийной идентификацией, которая складывалась в течение десятков лет. Российская партийная система в 90-е годы только начинала развиваться, соответственно у партий не было более-менее длительной традиции идеологического строительства, а партийные идеологии имели мало общего с классическими идеологиями, отраженными в их названиях⁶¹. Таким образом, идеология для масс представляла, прежде всего, в некоем наборе штампов.

Итак, в обобщенном виде нормативно-идеологические ориентации – это определенное личностное отношение человека к разнородным идеологическим штампам, стереотипам идеального будущего, предлагаемым политическими акторами. Это отношение является итогом, следствием взаимодействия очень многих факторов, начиная от субъективного жизненного опыта, образования и заканчивая системой идеологической обработки, через которую проходят люди в процессе социализации.

В сознании отдельного человека нормативно-идеологические ориентации существуют в виде политических убеждений. При этом сами люди далеко не всегда могут сформулировать тип своих убеждений, для этого необходимы политическая рефлексия и соответствующая теоретическая подготовка. Но характер убеждений можно установить через отношение людей к соответствующим идеологическим клише, когда терминологические конструкции выступают индикаторами какой-либо идеологии. Более или менее акцентированное отношение к идеологическим штампам, их относительно непротиворечивый набор являются проявлениями нормативно-идеологических ориентаций.

Следовательно, инструментарий, который применяется для сканирования ориентаций второго уровня, должен включать в себя формулировки соответствующих идеологических стереотипов и шкалирование степеней личностного отношения к соответствующим конструкциям. Отношение к ним как к норме, как к желательному состоянию общества можно интерпретировать в качестве положительного вектора, а акцентированное неприятие данных форм общественного устройства, отношение к ним как к девиации оценивалось как противоположные политические ориентации идеологического уровня.

Для этого в процессе проведения массовых эмпирических исследований применялись типовые интервью с формулировками различных норм и стандартизированными 3- или 5-балльными шкалами (в диапазоне от – 1 до +1). Кроме того, при проведении интервью

⁶¹ Как, например, у ЛДПР, которая не только никогда не транслировала либеральные идеологические комплексы, но, более того, всегда вытупала их рьяным противником.

с кадровыми партийными работниками им предлагалось оценить формы общественного устройства с точки зрения их реализуемости, желательности или нежелательности. Для этого использовались вопросы: «Какие плюсы и какие минусы, по вашему мнению, несет с собой соответствующая общественная форма?» При этом каждый аргумент «за» интерпретировался как проявление определенной нормативно-идеологической ориентации (чем больше было аргументов «за», тем более явной была эта ориентация), а каждый аргумент «против» – как показатель противоположной ориентации.

В то же время идеологические императивы хотя и являются более устойчивыми по сравнению с ситуативными ориентациями, тем не менее могут существенно меняться под влиянием политических событий, когда целые социальные слои отказываются от вчерашних символов веры. Так, например, произошло в 90-х годах XX в. с понятием «демократия». Если в начале 90-х годов для победы на выборах абсолютно безвестного кандидата порой достаточно было сказать, что он кандидат демократической ориентации, то в конце десятилетия та же самая аудитория произносила это слово нередко не иначе, как «дерьмократ», со всеми вытекающими политическими последствиями. В свою очередь, даже на уровне политических активистов нередко фигурировало и до сих пор живет представление о демократии как диктатуре «демократов».

Поэтому для того чтобы выявить идейно-политические позиции, не столь подвластные политической конъюнктуре, необходимо перейти от уровня идеологических штампов к более глубинным основаниям нормативных представлений о желаемом общественно-политическом устройстве. Следовательно, нужно проникнуть на совершенно иной по своим основаниям статусно-аксиологический уровень общественного сознания.

На *статусно-аксиологическом уровне* политические ориентации представляют собой внутреннюю готовность человека к игре по правилам, определяемым реализацией тех или иных партийно-политических доктрин. Они выражаются в восприятии какого-либо типа общественных отношений как естественных и легитимных. Статусно-аксиологические ориентации не следует путать с привычными стереотипами поведения. Например, трудовые отношения по принципу «они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем» были вполне типичными в условиях социализма. Но в то же время они воспринимались многими людьми как аномалия, как извращение самих основ правильно организованного общества, как нечто, что требует принципиального изменения.

Статусно-аксиологические ориентации в отличие от нормативно-идеологических существуют не в виде абстрактных формул, законов и правил общественного устройства, а в виде ценностно-определенных «структур повседневности», используя терминологию

гию Ф. Броделя. Эти структуры складываются из типичных форм жизнедеятельности и статусных позиций, занимаемых в них индивидом. При этом соответствующие статусные позиции и сами модели взаимодействия могут либо устраивать, либо не устраивать человека.

Однако при всей объективности этих стандартных структур жизнедеятельности они формируются и существуют не сами по себе, а как частный случай организации общества, одним из конституирующих факторов которого является власть, действующая в соответствии с теми или иными идеологемами. Иными словами, эти структуры повседневного бытия выступают как производная доминирующего типа государственной идеологии⁶². А значит, субъективное принятие либо неприятие человеком типовых форм функционирования общества является показателем его ориентации на тот или иной тип идеологии. Разумеется, эта связь не является линейной. Однако реформатирование общества в соответствии с определенной идеологией меняет жизнь людей. И уровень поддержки власти, осуществляющей преобразования либо сдерживающей их, в общественном сознании зависит в конечном итоге от указанных статусно-аксиологических ориентаций, от уровня удовлетворенности индивида своим местом в системе социальных координат и восприятия своих жизненных перспектив.

Еще одним отличием статусно-аксиологических ориентаций от других форм политической идентификации является минимальный уровень манипулятивного воздействия идеологических институтов на их формирование. Роль политического PR, расцветающего буйным цветом в периоды выборов, здесь минимальна, в отличие от ситуативных политических ориентаций. Также невелика роль пропагандистской машины государства и партий, в отличие от ориентаций нормативно-идеологического уровня, где формирование нужных стереотипов, клише да и самого понятийного аппарата восприятия политической реальности осуществляется под непосредственным влиянием этих институтов, обеспечивающих рационально-спекулятивное обоснование соответствующих представлений. Роль логически рациональных аргументов при формировании статусно-аксиологического уровня политических ориентаций ничтожна, но это и не иррациональный выбор символов веры. Здесь мы имеем дело скорее с надындивидуальной рациональностью общественного устройства,

⁶² Точнее говоря, это производная от многих переменных, в числе которых технологический способ производства, географическое положение, климат, исторические традиции, господствующий экономический уклад и т. д. И доминирующая государственная идеология выступает здесь в качестве одной из базовых, конституирующих социальную ткань переменных, все которой, безусловно, в разных обществах не одинаков, но нигде не равен нулю.

далеко не всегда рефлекслируемой самими людьми. Это то, что Гегель называл «объективным бытием субъективного духа»⁶³.

Как же измерить эту сущность? Для этого нужно поставить человека в состояние выбора между типологически различными формами поведения: принятие либо неприятие какой-либо из моделей поведения и будет отражать его статусно-аксиологическое позиционирование. Выбор различных форм поведения при решении схожих проблем, стоящих перед каждым человеком (получение образования, жилья, работы, общественного признания и т. д.), в совокупности отражает тип его поведенческих ориентаций, адекватных той или иной модели конституирования политической системы. Причем такое позиционирование носит характеристики не только качественной, но и количественной определенности, выражающиеся в большей или меньшей точности, решительности выбора, с одной стороны, и непротиворечивости предпочтительных линий поведения, с другой. Соответственно, это делает возможным проведение измерений.

Мы разработали методику анализа нормативно-идеологических и статусно-аксиологических ориентаций. Первоначально (в 1990 г.) для выявления *нормативно-идеологических* ориентаций нами использовалась шкала, содержащая 12 маркеров, позволяющих идентифицировать систему взглядов респондента в рамках оси «этатизм – либерализм», и 13 показателей по шкале «авторитаризм – демократия». В основном это были разнонаправленные по своему идеологическому вектору предложения, содержащиеся в политических программных документах основных участников политического процесса той бурной поры. Мы предлагали респондентам меню, позволяющее с разной степенью интенсивности выразить свое согласие либо несогласие с соответствующими утверждениями и идеологемами. При этом значения «+» и «-», присваиваемые нами различным вариантам ответов, не содержали в себе никакой ценностной окраски, это были просто направления вектора, отклонения от нулевого значения. Также при формулировке вопросов мы старались всячески нивелировать оценочную составляющую тех или иных действий, норм, предложений по изменению либо сохранению существующей на тот момент системы общественных отношений и государственно-политического устройства. Это было достаточно сложно, поскольку эмоциональный градус многих программ значительно превосходил их содержательную составляющую, многие вещи подразумевались, но еще не произносились вслух или, по крайней мере, не печатались, несмотря на расцвет «гласности» в стране.

Для выявления позиционирования респондентов на *статусно-аксиологическом уровне* мы сделали подборку жизненных, поведенче-

⁶³ Гегель Г. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – 800 с.

ских ситуаций, связанных с выбором типологически определенных моделей встраивания индивида в социальную ткань и политическую систему. В рамках шкалы «этатизм – либерализм» мы предлагали респондентам 14 таких идентифицирующих позиций, а для шкалы «авторитарность – демократия» – 13.

Затем при обработке интервью индивидуальная для каждого респондента точка позиционирования выявлялась по следующей формуле:

$$T = \frac{A_1 + A_2 + A_3 \dots A_k}{k},$$

где T – точка позиционирования;

A – конкретная позиция респондента по каждой шкале (при анализе двух видов ориентаций на различных шкалах использовались разные обозначения для позиций: при измерении нормативно-идеологических ориентаций по шкале «этатизм – либерализм» – n; по шкале «авторитаризм – демократия» – а, статусно-аксиологические позиции по шкале «этатизм – либерализм» – 1; по шкале «авторитаризм – демократия» – р);

k – количество позиций.

Например, если мы возьмем наиболее типичную (т. е. получившую относительно большинство по каждому из вопросов) позицию рядового избирателя образца 1990 г., то она выглядит следующим образом:

1. Нормативно-идеологическое позиционирование:

1.1. Шкала «этатизм – либерализм»:

$$\frac{(n1 = 0) + (n2 = 0,5) + (n3 = 1) - (n4 = 0,5) + (n5 = 0) + (n7 = 0,5) - (n8 = 0,5) - (n9 = 0,5) - (n10 = 0,5) - (n11 = 1) - (n12 = 0,5)}{11} = -0,1364$$

1.2. Шкала «авторитарность – демократия»:

$$\frac{(a1 = +0,5) + (a2 = 0,5) + (a3 = 0,5) + (a6 = 0,5) + (a7 = 1) + (a10 = 0) + (a12 = 0)}{7} = +0,4286$$

2. Статусно-аксиологическое позиционирование:

2.1. Шкала «этатизм – либерализм»:

$$\frac{(11 = 0) + (12 = 0) + (13 = -1) + (14 = -1) + (15 = -0,5) + (16 = -1) + (17 = -1) + (18 = -1) + (110 = +1) + (111 = +1) + (112 = -1) + (113 = -1) + (114 = +1)}{13} = -0,3462$$

2.2. Шкала «авторитарность – демократия»:

$$\frac{(p_1 = 0,5) + (p_2 = 1) + (p_3 = -1) + (p_4 = +0,5) + (p_5 = 0) + (p_6 = +1) + (p_7 = +0,5) + (p_8 = -1) + (p_9 = 0) + (p_{10} = 0) + (p_{11} = -1) + (p_{12} = -0,5) + (p_{13} = +1)}{13} = +0,0769$$

На плоскостной двухмерной матрице это позиционирование выглядит следующим образом (рис. 3).

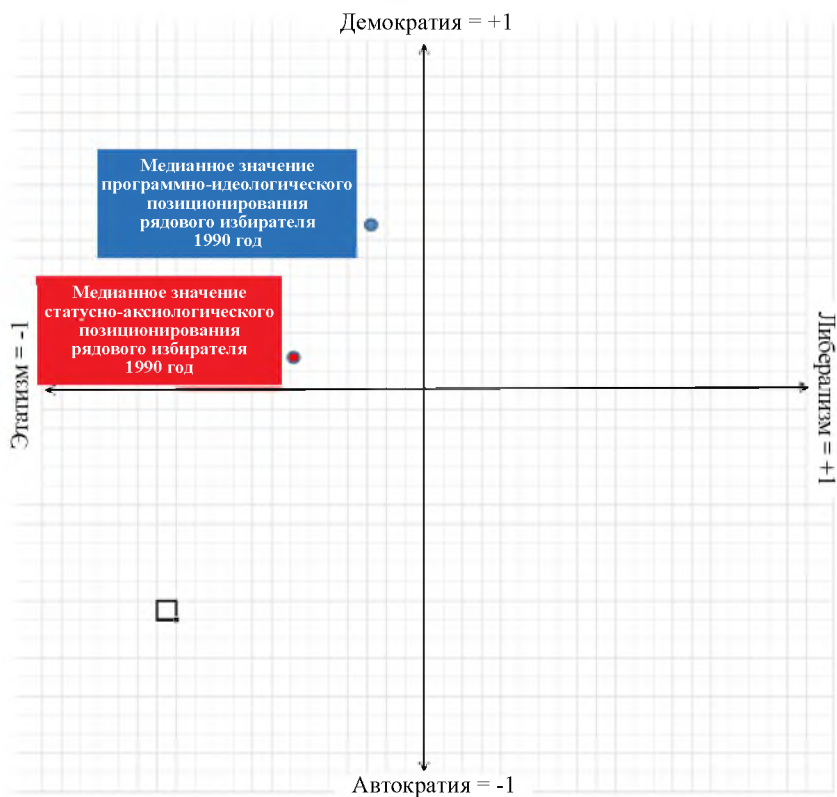

Рис. 3. Матрица типичного нормативно-идеологического и статусно-аксиологического позиционирования рядового избирателя в 1990 г.

Сам по себе этот усредненный показатель мало что даст для анализа реальных настроений в обществе. По нему можно лишь судить, что в 1990 г. наиболее типичными как на идеологическом, так и на аксиологическом уровне общественного сознания были представления социал-демократического типа. Однако картина общественных

настроений предстает совсем в другом свете, если мы возьмем не просто усредненные показатели, а разброс всего веера позиций респондентов, принявших участие в исследовании, который является отражением реальной дифференциации позиций. И в этом свете та же самая картина нормативно-идеологических настроений населения выглядит следующим образом⁶⁴ (рис. 4).

Эта картина становится еще более наглядной, когда числовое значение концентрации позиций респондентов мы фиксируем через интенсивность закрашки соответствующих ячеек матрицы (рис. 5).

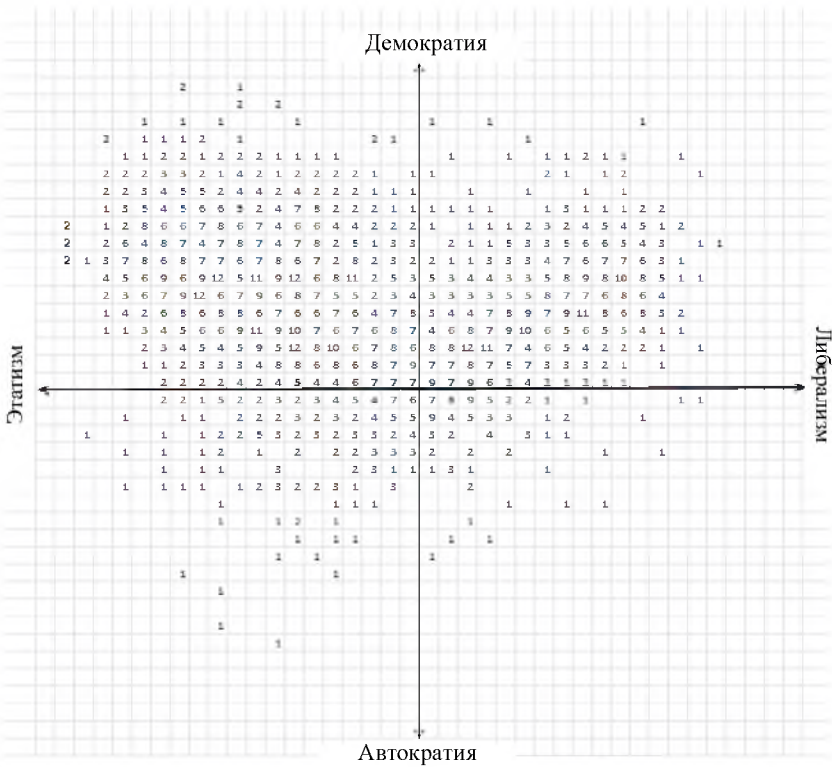

Рис. 4. Концентрация нормативно-идеологических позиций населения на матрице политических ориентаций

⁶⁴ Цифрами здесь обозначено число индивидуальных точек позиционирования респондентов, находящихся в диапазоне, соответствующем размеру указанной клетки (шаг шкалы здесь равен $\pm 0,05$).

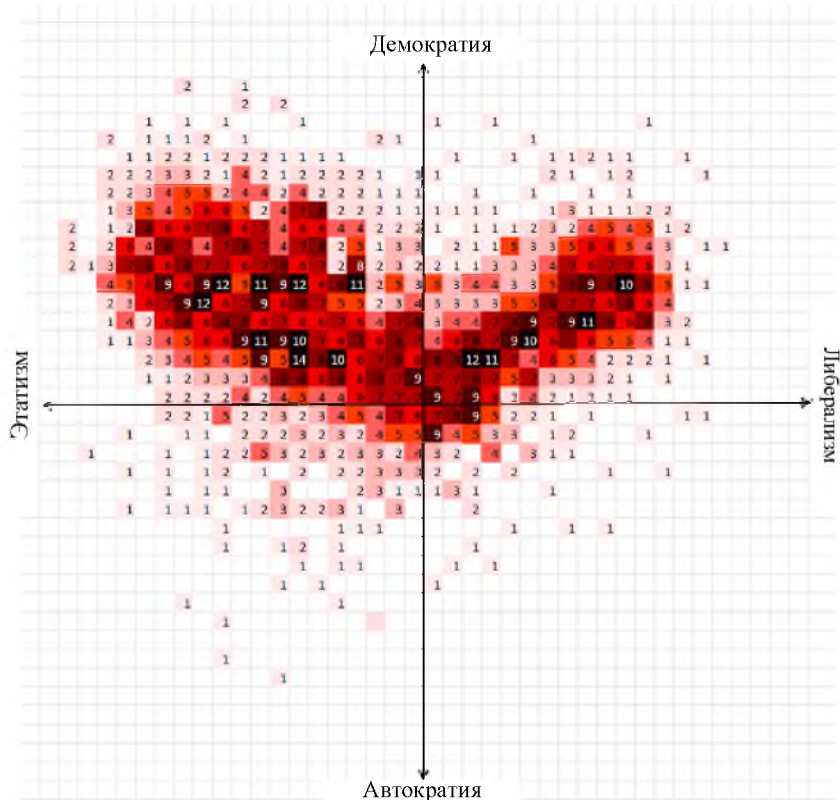

Рис. 5. Нормативно-идеологические ориентации населения (1990)

Таким образом, при анализе и описании процессов структурирования и развития общественного сознания на переломном этапе российской истории мы использовали комплексный междисциплинарный подход, что позволило нам собрать и обобщить материалы эмпирических исследований, полученных непосредственно в период происходящих изменений.

Идеологические расколы российского общества на рубеже 80–90-х годов XX века

В развитии идеологии коммунистической партократии в период перестройки можно выделить два этапа: 1) с марта 1985 до июня 1988 гг., с избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС и до XIX Всесоюзной партийной конференции, когда в выступлениях М.С. Горбачева в СМИ появилась идеология «перестройки» как «революции»⁶⁵ против партийной бюрократии⁶⁶; 2) с июля 1988 до августа 1991 гг. – этап открытой борьбы М.С. Горбачева, а потом и Б.Н. Ельцина против руководящей роли КПСС и коммунистической идеологии с позиций социал-демократизма (М.С. Горбачев) и либерализма (Б.Н. Ельцин).

Официальная политическая идеология распалась, переставала быть единой и единственной. При этом продолжался формальный рост численности членов КПСС. Если на 1 января 1981 г. членов и кандидатов в члены КПСС было 17 430 413 чел.; на 1 января 1986 г. – 19 003 378, то на 1 января 1989 г. – 19 487 822 чел.⁶⁷ В последующем наметился устойчивый спад численности членов партии.

⁶⁵ С июля 1986 г. М.С. Горбачев заявляет, что «перестройка» носит «революционный характер» и закрепляет этот тезис во всех своих выступлениях и решениях ЦК в 1987 и первой половине 1988 гг.; Перестройка неотложна, она касается всех и во всем: сборник материалов о поездке М.С. Горбачева на Дальний Восток, 25–31 июля 1986 г. – М.: Политиздат, 1986. – 95 с.; О перестройке и кадровой политике. Постановление Пленума ЦК КПСС, 27–28 января 1987 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – Т. 15. – С. 354; Горбачев М.С. Партия революции – партия перестройки, 13 октября 1987 г. Речь на встрече с ветеранами партии // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 5. – С. 355–370; Его же. Октябрь и перестройка: Революция продолжается, 2 ноября 1987 г. Доклад на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции // Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. – М.: Политиздат, 1988. – Т. 5. – С. 386–436.

⁶⁶ «О демократизации советского общества и реформе политической системы», «О борьбе с бюрократизмом». Резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС, 28 июня – 1 июля 1988 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – Т. 15. – С. 628–646.

⁶⁷ Численный состав КПСС (1917–1991 гг.). – URL: <https://sovtime.ru/kpss/ehislennyij-sostav-kpss> (дата обращения: 17.05.2017).

Данный факт свидетельствует о том, что политика М.С. Горбачева на «обновление социализма» принималась и поддерживалась населением. Но она расходилась с объективными интересами и внутренней идеологией и мировоззрением партийной бюрократии⁶⁸. В то же время декларируемые взгляды М.С. Горбачева постоянно эволюционировали.

С начала 1989 г., когда в стране фактически была введена многопартийность, противники КПСС на II Съезде народных депутатов СССР 12 декабря 1989 г. организовали бурную агитацию за отмену 6 статьи Конституции СССР (1977 г.), закрепляющей руководящую роль КПСС.

4 февраля 1990 г. в Москве прошли массовые митинги, на улицы столицы вышло, по меньшей мере, 200–300 тыс. человек. Это была самая мощная и хорошо подготовленная акция протеста, главным лозунгом которой стало требование отмены 6 статьи Конституции⁶⁹.

5 февраля 1990 г. состоялся расширенный Пленум ЦК КПСС, который принял решение о введении поста Президента СССР, ликвидации 6 статьи Конституции и, по сути, введении многопартийной системы. В марте 1990 г. эти положения были закреплены в решениях III Внеочередного съезда народных депутатов (12–15 марта 1990 г.)⁷⁰.

С этого момента положение КПСС в политической системе советского общества меняется кардинально. Возникает кризис монополии КПСС, хотя она еще не потеряла государственную власть.

В то же время ощущение распада старой общественной системы отнюдь не было преобладающим. Если в столице предчувствие новой эпохи ощущалось более-менее отчетливо, то в провинции происходящие в стране изменения казались лишь газетными публикациями. Подавляющее большинство населения жило обывательным укладом, мыслило привычными стереотипами. Это касалось не только рабочих, душившихся по утрам в трамваях, а вечером – в очередях за водкой, но и региональной административно-политической элиты.

1990–1991 гг. были временем агонии КПСС и всей старой советской системы государственного управления. Сейчас, по проше-

⁶⁸ См.: Яковлев А.Н. «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет» [Независимая газета. 2 декабря 2003 г. Беседа вел А. Колюков] // Яковлев Александр. Избранные интервью: 1992–2005. – М.: Политиздат, 2009. – С. 335–340.

⁶⁹ Шестые 4 февраля 1990 г. в Москве – толчок к краху СССР, 6 февраля 2017 г. // Информационно-аналитический центр. – URL: <http://inancs.ru/2017/02/tolchok-k-krahu-sssr> (дата обращения: 17.05.2017).

⁷⁰ Отмена 6 статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС. Справка. – URL: <https://ria.ru/spravka/20100314/213855855.html> (дата обращения: 17.05.2017).

ствии лет, это суждение кажется очевидным и не требующим доказательств. Однако большинству участников событий того периода будущее представлялось, как минимум, поливариантным.

Основные линии идеологического размежевания общества пролегли вокруг следующих событий.

Прежде всего, это выборы Президента РСФСР 12 июня 1991 г. – первые по-настоящему демократические альтернативные выборы в истории России, в ходе которых обществу предстояло сделать выбор среди нескольких кандидатов, представляющих, с одной стороны, различные группы внутри партийного аппарата КПСС (Н. Рыжков, В. Бакатин, А. Макашов), а с другой – несистемную на тот момент оппозицию (Б. Ельцин, В. Жириновский, А. Тулеев). Безусловным лидером предвыборной гонки и ее триумфатором стал Б. Ельцин, получивший уже в первом туре более 57 % голосов избирателей, принявших участие в голосовании⁷¹. Вместе с тем при всей однозначности итогов выборов политический курс новой власти в тот момент был далеко не столь очевиден, как это представляется сейчас, по прошествии двух с лишним десятков лет.

Во-первых, оставался открытым вопрос: в какой мере голосование за Б. Ельцина было выбором того либерально-демократического вектора развития страны, который он обозначил в своих предвыборных выступлениях? Этот вопрос не только представлял академический интерес, но и имел сугубо практическую значимость. От ответа на него зависела устойчивость новой власти, а значит, решительность, последовательность ее действий.

Соответственно, для партийной номенклатуры ответ на этот вопрос обозначал направление политико-идеологической мимикрии: либо встать в ряды демократов, «вовремя предав» лидеров перестройки, зовущих к «социализму с человеческим лицом», либо, дождавшись конца восторженного увлечения демократическими реформами и их лидерами, вернуться во власть на гребне второй волны политической трансформации.

Во-вторых, выборы, с одной стороны, показали возможности, а с другой – ограниченность манипулятивного воздействия на сам электоральный процесс. КПСС не справилась с основной задачей

⁷¹ В Самарской области показатели итогов голосования на президентских выборах отличались от общероссийских значений в пределах, не превышающих статистической погрешности, – за Б. Ельцина здесь было подано 58,7 % голосов. Точно такие же расхождения с общероссийскими данными были продемонстрированы тремя месяцами ранее при проведении референдума о введении поста Президента России и сохранении СССР как единого государства. Все это позволило исследователям называть в 90-х годах Самарскую область российским вариантом штата Нью-Гэмпшир (См.: Мацузато К. Регионы России: хроника и руководители. – Саппоро: SRC, Hokkaido University, 1997. – Т. 1. – С. 27).

партии власти, не обеспечила политическую мобилизацию общества на поддержку нужных государственной бюрократии решений в заданных институциональных рамках публичности политического процесса⁷². «Административный ресурс», неизменно дававший необходимый электоральный результат, несмотря на то что общество уже не первый год рассказывало про власть анекдоты, в этот раз дважды дал сбой – сначала в марте, а потом – в июне 1991 г.

Соответственно возникал вопрос: в чем причина этого «системного сбоя» – в достижении обществом такой стадии интериоризации демократических ценностей, что оно принципиально отторгло любые попытки навязывания электорального выбора, либо в стремительном устаревании методов достижения нужного электорального результата, используемых партийным аппаратом.

Ответ на вопрос о допустимости, методах и значимости манипулятивного фактора в процессе выборов имел значение для дальнейшего конституирования и позиционирования политических акторов уже в новой России.

Вторая группа проблем, вокруг которых строились общественно-политические дискуссии 1990–1991 гг., касалась российского суверенитета. На фоне перманентных конфликтов между союзными и республиканскими органами власти возникла проблема приоритетности их решений. Все это сопровождалось национал-сепаратистскими выступлениями, вспыхивающими то в одном, то в другом регионе страны, и поднимающейся волной репатриации русскоязычного населения из еще вчера «братских» республик.

Эти проблемы заложили линии идеологического размежевания, актуальные до сих пор. И они не только проходили на нормативно-идеологическом уровне восприятия социальной реальности, но и формировали социально-аксиологический генотип посткоммунистического общества.

Еще одну группу проблем, задававших повестку дня того периода, составляли вопросы о допустимости существования – с идеологических и ценностных позиций – различных социальных и политических институтов. На практике это выражалось в различном отношении людей к таким явлениям, как тотальный дефицит продуктов и товаров массового потребления; частная собственность, появившаяся в стране под флагом кооперативного движения; многопартийность; свобода слова (или в терминологии тех лет – гласность); выборность руководителей⁷³;

⁷² См.: Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 395–396.

⁷³ Выборность руководителей предприятий была введена после февральского Пленума ЦК КПСС 1987 г., однако на практике выборы руководителей начались в 1989 г., а в 1991 г. уже обозначились некоторые итоги деятельности «народных директоров», которые очень серьезно отличались от их обещаний, данных трудовым коллективам в момент избрания.

открытая протестная активность граждан; активизация церкви и псевдоклерикальных объединений; кампания по борьбе с пьянством.

Эти проблемы в значительной степени формировали тот общественный контекст, в котором строилась вся политика конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века.

Наконец, еще одну группу проблем, определяющую поле политического позиционирования в 1991 г., представляли вопросы организационного строения КПСС. В частности, вопросы о территориальном или производственном принципе построения партийных организаций и о привилегиях партийной номенклатуры.

Эти темы в тот момент были далеко не внутривнутрипартийными. Они широко обсуждались обществом, и в зависимости от точки зрения пролегалась линия позиционирования не только партии, но и общества в целом. А для значительной части партийного аппарата эти организационно-технические по своей сути вопросы приобрели статус идеологических и даже статусно-аксиологических.

И каждый из этих вопросов становился в тот момент настоящим водоразделом общественных настроений, предметом жестких споров «на кухнях» и иногда выплескивался в публичную плоскость, находя отражение в «перестроечных» средствах массовой информации, расхоронившихся миллионными тиражами.

Весной 1990 г., когда началось наше исследование по заказу Куйбышевского обкома КПСС, мы создали инструментарий исследования в соответствии с указанными реперными точками идейного размежевания. Как отмечалось в предыдущей главе, объектом исследования выступали три категории респондентов:

население Куйбышевской (ныне – Самарской) области. Всего было опрошено 1 849 человек методом случайной адресной выборки с поквартирным обходом;

рядовые члены КПСС, не занимавшие никаких выборных партийных должностей (всего 1978 респондентов). Опрос проводился на предприятиях области по случайной пошаговой выборке учетных карточек членов КПСС;

партийный аппарат КПСС и ВЛКСМ (номенклатура, «аппаратчики», освобожденные сотрудники партийных и комсомольских органов). Опрос проводился методом анонимного анкетирования во время проведения областных, городских и районных партийных конференций. Всего было опрошено 1697 респондентов, относящихся к этой категории.

Первоначально исследовались нормативно-идеологические установки респондентов по шкале «этатизм – либерализм». Нами были получены следующие результаты. Важнейшим маркером коммунистической идеологии всегда был вопрос об отношении к частной собственности. Негативное отношение к ней высказали практически все группы опрошенных, но с разной степенью ин-

тенсивности. Наиболее непримиримую позицию к частной собственности занимали представители партноменклатуры (75,9 %, в то время как у рядовых членов партии и населения эти показатели были, соответственно, на уровне 54,1 и 49,6 %). Поддержка частной собственности составила 17,2 % у населения, 19,9 % – у рядовых членов партии и 12,4 % – у партактива. Наблюдаемые различия носили не сущностный характер, а скорее были связаны с пониманием вопроса. Среди 33,2 % рядовых граждан, затруднившихся ответить на этот вопрос, большинство просто не понимали, что значит: «частная собственность должна стать основой экономики», это и отмечали интервьюеры.

Другой идеологический маркер – отношение к основному принципу распределения доходов – показал, что позиции указанных трех групп респондентов существенно различаются. За отказ от уравниловки и снятие всех ограничений по заработной плате высказывались 54,9 % опрошенного населения, в то время как за ее сохранение – 35,7 %. Значительным большинством (56,4 % «за» и 20,4 % «против») они отметили, что размер заработной платы должен зависеть только от трудового вклада каждого.

Среди рядовых членов партии эта позиция была выражена еще более отчетливо: против уравниловки выступили 57,1 %, за распределение доходов по принципу трудового участия – 61,8 %. В то же время среди рядовых членов партии доминировало представление, что заработная плата должна устанавливаться централизованно и не выходить за пределы, определенные государством (54,1 и 48,4 %). На уровне нормативно-идеологических представлений в массовом сознании доминировал сумбур, люди просто не понимали, что отказ от уравнилительной системы и снятие ограничений по заработной плате невозможны при государственном централизованном регулировании доходов.

Отношение кадровых партийных работников к этому вопросу было более последовательным: за сохранение уравнилительной системы высказалось 48,2 % респондентов из этой группы, за государственное нормирование доходов – 50,1 %. При этом на проверочный вопрос об установлении государственных нормативов заработной платы также высказалось относительное большинство опрошенных – 51,4 %. Обращает на себя внимание и тот факт, что от 30 до 40 % представителей партноменклатуры разделяли в этом вопросе абсолютно либеральный подход по снятию всех ограничений по заработной плате. Особенно отчетливо это представление было выражено у представителей комсомольского актива, где эти идеи поддерживали более двух третей опрошенных.

В отношении принципа государственного регулирования цен позиции всех трех групп различались не столь существенно, хотя и здесь представители партийной номенклатуры были более по-

следователны в своей позиции – за сохранение системы ценового регулирования выступили 60,3 % партийных функционеров, 53,9 % рядовых партийцев и 57,9 % опрошенного населения. Уже тогда обращало на себя внимание то обстоятельство, что представители более молодого крыла номенклатурных работников, комсомольские активисты находились на принципиально иных позициях, 46,8 % представителей этой группы выступали за отмену планового государственного ценообразования.

Что же касается вопросов социальной ответственности государства и самих граждан (табл. 2), то здесь относительное большинство респондентов всех трех групп исходило из нормативного представления о социальном государстве, берущем на себя основные функции социального обеспечения (в широком смысле этого понятия).

Таблица 2

**Формы социальной ответственности государства,
поддерживаемые респондентами
(в % к числу опрошенных)**

Варианты ответа на вопрос: «Государство должно обеспечить...»:	Группы респондентов		
	Население	Рядовые члены КПСС	Партийный актив КПСС
выплату гражданам пенсий и пособий по больничным листам	68,7	67,7	84,7
жильем всех граждан бесплатно на основе единых социальных нормативов жилой площади	76,1	67,6	59,2

Еще одним идеологическим маркером позиций респондентов было их отношение к религии. Атеизм (или материализм) как мировоззренческий принцип в идеологии коммунизма сопоставим по своему значению с вопросами отношения к собственности или распределению доходов. В анкете этот вопрос был сформулирован максимально нейтрально: «Каждый человек имеет право самостоятельно решать – верить в Бога или нет?». Такая позиция была зафиксирована в Конституции СССР, начиная с 1918 г. (ст. 13), однако коммунистическая партия на практике активно вела пропаганду атеизма и запрещала религиозное обучение и популяризацию ре-

лигиозных верований. Объявляя «свободу совести» частным делом гражданина, КПСС фактически признавала ее также делом государства и Коммунистической партии. Членам КПСС запрещалось верить в Бога. Результаты проведенного в 1990 г. исследования показали, что весьма значительная часть населения (40,3 %), рядовых партийцев (38,6 %) и даже партийной номенклатуры весьма лояльно относились к свободе вероисповедования, несмотря ни на какую атеистическую пропаганду. В то же время почти 30 % опрошенных всех групп не смогли ответить на этот вопрос, затруднившись с ответом, а остальные поддержали традиционную для советского общества идеологию, согласно которой вопросы вероисповедания не относятся к сфере частной жизни, куда ни партия, ни государство не могут вмешиваться. Однако даже среди представителей партийной номенклатуры такая позиция не стала доминирующей, в ее пользу высказалось лишь 42,4 % опрошенных.

Вопрос о порядке комплектования армии традиционно не входил в число системообразующих признаков коммунистической идеологии. Но с середины 80-х годов в перестроечной прессе началась широкая антиармейская кампания. Ее основными требованиями были пресечение «дедовщины», отказ от использования солдат на «строительстве генеральских дач», а также прекращение войны в Афганистане. В конце 80-х – начале 90-х годов после начала событий в Нагорном Карабахе и в Сумгаите, при подавлении протестов в Алма-Ате и во время Чернобыльской катастрофы, в Тбилиси и в Вильнюсе антиармейская кампания была дополнена требованием не использовать армию во внутренних конфликтах. Под влиянием этой кампании в военкоматах резко возросло число призывников, не годных к несению строевой службы, сократились конкурсы в военные училища. Во многих регионах появились «комитеты солдатских матерей», которые не только стремились оградить своих чад от призыва, но и пытались вмешиваться во внутриармейский быт. В этой ситуации отношение к армии, к принципам ее комплектования стало не просто одним из ключевых вопросов политической повестки, но и переросло в фундаментальную идеологическую дилемму о праве государства распоряжаться жизнью своих граждан.

Наше исследование показало, что в последние годы существования Советского Союза «армейский вопрос» разделил общество. За переход на контрактную форму набора в армию в 1990 г. высказывались 35,1 % населения, в то время как за сохранение традиционных форм призыва – 44,4 %. Среди рядовых членов партии этот раскол был еще глубже: за отказ от призыва высказывались 43,7 %, а за его сохранение – 48,4 %. Против армейской реформы в тот период выступала лишь партийная номенклатура (60 %), но и в этой среде каждый шестой был за контрактную армию, а почти четверть отказалась отвечать.

Далее проводилось исследование нормативно-идеологических ориентаций по оси «авторитаризм – демократия». При этом в качестве индикаторов для измерения демократичности или авторитарности политического сознания электората, рядовых партийцев и партийного аппарата было использовано 13 вопросов, отражающих отношение респондентов к политическим свободам, статусу КПСС в политической системе и формам ее деятельности. В рамках данной шкалы расхождение идеологических позиций различных групп респондентов оказалось гораздо более глубоким, чем по линии «либерализм – этатизм».

Это показал уже вопрос об отношении представителей различных категорий опрошенных к гласности. В тот период 50,4 % населения и 57,8 % рядовых членов КПСС считали гласность безусловной ценностью и даже высказывались за введение уголовной ответственности за попытки ее ограничения. Это был тот самый «золотой век» журналистики, когда тиражи периодических изданий исчислялись семи- и восьмизначными цифрами⁷⁴, когда рейтинги прямых трансляций со съездов народных депутатов превышали рейтинги чемпионата мира по футболу, когда безвестный младший научный сотрудник какого-нибудь НИИ, опубликовав одну-две яркие статьи, в одночасье становился властителем дум, когда само упоминание, что человек работает в журналистике, делало его фаворитом на любых выборах⁷⁵.

В то же время отношение партийной номенклатуры КПСС к гласности было резко отрицательным. За сохранение внешнего, в первую очередь идеологического, контроля за редакционной политикой изданий в 1990 г. высказались 89,5 % представителей этой группы, и лишь 5,4 % поддерживали принцип гласности.

Глубокое идеологическое расхождение между партократией и населением, а также рядовыми членами партии проявлялось и в вопросе о роли КПСС в политической системе страны. Так на вопрос об отношении респондентов к 6 статье Конституции СССР граждане и рядовые члены партии однозначно высказывались за ее отмену (59,8 и 59,2 % соответственно). В то же время такую пози-

⁷⁴ Еженедельник «Аргументы и факты» попал в 1990 г. в Книгу рекордов Гиннесса как газета с самым большим в мире тиражом – тогда он составлял 33,5 млн экземпляров. См.: Ранне Р. Самые могучие СМИ России // Иноеми.ру. – 23.04.2012. – URL: <https://www.google.ru/amp/s/inosmi.ru/amp/social/20120423/190977318.html> (дата обращения: 27.12.2017).

⁷⁵ Ярким примером человека, получившего журналистское образование и в 90-е годы ставшего политиком, является Дмитрий Rogozin: закончив факультет журналистики МГУ и проработав по специальности пять лет, в 1991 г. Д. Rogozin становится членом Партии народной свободы (ПНС), что послужило началом его политической карьеры.

цию поддерживали лишь 6,4 % освобожденных партийных и комсомольских работников, а 83,5 % были против.

На близкий по смыслу вопрос «Должна ли КПСС оставаться ведущей силой советского общества?» партноменклатура также отвечала положительно: «за» – 80,6 %, «против» – 13,2 %. В то же время среди рядовых членов КПСС такой позиции придерживались лишь 38,1 % опрошенных, а против монополии КПСС были 35,1 %. Эти позиции рядовых партийцев практически не отличались от мнения большинства населения: здесь за особый статус Коммунистической партии были 35,1 % опрошенных, а против – 39,8 %.

Примерно так же распределялись ответы на вопрос о многопартийности в СССР. Здесь мы видим принципиальное несопадение позиции номенклатуры и рядовых членов КПСС, солидаризующихся с мнением беспартийной массы. За многопартийность в 1990 г. были лишь 8,7 % номенклатурных работников (при этом против – 78,5 %); а среди рядовых членов партии – более 2/3 опрошенных (68,7 %), против – лишь 21,3 %. Население также однозначно высказывалось за введение многопартийности: «за» – 70,6 %, «против» – 17,9 %.

Этот же идеологический разрыв между партийной номенклатурой и рядовыми членами партии проявился и в понимании способов формирования руководящих органов как партийных организаций, так и иных властных структур. На предложение, выдвинутое в контексте резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС «О демократизации советского общества и реформе политической системы» (1988 г.)⁷⁶, о прямых выборах секретарей райкомов, горкомов, обкомов КПСС методом всеобщего тайного голосования позитивно отреагировали 78,9 % рядовых партийцев, тогда как среди освобожденных партийных работников лишь 29,9 %, большинство из них, 61,6 %, были против.

В вопросе об отмене номенклатурной системы назначения и ротации кадров и замене ее прямыми выборами на все руководящие должности позиции партийно-комсомольского аппарата и рядовых членов партии также кардинально расходились уже к весне 1990 г. За всеобщую выборность выступали 73,1 % рядовых партийцев, тогда как 77,4 % партийных аппаратчиков были против. Причем в этом вопросе позиция рядовых членов КПСС была выражена даже более однозначно, чем у населения в целом: среди простых граждан идею всеобщей выборности руководителей поддерживало 43,8 %, в то время как 35,9 % опрошенных не смогли однозначно сформулировать свою позицию.

Еще одна группа вопросов была адресована только членам КПСС, поскольку речь шла о проблемах внутривнутрипартийного устрой-

⁷⁶ Резолюция XIX Всесоюзной конференции КПСС // История новой России. – URL: <http://www.ru-90.ru/content/резолюции-хix-всесоюзной-конференции-кпсс> (дата обращения: 26.07.2018).

ства. Эта тематика не столь широко обсуждалась в обществе, однако, учитывая роль КПСС в политической системе страны, значение проблем внутрипартийного строительства невозможно было преувеличить.

Полученные результаты показали, что по многим внутриорганизационным вопросам позиции партийной номенклатуры и рядовых коммунистов значительно расходились (табл. 3).

Таблица 3

Динамика ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к следующим предложениям по перестройке жизни партии?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Рядовые члены КПСС		Номенклатура КПСС	
	За	Против	За	Против
Партийные организации необходимо вывести за пределы предприятий, они должны существовать только по месту жительства	39,5	24,9	10,1	79,4
Нужно сформировать идеологические комиссии, контролирующие редакционную политику средств массовой информации	29,8	56,1	63,7	29,9
Назначение на руководящие должности должно осуществляться по рекомендациям партийных органов	21,1	54,5	70,8	20,3
Членов КПСС, выходящих из партии, необходимо освобождать от занимаемой должности	27,7	57,7	78,6	13,1
В КПСС нужно сохранить ленинские принципы демократического централизма и запрета фракционной деятельности	29,6	37,1	65,1	23,9
Нужно исключить из Устава КПСС норму о «демократическом централизме», разрешив свободу внутрипартийных объединений	39,1	32,1	12,1	60

Самой острой проблемой, отделившей партийную номенклатуру от других категорий респондентов, стал вопрос о льготах для освобожденных партийных работников. Тогда, в условиях тотального дефицита на продукты и потребительские товары, этот вопрос стал настоящим водоразделом между партноменклатурой и обществом. За отмену всех льгот для освобожденных партийных работников вы-

сказывались 85,7 % жителей региона и 82,3 % рядовых партийцев. В то же время такую позицию самоограничения разделяли лишь 3,7 % представителей номенклатуры. А подавляющее большинство, 87,6 %, выступали за сохранение «спецпайков» и «спецраспределителей».

Стремясь сохранить свой «маленький коммунистический рай» в виде права покупать колбасу и другие продукты по сниженным ценам и без очередей, коммунистическая номенклатура проявила поразительную идеологическую и политическую близорукость. Держась за свои привилегии, она утрачивала идеологическую идентичность с обществом, ту самую нематериальную сущность, которая в конечном счете была и основанием, и обоснованием ее господствующего положения в обществе.

Позиции рядовых членов КПСС и большинства населения по всем ключевым вопросам тогдашней повестки дня практически совпадали. Профессиональные партийные кадры при этом находились в жестком идеологическом противостоянии не только с населением, но и со своей же партийной массой.

Это противопоставление по важнейшим идеологическим позициям не могло не сказаться на судьбе партии. Утратив идеологическое единство с народом, потеряв доверие не только общества, но и своих однопартийцев, партийная элита, в конце концов, потеряла все.

Уже с весны 1990 г., задолго до августовского путча и официального запрета партии, начался массовый отток рядовых членов партии из КПСС. Если в 1989 г. разорванный партбилет⁷⁷ воспринимался как эпатажирующий поступок, граничащий с жестом отчаяния, то годом позже это стало рутиной политического распада партии. А те коммунисты, которые в большинстве своем оказывались на противоположных идеологических позициях с собственными лидерами, но не решались написать заявление о выходе, в 1990 г. просто переставали ходить на собрания и не платили членские взносы. Они, по сути, разрывали связи с партией, хотя и оставались формально ее членами⁷⁸.

⁷⁷ Такой акт «политического самоубийства», как писала тогда газета «Волжская заря», совершил в июле 1989 г. рабочий Куйбышевского авиационного завода В. Карлов, публично разорвавший свой партийный билет во время массового митинга протеста против I секретаря обкома КПСС Е.Ф. Муравьева. Впрочем, это не помешало ему не только избраться в состав областного Совета народных депутатов в марте 1990 г., но и возглавить в нем комитет по промышленности.

⁷⁸ Так, в разговоре с автором этих строк управляющий делами Куйбышевского обкома КПСС Ю.М. Логойдо сетовал, что по итогам III квартала 1990 г. 32 % членов партии имеют долги по уплате членских взносов. А весной 1991 г. он же говорил о том, что областную партийную организацию покинули примерно 12 % ее численного состава.

И этим моментально воспользовались идеологические оппоненты КПСС. С 1988 г., с момента резонансной, но бессмысленной для непосвященных дискуссии между Б.Н. Ельциным и Е.К. Лигачевым на XIX Всесоюзной партийной конференции⁷⁹, начался взрывной рост популярности будущего Президента России Б.Н. Ельцина. Для нас, университетских социологов, делавших тогда первые шаги на ниве политической социологии, все это выглядело лавинообразным процессом, который был особенно очевиден на фоне падения доверия к другим лидерам страны (рис. 6).

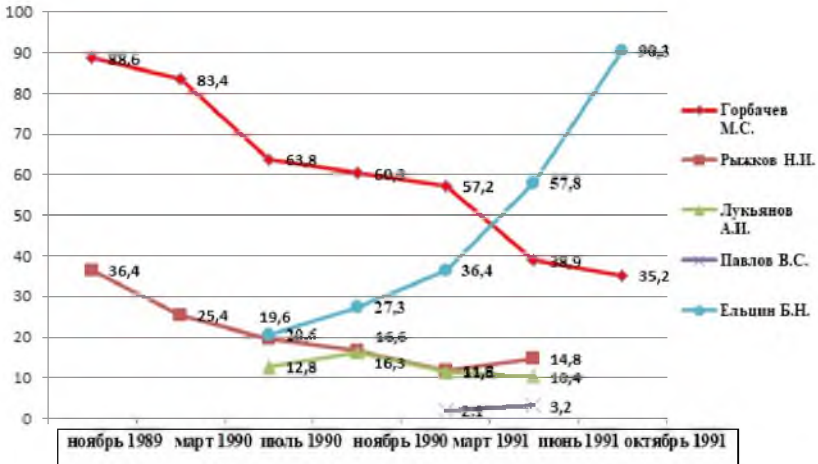

Рис. 6. Динамика уровня доверия политическим лидерам России в период с ноября 1989 по октябрь 1991 гг. (в % к числу опрошенных)

Это же видели и чувствовали руководители регионального уровня, во всяком случае, опыт наших бесед с управляющим делами Куйбышевского обкома КПСС Ю.М. Логойдо, секретарем обкома партии по идеологии Г.Н. Деревякиным, заведующим идеологическим отделом Куйбышевского обкома партии Н.И. Грибановым, секретарем по идеологии Куйбышевского горкома КПСС Ю.И. Мосыченко показывал, что они видели и понимали, что Коммунистическая партия, а с ней и вся система власти в стране находятся в состоянии саморазрушения. В то же время ни в Куйбышевском обкоме, ни в партийных структурах других регионов страны не предпринималось никаких реальных действий, чтобы переломить этот негативный тренд. Точнее,

⁷⁹ См.: Материалы XIX Всесоюзной конференции КПСС: сборник документов и материалов КПСС в стенограммах, документах и материалах. – М.: Политиздат, 1988. – 160 с.

усилий было много, но они касались частностей и не претендовали на системный подход, не затрагивали сути процессов⁸⁰. Реальной идеологической и политической трансформации партии мешали также отсутствие в партийном аппарате практики принятия самостоятельных политических решений, годами воспитанная привычка колебаться вместе с линией центрального руководства⁸¹.

Вместе с тем для нас уже тогда было интересно, насколько устойчивы позиции новой политической силы, активно идущей во власть, как они соответствуют идеологическим и культурным стереотипам народа, а значит, насколько решения и действия новой власти будут совпадать с ожиданиями людей. Небольшой тогда еще опыт наблюдения за политическими процессами, в том числе за историей стремительного восхождения на вершины власти и популярности М.С. Горбачева, а затем такого же стремительного его падения, неизбежно поднимал вопрос о поиске новой идеологической и ментальной идентичности власти и общества. Мы попытались найти в наших интервью другой, более глубокий смысл, попробовали обобщить и описать в синтезированном виде содержание и структуру этих экспектаций, несущих в себе как идеологические наслоения разных эпох, так и базовые для российского общества черты политико-культурного архетипа общественного сознания.

⁸⁰ Например, Ю.И. Мосыченко в тот период ежедневно участвовал в 2–3 дискуссиях на различных площадках, пытаясь отстаивать позиции партии перед своими политическими оппонентами, или, как их тогда называли, неформальными политическими объединениями. Однако, во-первых, сами эти позиции были крайне уязвимыми для идеологической и ценностно-мотивированной критики. Во-вторых, большинство работников партийных органов в то время считали, что все это временные экзекуции, которые сами собой пройдут. Многие просто откровенно боялись выходить на диалог с людьми, а тем более формулировать и отстаивать позиции, расходящиеся со спущенными сверху указаниями.

⁸¹ Например, в мае 1991 г. мы представили в Куйбышевский обком КПСС прогноз голосования в области на президентских выборах, где однозначную победу отдавали Б.Н. Ельцину (потом так и случилось, мы ошиблись на 0,8 %). И главный вопрос тогда был: что со всем этим делать? Мы предложили руководителям региона быть просто последовательными в своих позициях, что означало, если КПСС была изначально против президентских выборов, то и не надо в них участвовать совсем. Не нужно агитировать за абсолютно проигрышную кандидатуру Н.И. Рыжкова. Не стоит организовывать сами выборы, не надо направлять своих представителей в избирательные комиссии. Учитывая, что никакой официальной институционализации избирательных комиссий тогда не было, голосование просто не состоялось бы. Но секретарь обкома В.С. Романов, которому доложили наш план, отреагировал абсолютно по-бюрократически. Он не стал принимать никаких решений, мотивируя это тем, что «если мы так поступим, нас всех завтра разгонят». Через три месяца обком был закрыт, а В.С. Романов сначала стал безработным, потом начальником отдела в «Самараэнерго», а затем более 20 лет был депутатом Государственной Думы от КПРФ.

С этой целью варианты ответов на вопросы анкеты интерпретировались нами не только в терминологии непосредственно данной проблемной области, но и более широкого идеологического и аксиологического размежевания в соответствии с методологией, описанной в первой главе. Интеграция разнородных суждений в контексте их отношения к ключевым ценностным ориентирам позволила объединить их в единую систему политического мировосприятия.

С одной стороны, эти обобщения показали размытость ориентаций практически всех категорий респондентов, начиная от населения и заканчивая кадровыми работниками партийных органов. С другой стороны, они продемонстрировали колоссальный диссонанс между нормативно-идеологическим и статусно-аксиологическим уровнем политического мировосприятия.

Наглядную картину структуры нормативно-идеологического позиционирования населения можно увидеть на рис. 7.

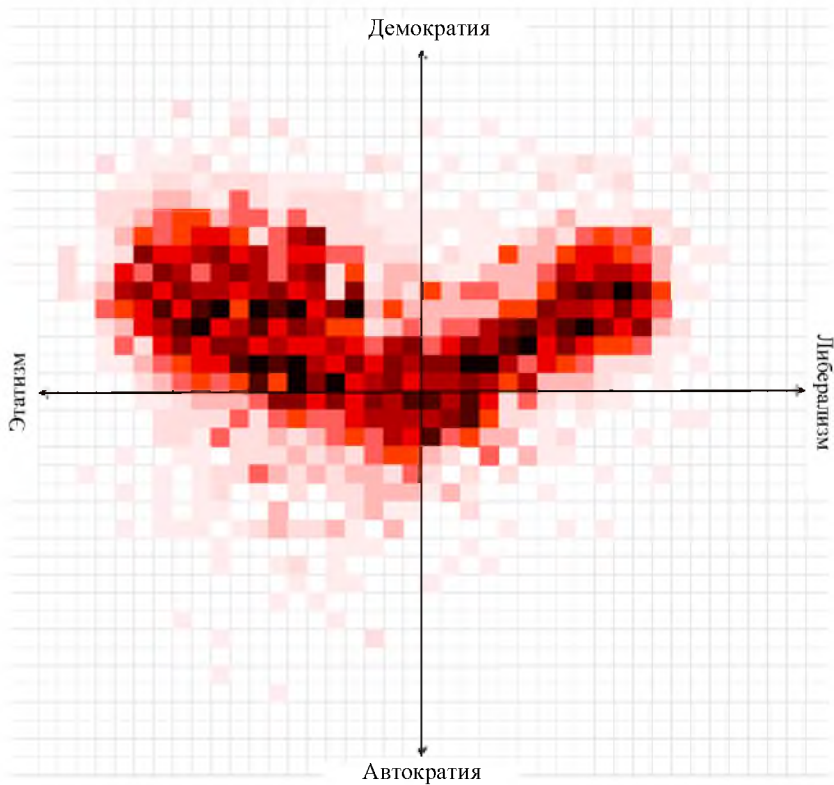

Рис. 7. Нормативно-идеологические ориентации населения (1990)

Как мы видим, на уровне нормативно-идеологических ориентаций в 1990 г. было отчетливо представлено два центра идеологического тяготения. В ходе исследования удалось идентифицировать нормативно-идеологические ориентации у 1 952 респондентов из 1 985 чел.⁸² Из них чуть больше половины (50,8 % – 1 008 чел.) можно было обозначить как сторонников социал-демократических взглядов, и в этом отношении следует признать, что перестроечная пропаганда, ориентированная именно на такой тип идеологии, в целом достигла своих целей. В то же время 28,1 % опрошенных (558 респондентов) принадлежали к либерально-демократическому сектору нормативно-идеологического позиционирования. Учитывая, что в период проведения опроса (весна 1990 г.) индивидуальный рейтинг М.С. Горбачева среди избирателей Куйбышевской области был втрое выше, чем у Б.Н. Ельцина, следует отметить, что процессы идеологической трансформации общества в тот период шли даже быстрее, чем идейная перекраска лидеров перестройки. При этом попытки консервативного идеологического крыла в руководстве партии остановить эти процессы особых шансов на успех уже не имели⁸³. Как показывает карта частотного распределения идеологических позиций населения, тоталитарных (т. е. этатистских и антидемократических) идеологических воззрений тогда придерживались 13,8 % опрошенных, авторитарных взглядов (либерально-антидемократических) – 7,3 %, т. е. явное меньшинство.

И в самой партии, среди рядовых членов КПСС, идеологические воззрения консерваторов пользовались еще меньшей поддержкой. Более того, среди рядовых членов партии частотная структура распределения индивидуальных идеологических позиций имела преимущественно либерально-демократический уклон (рис. 8), т. е. в отличие от населения КПСС в массе своей в тот момент была ближе к позициям Б.Н. Ельцина.

По сути, консервативно-охранительная идеология тоталитарно-сталинского типа в тот момент разделялась только представите-

⁸² Остальные идентифицировать не удалось, поскольку при заполнении опросных листов отсутствовали ответы более чем на 20 % вопросов, значимых для идентификации идеологических ориентаций.

⁸³ В частности, в мае 1990 г. в политическом плане проходила под знаком противостояния Б.Н. Ельцина и лидера консервативного крыла в КПСС И.К. Полозкова в борьбе за пост Председателя Верховного Совета РСФСР. И хотя сам И.К. Полозков считал, что у него тогда было больше поддержки, чем у Б.Н. Ельцина, и что он занял свою кандидатуру только под давлением М.С. Горбачева и других членов Политбюро, в обществе идеи консерваторов особой поддержкой в тот момент уже не пользовались. См.: Ванденко А. Партия Ленина – сила народная... // Новый взгляд. – 1992. – № 15. – С. 47–54.

лями части партийной номенклатуры⁸⁴. Эта группа в численном выражении была самой большой в партаппарате (46 % респондентов, у которых удалось выявить вектор их идеологических ориентаций), но далеко не единственной. В частности, 29,2 % партийных кадров разделяли социал-демократические идеи, проповедуемые М.С. Горбачевым, еще четверть опрошенных поддерживала умеренно-либеральные взгляды на место и роль государства в обществе (рис. 9).

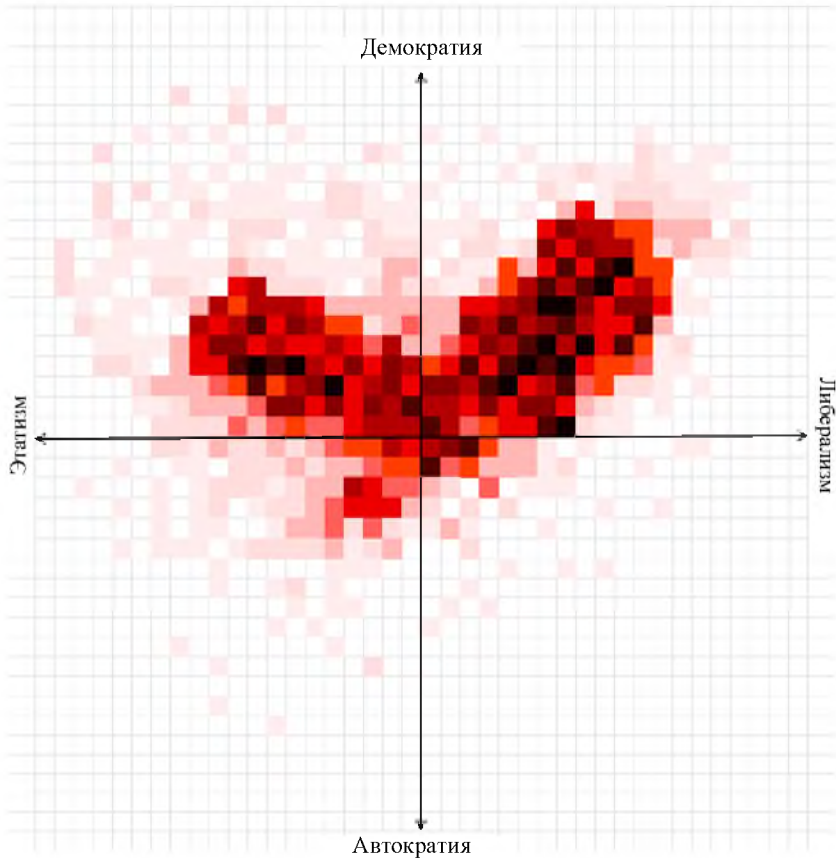

Рис. 8. Нормативно-идеологические ориентации рядовых членов КПСС (1990)

⁸⁴ В наиболее систематизированном и ярком виде эти идеологические позиции были изложены в знаменитом открытом письме доцента Ленинградского университета Нины Андреевой. См.: Андреева Н. «Не могу поступаться принципами» // Советская Россия. – 1988. – 13 марта.

Указанные идеологические расхождения будут еще более очевидны, если мы применим метод кластеризации центров идеологического тяготения. В основу кластеризации, как известно, положен принцип математической периодичности полученных ответов. И в соответствии с ним в качестве пространственной структуры формирования идеологических кластеров были приняты те ячейки нормативно-идеологической матрицы, в которых ответы респондентов концентрировались в два и более раз чаще среднестатистической нормы значений⁸⁵.

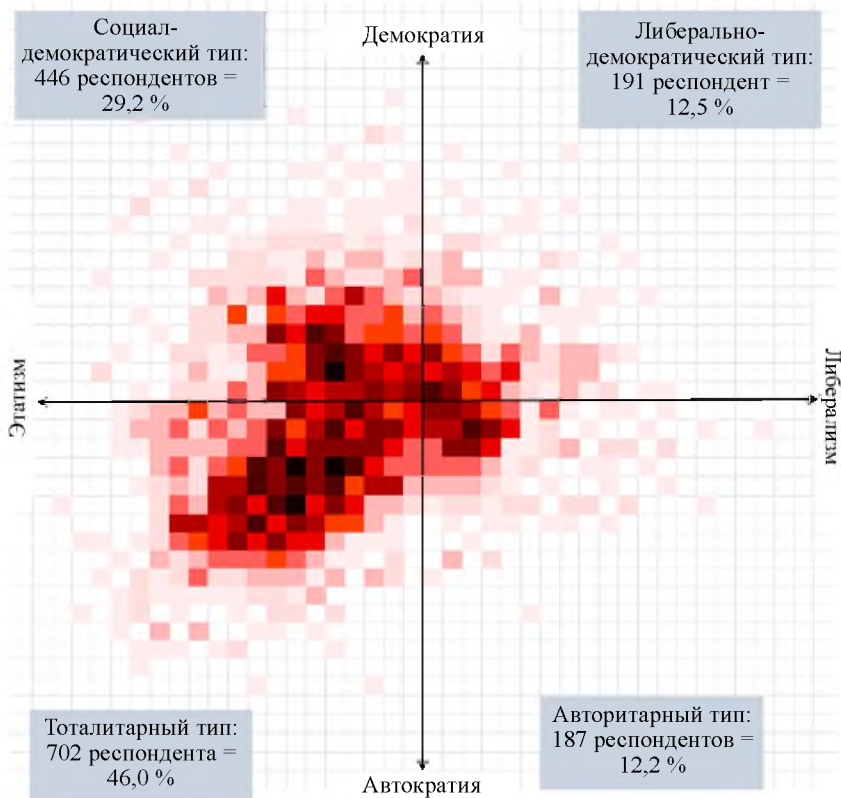

Рис. 9. Нормативно-идеологические ориентации номенклатуры КПСС (1990)

⁸⁵ На практике при 10-балльной шкале нормативно-идеологической идентификации это означало, что в качестве основы кластерообразования были определены ячейки, на которые выпадало не менее 5 идентичных вариантов индивидуального идеологического позиционирования.

Наложение кластеров нормативно-идеологических ориентаций трех групп респондентов выявило глубочайший идеологический раскол, который имел место в общественном сознании жителей Куйбышевского региона, да и всей страны⁸⁶. Коэффициент совпадения кластеров идеологических ориентаций населения, рядовых членов КПСС и партийной номенклатуры составлял лишь 26 %. Каждая из указанных групп смотрела в свою сторону и рисовала собственный образ желаемого общественного устройства (рис. 10).

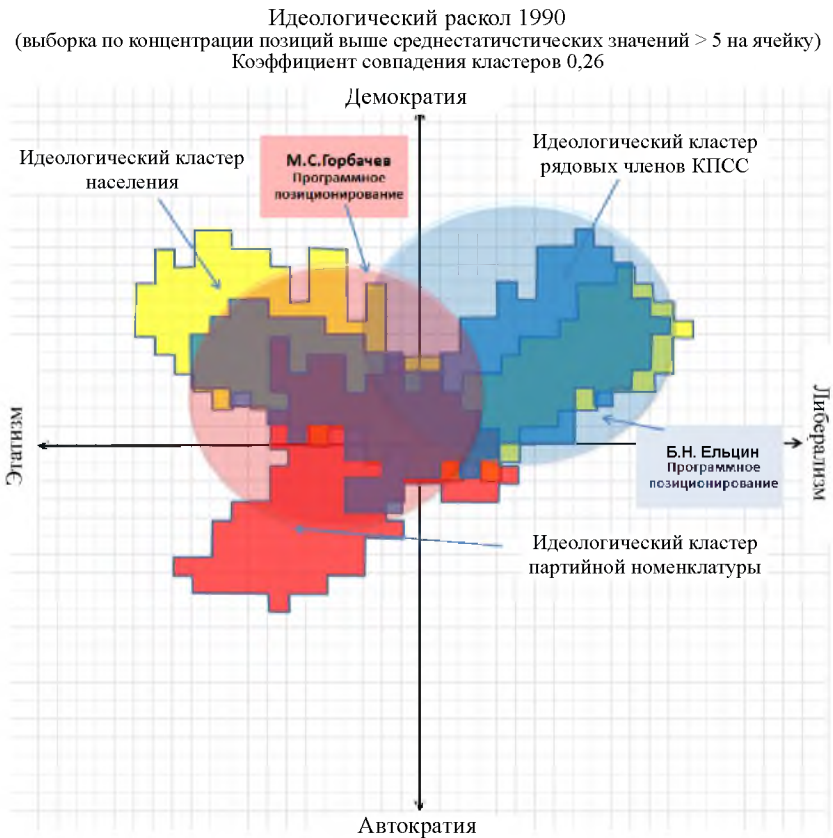

Рис. 10. Структура нормативно-идеологических кластеров населения, рядовых членов КПСС и партийной номенклатуры (1990)

⁸⁶ Так можно утверждать, поскольку в 1990 г. Куйбышевская область во многих отношениях была типичным провинциальным регионом страны. Во всяком случае, она была типична для Поволжского региона, где проживала почти четверть населения страны.

В то же время вся эта идеологическая конструкция изначально была крайне неустойчивой, и не только из-за минимума пересечений идеологических ориентаций. Гораздо более значимым было то обстоятельство, что люди, совершенно искренне разделявшие убеждение, что «дальше так жить нельзя», сами внутренне были не готовы принять те изменения условий их жизни, ту перекройку оснований социальной стратификации, которые были неизбежным следствием реализации таких лозунгов, как «рыночная экономика» и «демократия». И уже тогда, в 1990 г., структура распределений статусно-аксиологических ориентаций общественного сознания это показала.

Как уже отмечалось, статусно-аксиологические ориентации существуют в виде «структур повседневности», качественная определенность которых зависит от реального положения индивида в обществе (его доходов, статуса, места в системе социальных координат, доступа к социальным благам), а также от ценностных установок, сформировавшихся в процессе социализации индивидов.

Исследование интегрального вектора статусно-аксиологических предустановок личности мы начали с анализа уровня благосостояния респондентов (табл. 4), т. к. материальное положение оказывает существенное влияние на социальное позиционирование людей, а также на их отношение к либеральным или этатистским ценностям.

Таблица 4

Динамика ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете свое материальное положение?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Едва свожу концы с концами	20,4	24,2	11,7
Хватает только на самое необходимое	39,8	38,5	37,4
В целом материально обеспечены, но на некоторые вещи приходится копить	27,5	20,9	35,8
Могу себе ни в чем не отказывать	2,1	2,9	9,2
Затруднились ответить	10,1	13,5	5,9

Практически все группы респондентов весьма неудовлетворительно оценивали уровень своих доходов.

Даже среди номенклатурных работников половина опрошенных (49,1 %) отметили, что они либо едва сводят концы с концами, либо денег хватает только на самое необходимое. В этих условиях говорить о готовности людей принять рыночные отношения можно было лишь с очень большой долей условности. А на практике, прежде всего из-за отсутствия средств, подавляющее большинство людей никогда не пользовалось услугами уже появившихся к тому времени коммерческих магазинов и рынков и в целом осуждало деятельность коммерческих учреждений как спекулятивную (табл. 5).

Таблица 5

Отношение респондентов к деятельности коммерческих торговых учреждений (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Предпочитаю покупать товары в государственных магазинах	76,2	70,6	78,9
Никогда не пользовались услугами коммерческой торговли	72,1	66,3	60,9
Осуждаю перепродажу товаров по более высоким ценам	76,8	73,4	59,4

Причем более либеральное отношение к системе рыночной торговли было у номенклатурных работников. Объяснение этому, наверное, нужно искать не только в более высоком уровне доходов⁸⁷, но и в том, что партийные, а особенно комсомольские функционеры в то время весьма активно осваивали искусство рыночной торговли, создавая первые кооперативы⁸⁸.

⁸⁷ Часто это было совсем не так. В те годы автор этих строк, работая старшим научным сотрудником в социологической лаборатории университета, имел ставку 250 рублей в месяц, а у его однокурсника, возглавлявшего тогда отдел в обкоме комсомола, зарплата была 210 рублей.

⁸⁸ Во всяком случае, в те годы в шестизэтажном здании Куйбышевского обкома КПСС в 1990 г. один этаж был полностью сдан под такие коммерческие структуры.

В этом отношении весьма показательным является распределение ответов на вопрос (табл. 6).

Таблица 6

Динамика ответов на вопрос: «Как бы Вы лично отреагировали, если бы кто-то из Ваших друзей или родственников захотел создать кооператив?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Положительно	3,8	6,3	12
Скорее положительно	9,2	10,2	13,4
Скорее отрицательно	15,9	15,3	18,9
Отрицательно	22	25,6	35,3
Затрудняюсь ответить	49,1	42,6	20,4

Значительную часть респондентов этот вопрос просто ставил в тупик. Практически половина опрошенных представителей населения (49,1%) не могла на него ответить, так же, как и 42,6 % рядовых членов партии. Среди номенклатурных работников уровень неопределенности был вдвое ниже (20,4 %). Кроме того, на статусно-аксиологическом, по сути, оценочно-бытовом уровне доля поддержки институтов рыночной экономики среди населения составляла всего 13 %, у рядовых членов КПСС – 16,5 %, а у номенклатуры – 25,4 %.

При этом изначально значительная часть как населения, так и рядовых членов КПСС была ориентирована на работу по найму в государственном секторе. Во всяком случае, 74,5 и 69,9 % опрошенных данных групп заявили, что предпочли бы для себя работу с гарантированным, но невысоким заработком, в то время как лишь каждый пятый готов был рискнуть, начав свое дело или устроившись работать в частное предприятие.

Среди партийной номенклатуры, при сохранении в целом подобных тенденций, готовность к принятию рыночных отношений проявлялась гораздо более отчетливо. Во всяком случае, гарантированную работу предпочитали не s, а половина (54,3 %) кадровых партийных и комсомольских работников, и 36,8 % из них были ориентированы на значительный, но нестабильный заработок в негосударственном секторе.

Впрочем, и показатели уверенности в своем рабочем месте у этой категории опрошенных были существенно ниже, чем у рядо-

вых партийцев и населения: 26,7 % не были уверены в том, что завтра они не окажутся без работы, 62,8 % оценивали свое положение как стабильное. В то же время не испытывали никакой обеспокоенности по поводу своей работы 76,4 % опрошенных среди населения и 80,2 % – среди рядовых партийцев. Такая «уверенность в завтрашнем дне» присутствовала у людей применительно не только к своему личному статусу, но и к тем предприятиям (организациям), где они трудились. В частности, в 1990 г. 77,3 % граждан и 73,8 % рядовых членов КПСС были уверены, что их предприятие сможет успешно работать без поддержки государства.

Все эти данные показывают, что ярко выраженной характеристикой общественного сознания той поры была уверенность людей в своем ближайшем будущем, что является одной из базовых, родовых черт коммунистической аксиологии. По поводу самого понятия «уверенность в завтрашнем дне» в те годы ходило немало анекдотов и юмористических интерпретаций, но все это не умаляет того факта, что на ментальном уровне в общественном сознании доминировало чувство уверенности.

Такая же уверенность в общественной и государственной поддержке присутствовала в массовом сознании и при оценке жилищной проблемы, а также потенциальной болезни и старости (табл. 7).

Значительная часть общества во всех его сегментах весьма лояльно относилась к вмешательству государства в частную жизнь граждан и даже поддерживала жесткие рестриктивные указы периода ранней перестройки против «асоциальных элементов», в частности, против алкоголиков⁸⁹ и «тунеядцев»⁹⁰ (табл. 8).

Причем меры против пьянства и алкоголизма в большей мере поддерживало население (в первую очередь, женщины – среди них уровень поддержки государственных мер по борьбе с пьянством составлял 63,3 %), а представители партийного аппарата в массе своей были против, хотя многие состояли в партийных комиссиях по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Партийные работники аргу-

⁸⁹ Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 мая 1985 г. № 398–XI «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/egi/online.egi?req=home#doc/ESU/2765/4294967295/0> (дата обращения: 11.12.2017).

⁹⁰ Поетановление Совета Министров СССР от 15 мая 1986 г. № 575 «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами». – URL: <http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.egi%3Freq%3Ddoc%3Bbase%3DLAW%3Bn%3D151900%3Bframe%3D1000?req=home#doc/EXP/222735/4294967295/0> (дата обращения: 12.12.2017).

Таблица 7

**Оценка респондентами значимости различных ресурсов при решении жилищной проблемы, а также в случае болезни, старости
(в % к числу опрошенных)**

Варианты ответов на вопросы	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Как Вы считаете, какой путь решения жилищной проблемы более подходит для Вас лично (Вашей семьи)?			
Купить через кооператив или построить жилье самостоятельно	23,8	27,3	11,6
Ждать своей очереди на государственное (ведомственное) жилье	60,7	57,9	79,2
Затрудняюсь ответить	15,5	14,8	9,2
На чью помощь, поддержку Вы рассчитываете в случае болезни?			
Только на себя и своих родных	14,9	16,8	7,4
На друзей	8,3	9,7	12,6
На поддержку своего трудового коллектива	33,8	35,2	20,8
На государственную поддержку	36,2	30,6	52,1
Затрудняюсь ответить	6,8	7,7	7,1
Делаете ли Вы сбережения на старость или на «черный день»?			
Да, делаю, не надеюсь на пенсию	40,4	35,4	50,3
Нет, не делаю, надеюсь на пенсию и поддержку государства	56,2	55,7	37,4
Затрудняюсь ответить	3,7	8,9	12,3

ментировали свою позицию следующим образом⁹¹: «народ вместо водки травится всякой гадостью»; «без этих денег бюджет еле

⁹¹ Помимо массового анкетирования мы проводили еще и фокус-группы, на которых просили представителей различных категорий респондентов дать свою интерпретацию полученных статистических результатов. Всего весной 1990 г. было проведено 7 таких фокус-групп в различных городах области.

Таблица 8

Отношение общества к вмешательству государства в частную жизнь граждан (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов на вопросы	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Как Вы лично относитесь к указу «О борьбе с пьянством и алкоголизмом»?⁹²			
Положительно	28,4	24	11,3
Скорее положительно	17,6	22,1	18
Скорее отрицательно	15,9	20,8	22,9
Отрицательно	30,5	30,5	43,7
Затрудняюсь ответить	7,6	2,6	4,1
Как Вы относитесь к указу «О борьбе с нетрудовыми доходами»?			
Положительно	17,2	22,1	43,4
Скорее положительно	13,8	18,7	20,6
Скорее отрицательно	14,8	12,8	16,8
Отрицательно	17,6	15,2	9,9
Затрудняюсь ответить	36,6	31,2	9,3

сводим»; «никаких реальных результатов эта борьба не дала – кто пил, тот и продолжает пить»; «это просто вредительство какое-то, только новое оборудование купили, как вышел этот указ и все пошло под пресс»; «только злим народ очередями».

В то же время партийная и комсомольская номенклатура достаточно активно поддерживала совсем нелиберальную по своей сути кампанию по борьбе с нетрудовыми доходами, которая была направлена на «закручивание гаек» в обществе и усиление партийного и государственного контроля не только за доходами, но и за частной жизнью граждан. А население и рядовые партийцы относились к этим мерам достаточно настороженно, поскольку смысл их был малопонятен обывателю, а репрессивные последствия, которые предусматривались соответствующим указом, были весьма значимы.

⁹² В 2005 г. ВЦИОМ опубликовал данные, согласно которым антиалкогольную кампанию М.С. Горбачева поддерживали 58 % жителей страны. Возможно, такие результаты свидетельствуют о том, что ретроспективно народ позитивно оценивал действия государства в этом направлении, особенно после колоссального роста статистики алкоголизма и наркомании в 90-х годах. Но тогда, в самый разгар антиалкогольной кампании, отношение к ней было гораздо менее позитивным.

В целом же следует констатировать, что на уровне ценностных ориентаций и поведенческих стереотипов, обусловленных статусными позициями людей и их индивидуальным жизненным опытом, общественное сознание в конце коммунистической эпохи было совсем нелиберальным. Большинство людей, не зная термина «этатизм», тем не менее разделяли вполне этатистские подходы к роли государства в обществе. А либеральные модели поведения воспринимались большинством как чуждые, противоречащие их жизненному укладу и нормативным представлениям о должном, правильном, справедливом и желаемом общественном устройстве. Они привыкли и хотели жить под патронажной опекой государства, при которой оно не в теории, а на практике обеспечивало минимумом социальных благ, гарантировало устойчивость статуса, помогало решать жизненные проблемы, а при необходимости имело не только законное, но и моральное право вмешиваться в жизнь людей, устанавливать для них «правильные» поведенческие стандарты. И в этом отношении базисные статусно-аксиологические установки существенно отличались от конфигурации нормативно-идеологических ориентаций людей, формируя эффект раздвоенного сознания. Эта раздвоенность возникает тогда, когда жизненная практика, реалии бытия диктуют человеку одни установки, а вся огромная, многослойная (а в годы перестройки и гласности еще и многоголовая) система пропаганды ориентирует его совсем по-другому, рисует ему совсем иные смыслы социального мироустройства.

Другой особенностью статусно-аксиологических ориентаций общественного сознания на рубеже эпох была его относительная гомогенность. В отличие от ситуации драматичного идеологического раскола, характеризующего российское общество накануне распада Советского Союза, ценностно-стереотипное мировосприятие населения, рядовых членов КПСС и партийной номенклатуры имело не столь глубокие внутренние расхождения. По целому ряду базовых вопросов (о социальных обязательствах государства, об отношении к предпринимательству, о государственном регулировании рыночных отношений и др.) существовал определенный консенсус, очень часто не рефлекслируемый самими людьми.

К либеральному вектору аксиологического позиционирования приближались лишь представители партийной номенклатуры, точнее младокоммунисты. В основном это был комсомольский актив, чья социализация проходила в условиях отмены прежних ограничений, испытывавший на себе преимущества свободы предпринимательства, начиная от стройотрядов, мало отличавшихся от бригад «шабашников», и заканчивая созданием первых кооперативов. Комсомолы 80-х, особенно номенклатурные комсомолы, первыми ощутили и оценили вкус свободы, дающей возможность неограниченного выбора не только на рынке, но и в других сферах общественных отноше-

ний. Конечно, эти представления были далеко не последовательными и в тех условиях не декларируемыми. Но именно партийная номенклатура на этом этапе исторического развития страны отличалась наибольшей аксиологической рыхлостью.

Другая шкала измерений статусно-аксиологического позиционирования была посвящена выявлению степени освоения людьми ценностей и навыков демократии.

И первое, что измерялось, была степень реального погружения людей в политический процесс, выявляемая через активное получение информации о событиях общественно-политической жизни. Для этой цели респондентам задавались два вопроса: «Скажите, пожалуйста, смотрите ли Вы прямые трансляции со Съезда народных депутатов СССР и народных депутатов РСФСР?» и «Выписываете ли Вы себе домой газеты (журналы) различной общественно-политической направленности?»

Ответы выявили любопытную тенденцию – рядовые члены КПСС наиболее внимательно следили за событиями общественно-политической жизни в тот период: 38,5 % из них выписывали издания различной идеологической направленности, 33,6 % регулярно смотрели трансляции со съездов народных депутатов, стараясь не пропускать ни одной. В то же время каждый пятый член партии словно уходил от этого потока разнородной информации в кокон бытовых проблем, так, 20,5 % заявили, что они не читают газет, и 19,2 % не смотрят телевизор. Причин такой «внутренней эмиграции» было немало, но одна из них – когнитивный диссонанс, который испытывали многие, встречаясь с потоком информации, противоречащей их жизненному опыту, взглядам и привычкам.

Среди простых граждан уровень интереса к событиям политической жизни был чуть ниже: за полемикой в прессе внимательно следили 29,6 % респондентов, выписывая себе домой издания разной общественно-политической направленности, старались не пропускать трансляций со съездов народных депутатов.

В то же время самая, казалось бы, заинтересованная часть общества – партийная номенклатура – была либо равнодушна к этим дискуссиям, либо использовала страусиную тактику ухода от действительности. Во всяком случае колоссальное большинство ее представителей (70,8 %) выписывали только официальные газеты «Правда», «Советская Россия» и издания, необходимые для работы. При этом уровень их интереса к трансляциям съездов был почти втрое ниже, чем у рядовых коммунистов. 43,8 % профессиональных партийных и комсомольских работников вообще не смотрели трансляций, и еще четверть (24,4 %) отказались отвечать на этот вопрос. Главным мотивом такого ухода от действительности было, наверное, подспудное ощущение, что эти публикации – проявления чуждой реальности, разрушающей привычный мир и психологическую зону комфорта.

Для политического актива КПСС в массе своей были неприемлемы и новые формы политической жизни, такие, как неформальные организации политической направленности или митинги протеста против действий власти. Отрицательно к этим формам гражданской активности относились соответственно 89,9 и 87,1 % освобожденных партийных и комсомольских работников. В этих вопросах никаких разногласий между консерваторами в КПСС и комсомольскими лидерами 80-х годов не наблюдалось. Их солидарной позицией было неприятие любых форм неформального движения, несмотря на то, что сверху, со стороны ЦК, им всячески рекомендовалось выстраивать с этим движением коммуникации и сотрудничество. При этом почти 3/4 номенклатурных работников (72,9 %) были сторонниками применения жестких силовых мер для подавления митингов протеста, они выступали против методов убеждения. Во всяком случае, 83,9 % опрошенных представителей актива КПСС негативно относились к своему возможному участию в таких митингах. При этом значительной части освобожденных партийных и комсомольских работников неоднократно и не по своей воле приходилось выступать на собраниях, в дискуссионных клубах (множество таких клубов появились в то время, прежде всего, в вузах страны). Часто в острых дискуссиях и полемике им приходилось отстаивать точку зрения, не совпадающую с мнением большинства. О наличии такого опыта политической деятельности заявили около 40 % опрошенных представителей партноменклатуры. Но столько же партаппаратчиков заявили, что они старались обходить эти площадки стороной и не высказывать своего мнения.

В целом партийный аппарат КПСС был не готов к открытым дискуссиям с оппонентами, ему не хватало не только аргументов, не только выдержки в спорах с представителями, как они выражались «демшизы», но и навыков партийной работы в условиях демократии, где главным всегда было искусство убеждения, а не подавления. Такими навыками и ценностными ориентирами демократической политической культуры коммунистическая партократия не обладала.

Впрочем, и массовые слои советского общества в то время лишь делали первые шаги на пути к восприятию демократических процедур и ценностных установок. Наиболее позитивным общественное мнение было по отношению к митингам, где люди напрямую могли сказать власти о том, что их не устраивает. Такую форму политической активности поддерживали 36,1 % населения и 43,5 % рядовых членов КПСС. При этом почти половина (48,7 %) жителей области и 38 % рядовых коммунистов не исключали для себя возможности участия в таких митингах, а 26,4 и 19,2 % респондентов соответственно прямо заявили, что они хотели бы принять в них участие, если бы они проводились в том городе (районе), где они живут. В Куйбышевской области столь высокие показатели потенциальной

митинговой активности, очевидно, были связаны с тем, что незадолго до проведения опроса на центральной площади областного центра состоялась череда митингов протеста с требованием отставки непопулярного I секретаря обкома КПСС Е.Ф. Муравьева, которая закончилась его уходом с поста главы региона.

В то же время большинство опрошенных, в том числе и потенциальные участники митингов протеста, не были готовы к активному участию в них в качестве спикеров или участников публичных дискуссий: 2/3 простых граждан и 55,5 % рядовых коммунистов заявили, что они стараются не выступать на собраниях, предпочитая роль слушателей.

Кроме того, более 20 % респондентов (22,5 % населения и 23,1 % рядовых партийцев) были готовы поддержать силовые акции властей по подавлению выступлений оппозиции, хотя в целом нужно сказать, что около половины представителей этих социальных групп негативно относились к силовому сценарию взаимодействия власти и протестующих.

Применительно к другим нерегламентированным формам политической активности (различные неформальные объединения политической направленности – многочисленные группы, комитеты, советы, союзы, народные фронты, фонды, ассоциации) отношение как со стороны рядовых партийцев, так и большинства населения было, скорее, недоумевающим – 55,3 % коммунистов и 64,7 % беспартийных просто не сталкивались, не имели опыта взаимодействия и даже не видели вокруг себя каких-либо альтернативных политических объединений. А мнения остальных по отношению к неформальным организациям политической направленности разделились примерно пополам.

Другим важным элементом демократической политической культуры является готовность отстаивать свои интересы перед лицом власти. И здесь надо сказать, что большинство опрошенных всех социальных групп продемонстрировали установки и навыки, типичные для авторитарных политических систем, а именно молчаливую покорность власти либо апелляцию к вышестоящим структурам в рамках логики «добрый царь и плохие бояре» (табл. 9).

Вместе с тем обратной стороной такой покорности в авторитарном типе политической культуры выступает пренебрежительное отношение к закону, готовность его нарушить в случае, если нет непосредственной угрозы применения санкций. Такое отношение к закону имеет множество обоснований в отечественной культуре и массовом сознании, начиная от философско-этических трактатов⁹³

⁹³ Как писал по этому поводу российский историк В.О. Ключевский, «... в русской истории мало обращают внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права». См.: Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. – М.: Мысль, 1993. – С. 68.

Таблица 9

**Динамика ответов на вопрос: «Как Вы поступите, если
государственный (партийный) орган примет решение, ущемляющее
Ваши законные права?» (в % к числу опрошенных)**

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Ничего не буду делать, это беспо- лезно	50,4	44,5	55,2
Буду отстаивать свои права через суд, митинги, пике- ты и т. п.	9,3	11,3	14,9
Буду отстаивать свои права в вышестоящих органах власти	30,5	27,9	27
Затрудняюсь ответить	9,8	17,3	2,9

и заканчивая народными пословицами, про «закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло». В таком отношении к закону сконцентрирован весь многовековой опыт российской авторитарности, который в корне противоречит европейскому миропониманию, согласно которому «пусть рухнет весь мир, но торжествует закон»⁹⁴.

Именно такое, даже не советское, а исконно российское отношение к закону продемонстрировали большинство представителей всех социальных групп (табл. 10).

Еще одним маркером политической культуры является мотивация электорального поведения. В советской политической парадигме оптимальной представлялась модель политического участия, при которой в выборах участвовали 99,9 % населения, и 99,9 % из

⁹⁴ Это известное идиоматическое утверждение. О его сущности В. Серов писал: «...высказывание ошибочно приписывается миру юристов Древнего Рима. На самом деле принадлежит позднему европейскому Средневековью: это девиз императора (1558–1564) Священной Римской империи германской нации Фердинанда I. По обычаю того времени, эта мысль была им выражена на латинском языке». См.: Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений // Библиотекарь.ру. – URL: <http://www.bibliotekar.ru/encSlov/15/266.htm> (дата обращения: 12.09.2018).

них отдавали свои голоса за блок «коммунистов и беспартийных», сформированный решениями партийных органов и продвигаемый на безальтернативной основе. В 1990 г. выборы уже перестали быть безальтернативными. Но отношение к мобилизационной модели и мотивации самого выбора в значительной части оставалось прежним (табл. 11).

Таблица 10

Динамика ответов на вопрос: «Как Вы думаете, можно ли для пользы дела нарушить несправедливый закон?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Да, конечно	26,8	30,4	29,2
Скорее да	22,1	25,2	27,4
Скорее нет	15,3	19,8	15,3
Нет, закон есть закон	18,8	16,7	16,9
Затрудняюсь ответить	17	7,9	11,2

Таблица 11

Динамика ответов на вопрос: «Как Вы лично относитесь к практике привлечения людей на выборы, демонстрации и митинги за отгулы и премии?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Положительно	5,2	16,2	44,2
Скорее положительно	18	19	22,1
Безразлично	11,9	15,9	7
Скорее отрицательно	6,4	17,3	5,9
Отрицательно	5,2	4,9	4,8
Затрудняюсь ответить	53,3	26,7	16

Причем в отношении респондентов различных групп к выборам и другим формам легальной политической активности имелись определенные нюансы. Представители партийной номенклатуры в большинстве своем самым эффективным средством политической мобилизации считали традиционные административные методы, связанные с предоставлением отгулов и выплатой премий. Большинство населения не вдавалось в такие детали политического процесса, но и не отвергало привычных форм мобилизации. А вот определенная часть рядовых членов партии (22,1 %) уже вышла из этого круга авторитарно-бюрократического мировосприятия, заявив о неприемлемости таких методов политической мобилизации.

И, кроме того, проведенный опрос показал, что к 1990 г. старая электоральная модель, когда в выборе кандидатов доминирующим было мнение непосредственного начальника, в значительной мере была разрушена. Даже для представителей партноменклатуры мнение руководителя перестало быть определяющим, четверть из них (23,8 %) заявили, что приняли решение, за кого голосовать на мартовских выборах депутатов 1990 г., самостоятельно, без ориентации на принципы партийной дисциплины (табл. 12).

Таблица 12

Динамика ответов на вопрос: «Недавно состоялись выборы народных депутатов РСФСР и местных Советов на альтернативной основе. Чье мнение для Вас лично стало определяющим при голосовании на этих выборах?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Моего руководителя	18,3	25,4	37,3
Моего трудового коллектива	22,6	30,2	17,4
Моих друзей (родственников)	18	12,5	9,5
Свой выбор я сделал сам	33,8	26,1	23,8
Затрудняюсь ответить	7,3	5,8	12

Партийная номенклатура в этот период, не демонстрируя этого активно, все больше выходила из-под идейного контроля партийного руководства КПСС: сказывалось накопленное внутреннее раздражение не только по поводу антиалкогольной кампании, но и против

решения январского Пленума ЦК КПСС 1987 г. о новой кадровой политике, предполагавшей введение всеобщей выборности руководителей предприятий и организаций⁹⁵ (табл. 13).

Таблица 13

**Динамика ответов на вопрос: «Как Вы лично относитесь к выборности руководителей предприятий (организаций)?»
(в % к числу опрошенных)**

Варианты ответов	Население	Рядовые члены КПСС	Номенклатура
Положительно	23,5	27,9	8,4
Скорее положительно	26,1	15,8	11,2
Скорее отрицательно	18,7	16,7	26,4
Отрицательно	19,4	20,4	46,2
Затрудняюсь ответить	12,3	19,2	7,8

Главным мотивом такого раздражения был даже не выход новой когорты руководителей из традиционной номенклатурной схемы, а откровенный популизм, низкие профессиональные и лидерские качества многих из них, продемонстрированные как во время, так и после производственных выборов. В итоге планка внутрикорпоративных требований к работникам была существенно снижена, а следом – и вся эффективность предприятий. Учитывая, что подавляющее большинство представителей партийной номенклатуры по своему призванию и потенциалу были отнюдь не идеологами и не политиками, а хозяйственными руководителями, для них такая выборность была серьезнейшим ударом по убеждениям и принципам, сформированным за годы работы в административно-командной системе.

Позиция населения и рядовых коммунистов по этой проблеме была неоднородной, были как явные сторонники принципов политической конкуренции в производственной сфере, так и убежденные противники.

⁹⁵ О перестройке и кадровой политике. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева 27 января 1987 г. // Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 г. – М.: Политиздат, 1987. – 280 с.

В целом следует сказать, что система нормативных представлений по шкале «автократия – демократия» для всех изучаемых социальных групп была крайне запутанной и противоречивой. С одной стороны, уже начала формироваться статусно-аксиологическая основа политической культуры демократического типа. И дальше всех здесь зашли рядовые коммунисты. С другой стороны, мы должны констатировать высокую живучесть политических представлений, характерных для традиционного авторитаризма, особенно отчетливо они были представлены у представителей партийной номенклатуры.

При этом интегральные показатели статусно-аксиологических ориентаций всех изучаемых групп очень серьезно отличались от структуры их же идеологических ориентаций. Как уже отмечалось, идеологические установки населения в 1990 г. носили преимущественно социал-демократический вектор. В то же время структура распределения их статусно-аксиологических ориентаций имела четко выраженный тоталитарный вектор (рис. 11).

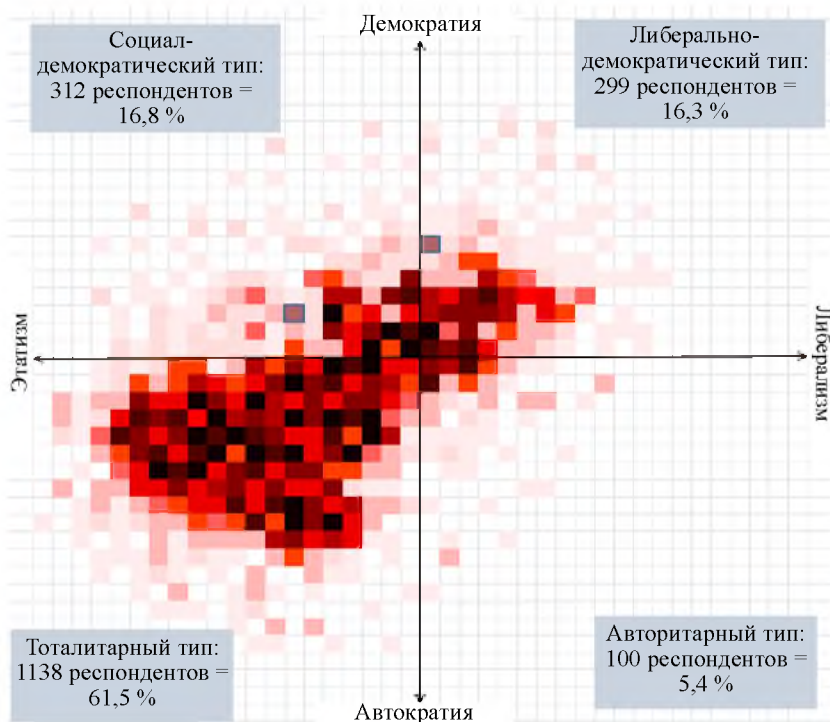

Рис. 11. Статусно-аксиологические ориентации населения (1990)

Господствующие в общественном сознании социал-демократические и либеральные идеи в сознании конкретных людей сталкивались с их убеждениями и возможностями, ограниченными социальным статусом. И это обстоятельство если не убивало либеральные идеи, то лишало их мобилизационного потенциала. Идеологические конструкции, имплантированные в общественное сознание пропагандой, а не выношенные, не выстраданные самим обществом в процессе своего естественно-исторического развития, оказывались в итоге чрезвычайно неустойчивыми, теряли свою привлекательность, а порой даже вызвали прямое отторжение у своих вчерашних адептов. Но об этом ниже, а тогда, в 1990 г., было понятно только одно: в сознании большинства населения был полный идеологический и аксиологический «винегрет», ведущий к раздвоению социальной идентичности. Коэффициент пересечения кластеров идеологических воззрений и статусно-аксиологических установок населения в 1990 г. составлял всего лишь 28 % (рис. 12).

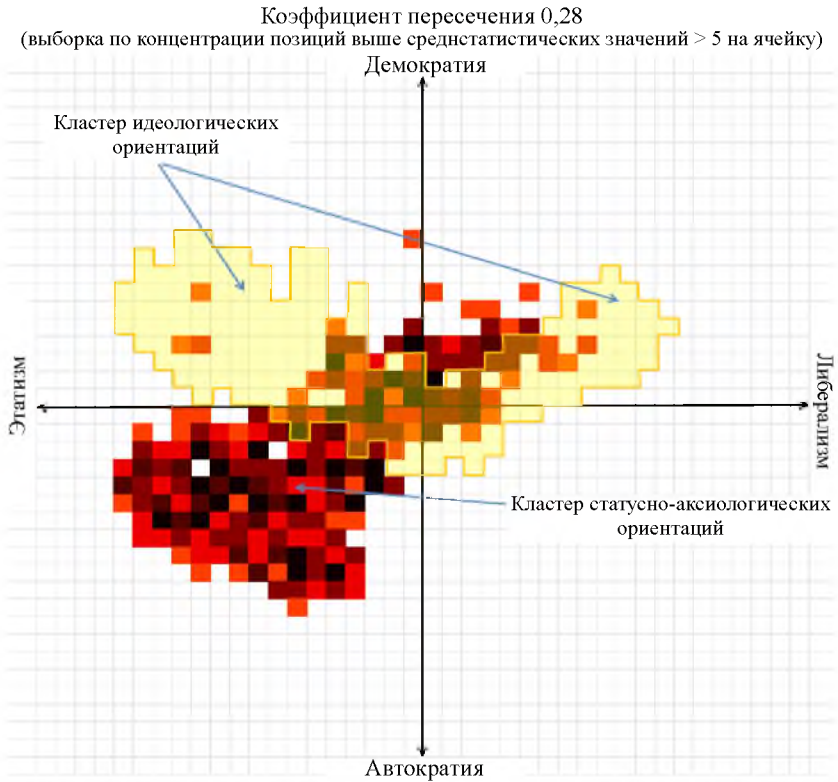

Рис. 12. Наложение кластеров статусно-аксиологических и нормативно-идеологических ориентаций населения (1990)

Такая разбалансировка массового сознания лишала устойчивости все идеологические конструкции, с которыми политики выходили к обществу. При столкновении с реалиями бытия красивые идеологические представления о свободе и социальном равенстве в условиях демократии рассыпались в прах.

Система статусно-аксиологических ценностей и стереотипов у рядовых коммунистов была близка к воззрениям большинства населения, но следует отметить, что у коммунистов наблюдался все же чуть больший крен в сторону социал-демократических представлений (рис. 13).

При этом коэффициент совпадения кластеров нормативно-идеологических и статусно-аксиологических ориентаций у этой категории респондентов был чуть выше (43 %) (рис. 14).

Но и такой коэффициент наложения следует считать критическим. По сути, люди, оказавшиеся в таком состоянии раздвоен-

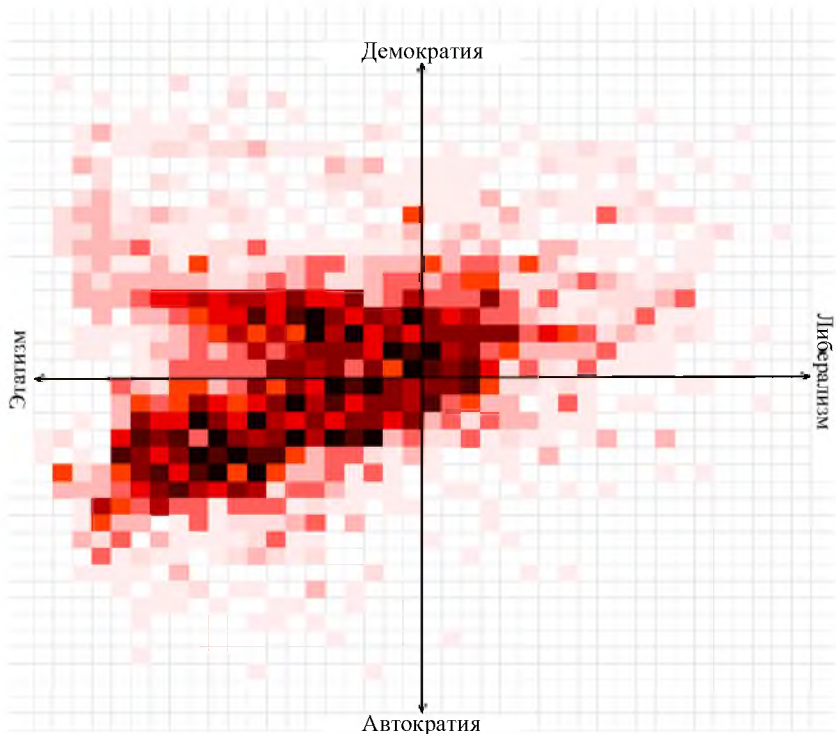

Рис. 13. Статусно-аксиологические ориентации рядовых членов КПСС (1990)

ности, годами испытывали жесткую социальную фрустрацию из-за столкновения разнородных смыслов и значений, связанных с политическими институтами и процессами. В этих условиях реальностью становились разного рода эксцессы политического сознания, невозможные в условиях внутренне непротиворечивой политической культуры.

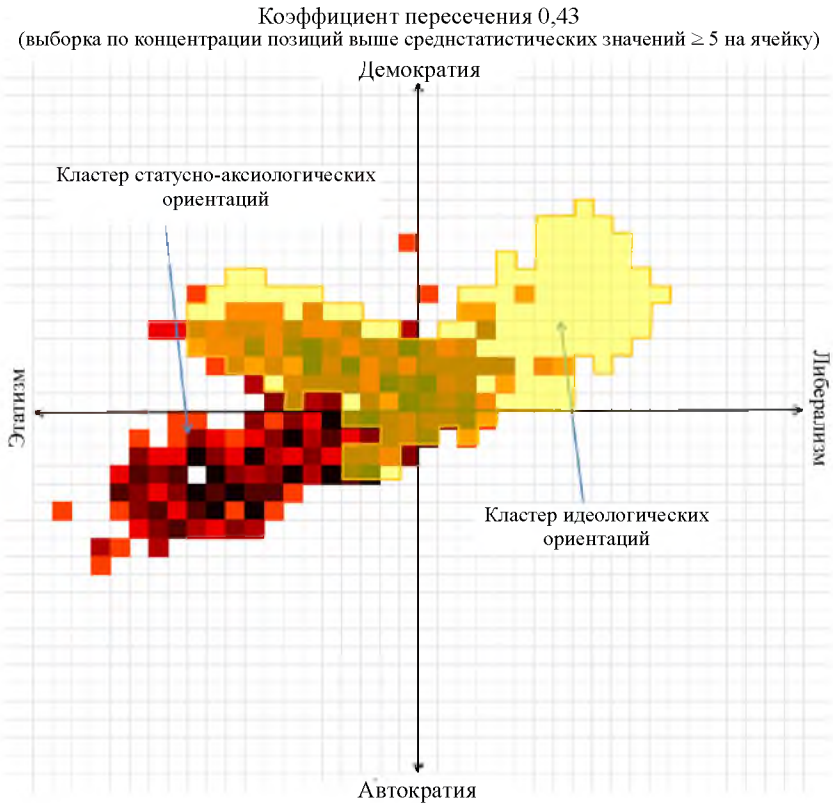

Рис. 14. Наложение кластеров статусно-аксиологических и нормативно-идеологических ориентаций рядовых членов КПСС (1990)

В то же время структура кластеров статусно-аксиологического позиционирования рядовых членов КПСС на 76 % совпадала с ценностными установками населения. Единственное существенное отличие заключалось в том, что сводный индекс демократичности у партийцев был выше на 27 %, и, соответственно, относительно большая доля респондентов членов партии примыкала к социал-демократическому вектору аксиологического позиционирования (рис. 15).

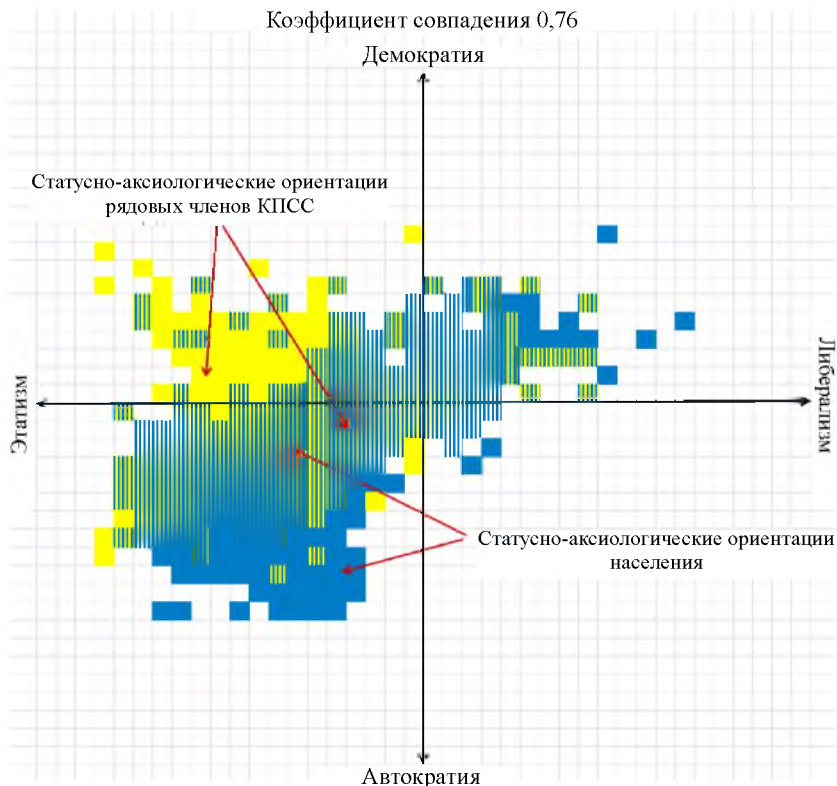

Рис. 15. Наложение кластеров статусно-аксиологических и нормативно-идеологических ориентаций населения и рядовых членов КПСС (1990)

В то же время статусно-аксиологические ориентации партийной номенклатуры располагались преимущественно в двух секторах пространственной матрицы политического сознания. Самая большая концентрация ценностных ориентаций партийных работников (так же, как и у населения, и среди рядовых партийцев) относилась к тоталитарному (этатистско-автократическому) сегменту политического пространства. Здесь располагались позиции почти половины (47,7 %) аппаратчиков. Второй по значимости аксиологический кластер располагался на авторитарном векторе политического пространства, сочетавший, с одной стороны, либеральное понимание экономических и социальных функций государства, ценности личных свобод, а с другой – жесткий авторитарный подход в отношении правил функционирования политической системы (рис. 16).

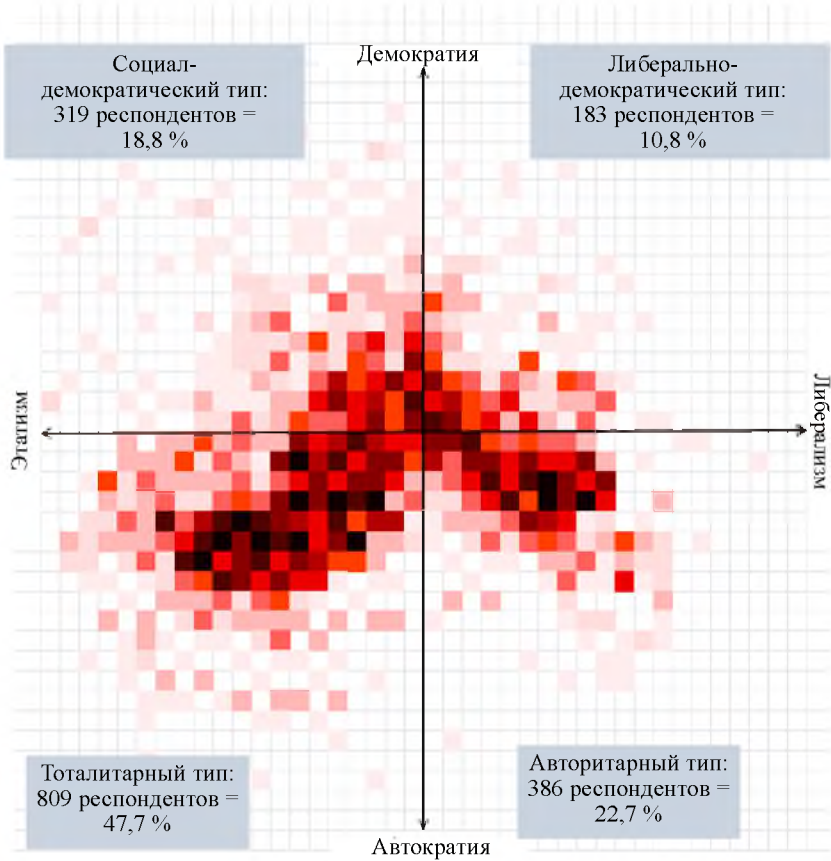

Рис. 16. Статусно-аксиологические ориентации номенклатуры КПСС (1990)

Благодаря такой размытости ценностных, как, впрочем, и идеологических ориентаций партократии между этими двумя полями политического пространства, мы можем говорить, что система политических взглядов партократии отличалась существенно меньшим уровнем внутренних противоречий. Во всяком случае коэффициент совпадения нормативно-идеологических воззрений партократии с их статусно-аксиологическим позиционированием составлял 68 % (рис. 17).

Таким образом, к завершающему периоду существования Советского Союза коммунистическая идеология перестала выполнять свою важнейшую функцию сохранения и воспроизводства сложившегося в

обществе социального порядка и политической системы⁹⁶. Хотя надо отметить, что уже с конца 60-х – начала 70-х годов (с момента краха идеи социализма «с человеческим лицом») в рамках коммунистической идеологии не было генерировано ничего, что обладало бы по настоящему проактивным и объединительным потенциалом.

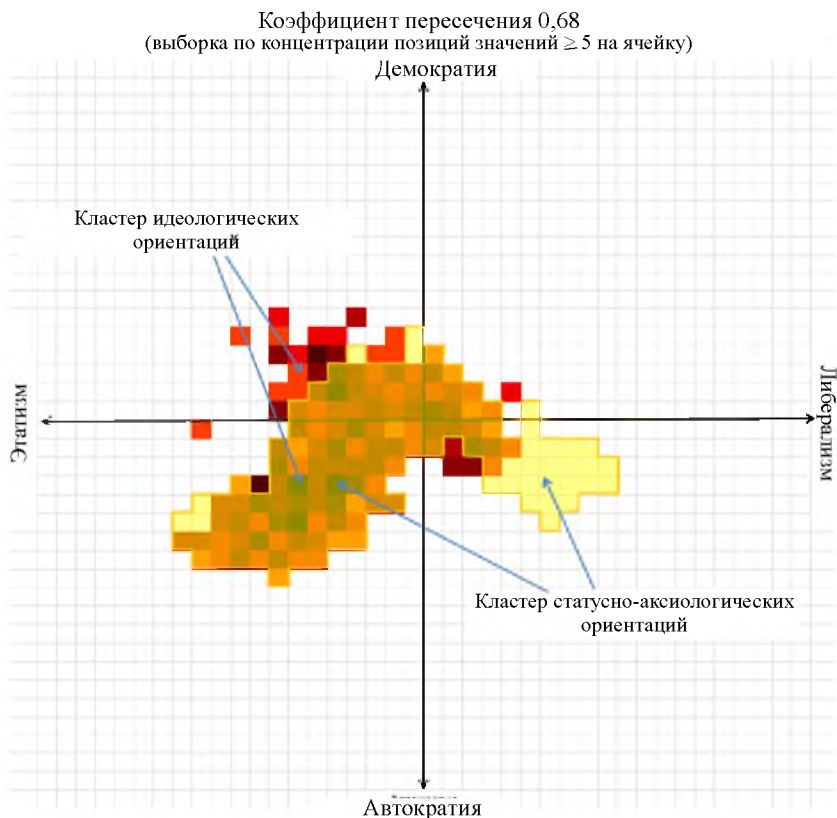

Рис. 17. Наложение кластеров статусно-аксиологических и нормативно-идеологических ориентаций номенклатуры КПСС (1990)

Резюмируя содержание второй главы, следует отметить, что на структуру ориентаций общества в целом большое влияние оказал кризис коммунистической идеологии, который полностью рас-

⁹⁶ См.: Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. – М.: Прогресс, 1991. – С. 113–169.

крылся во второй половине 1980-х годов. Руководство КПСС во главе с М.С. Горбачевым, столкнувшись с целым рядом системных проблем⁹⁷, взяло курс на «рыночный социализм» во главе с социал-демократической партией, в которую, по мысли капитана перестройки, должна была трансформироваться КПСС. И надо сказать, что массовая пропаганда социал-демократических ценностей, шедшая под знаком «гласности» и «перестройки», на уровне нормативно-идеологических ориентаций за эти годы была достаточно широко внедрена в массовое политическое сознание. Наше исследование 1990 г. показало, что социал-демократические идеи и ценности стали если не доминирующими, то, как минимум, преобладающими у населения и у рядовых членов КПСС, тогда как сторонников возвращения частной собственности было около 20 % среди респондентов обеих групп.

Вместе с тем на более глубоком уровне политических стереотипов и ценностных ориентаций массовое сознание и жителей российской провинции, и рядовых членов КПСС оставалось в рамках идей уравнилельного социализма с гипертрофированной ролью государства и авторитарическими методами управления. Как демонстрируют результаты исследования, декларируемая поддержка демократических преобразований общества не подкреплялась готовностью людей следовать демократическим стереотипам поведения и ценностным ориентирам.

Что же касается либерализации массового сознания, то этот процесс к 1990 г. только начинался. Идеи либерализма не были широко распространены в обществе даже на нормативно-идеологическом уровне. А на уровне ценностей и стереотипов социального поведения идеи личной свободы и «этики личной ответственности»⁹⁸ в 1990 г. были весьма далеки от мировосприятия подавляющего большинства наших соотечественников.

В сознании большинства людей существовала гремучая смесь, в которой поддержка рыночной экономики и частной собственности сочеталась с требованием установить тотальный контроль

⁹⁷ Проблема замедления темпов экономического развития, хроническая неспособность планово-административной экономики решить проблему дефицита потребительских товаров и продовольственной безопасности, массовая алкоголизация населения, рост коррупции и многое другое. См.: Отчетный доклад Генерального секретаря ЦК КПСС XXVII съезду партии: материалы XXVII съезда КПСС. – М.: Политиздат, 1986. – 320 с.

⁹⁸ См.: Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения: пер. с нем. / соед., общ. ред. и послелел. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.

за сферой торговли, чтобы не допустить спекуляций и иных злоупотреблений. Отношение большинства населения к государству было не либеральным, а инфантильно-потребительским. В 1990 г., как и в годы застоя, большинство рассматривало государство не только и не столько в качестве гаранта личных свобод, сколько в качестве «всеобщего благодетеля», обязанного обеспечивать граждан работой, пенсией, жильем и т. д.

Идеи, транслируемые пропагандой, вступали в противоречие с собственным эго людей, их жизненным опытом и воспитанием, основанными на прежней модели ценностного освоения социальной действительности. И поэтому последующие идеологические метания рядового избирателя, сопровождаемые массовой фрустрацией, потерей жизненных ориентиров, были неизбежным следствием тех реформ, которые начались с падением Советского Союза.

ГЛАВА 3

Массовое политическое сознание россиян в 1991–2000 годах

Цепь драматичных событий 1991 г., начавшаяся с расстрела «неизвестными снайперами» мирной демонстрации в Вильнюсе и закончившаяся Веловежскими соглашениями и распадом Советского Союза, по своему значению для жизни страны, безусловно, была революцией, то есть радикальным, коренным, качественным изменением общества, сопряженным с открытым разрывом с прошлым. И хотя этот термин применительно к 1991 г. используется крайне редко, и то в основном в публицистике⁹⁹, а в научной литературе практически не применяется¹⁰⁰, происходит это, скорее, потому, что прошло еще слишком мало времени, чтобы в полной мере осознать масштаб произошедших изменений. Здесь, видимо, проявляется тот же самый эффект исторической дальнзоркости, как и после 1917 г., когда сами большевики спустя 10 лет после прихода к власти еще называли взятие Зимнего дворца «октябрьским переворотом» (с маленькой

⁹⁹ См., например: Летняков Д.Э. Революция 1991 года: к обожнованию понятия // Обозник. – 2011. – № ФС77-45222. – URL: <http://www.oboznik.ru/?p=50327> (дата обращения: 12.09.2017). Автор в работе настаивает, что события 1991 г. в России несут все характерные признаки революции.

¹⁰⁰ Так, например, российский политолог Л.Е. Бляхер отмечал, что в 1991 г. имела место не революция, а «некий переход» режима из одного состояния в другой (см.: Бляхер Л.Е. Россия на перепутье: открыт ли путь в открытое общество? // Социальная система: новые контуры России : сб. науч. тр. / Хабаров. гос. техн. ун-т. – 1996. – Вып. 2. – С. 9–23); российские исследователи И.М. Клямкин, В.И. Пантин и В.В. Лапкин при анализе событий 1991 г. используют понятия: «крах коммунистического режима», «августовский переворот», «демократический переворот» (см.: Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И. Между авторитаризмом и демократией // Полиэ. – 1995. – № 2. – С. 57–68); В.Б. Паеухов оперирует понятием «политический переворот» (см.: Паеухов В.Б. Будущее России вырастает из прошлого // Полиэ. – 1992. – № 6. – С. 59–73).

буквы)¹⁰¹, и лишь годами позже он получил в официальной историографии статус Великой Октябрьской социалистической революции – главного события XX в. во всемирной истории¹⁰². Подлинное, реальное, многослойное описание исторической драмы 1991 г. еще ждет своих исследователей, а для современников, особенно проживающих в российской провинции, вся революция 1991 г., по сути дела, свелась к телевизионным новостям. А в остальном российская провинция жила прежней жизнью, тяжелой, неустроенной, монотонной. Люди ходили на работу, стояли в очередях (хотя и не так часто, как прежде, потому что реже что-то «выбрасывали»), по выходным копались на даче, выполняя свою персональную продовольственную программу, ругали В. Павлова с его денежной реформой, а по вечерам спешили к телевизору, чтобы увидеть очередную серию reality show в программах «Время» и «Вести». Они, конечно, принимали участие в референдуме о сохранении СССР и в выборах Президента России, но никто не стал протестовать, когда буквально на следующий день после референдума власть о нем забыла, более того, практически никто в провинции не встал на защиту ни только что избранного Президента России Б.Н. Ельцина 19 августа 1991 г., ни запрещенной им 23 августа КПСС. В отличие от столиц, в провинциальных городах не собирались митинги, на улицу не выходили танки, да и милицию можно было встретить нечасто. Конечно, в коридорах местной власти в то время также разыгрывались шекспировские страсти, но основной массы населения они пока не касались.

Настоящее потрясение от встречи с новой реальностью наступило чуть позже, в январе 1992 г., когда полки магазинов внезапно стали наполняться товарами¹⁰³. Но под ними стояли такие ценники,

¹⁰¹ В.И. Ленин, выступая на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 г., говорил: «Конечно... приятно и легко бывало наблюдать, как после Октябрьского переворота революция шла вперед...» (см.: Доклад на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. литературы, 1958. – Т. 35. – С. 377); это название можно встретить в работах Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского, Д.А. Фурманова, Н.И. Бухарина. Встречается это название и в работах И.В. Сталина (см., например: Сталин И.В. Октябрьский переворот и национальный вопрос // Сталин И.В. Сочинения. – М.: ОГИЗ, 1947. – Т. 4. – С. 155–167).

¹⁰² Определение «Великая Октябрьская революция» впервые появилось в декларации, оглашенной Ф. Раскольниковым от имени фракции большевиков в Учредительном собрании (см.: Декларация фракции РСДРП (большевиков), оглашенная на заседании Учредительного собрания. 5 (18) января 1918 г. // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – М.: Изд-во полит. литературы, 1958. – Т. 35. – С. 227). К концу 1930-х годов в советской официальной историографии утвердилось название «Великая Октябрьская социалистическая революция».

¹⁰³ Указ Президента Российской Федерации от 29 января 1992 г. № 65 «О свободе торговли» // Техэксперт. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004747> (дата обращения: 17.03.2018).

что многие просто ходили посмотреть, искренне не понимая, откуда появились лишние нули. Начались задержки с выплатами зарплат, и даже если деньги давали вовремя – зарплата все равно не успевала за инфляцией. Потом была объявлена «народная приватизация» советского богатства, появились ваучеры, А. Чубайс, бодрые ребята в малиновых пиджаках.

При этом социально-экономическую историю «лихих 90-х» можно условно разделить на следующие периоды:

1992–1995 гг. – период шокового воздействия либерализации экономики на все сферы экономической и социальной жизни. Это был период резкого спада производства практически во всех отраслях экономики и еще более стремительного падения уровня жизни населения, появления массовой безработицы¹⁰⁴. По оперативным данным управления экономики администрации Самарской области, по состоянию на 1 января 1993 г. 24,3 % работников промышленности не получали вовремя зарплату, хотя числились еще в штате предприятий и организаций. По данным официальной статистики, инфляция в стране в 1992 г. составила 760 %, а в 1993 г. – 1630 %. В целом в период 1992–1995 гг. рост потребительских цен составил 2107 раз к 1991 г. Все сбережения населения, лежавшие на счетах в Сбербанке, практически моментально обесценились, и люди, всю жизнь создававшие себе «подушку безопасности», в одночасье ее лишились. Учреждения социальной сферы фактически не могли работать – в больницу нужно было идти со своими бинтами, шприцами, простынями и продуктами. В 1994 г. в 63 из 89 регионов страны имели место задержки с выплатами пенсий, которые составляли от 1 месяца до 1,5 лет. Многие из этих долгов так и не были выплачены, поскольку предприятия разорвались и прекращали свое существование.

В города и села России хлынул поток беженцев из бывших «братских республик», поскольку в результате Беловежского стовора около 25 млн русских оказались иностранцами либо просто «нежелательными элементами» в тех республиках, где они жили поколениями. Так, в период с 1992 по 1997 гг. в Самарскую область на постоянное жительство прибывало ежегодно от 17 до 27 тыс. беженцев и вынужденных переселенцев из стран СНГ¹⁰⁵. И этот поток отчасти компенсировал демографические потери, вызванные резким

¹⁰⁴ По данным Фонда независимых профсоюзов России (ФНПР), на 1 января 1993 г. безработица в Российской Федерации составляла 9,3 %.

¹⁰⁵ Скупова И.А. Специальный доклад «Обеспечение государственных и социальных гарантий граждан, имеющих статус “вынужденных переселенцев” на территории Самарской области» // Уполномоченный по правам человека в Самарской области. – URL: <http://www.ombudsman63.ru/editions/204> (дата обращения: 13.12.2017).

(в 2,5 раза за 5 лет) падением рождаемости и почти двукратным увеличением смертности¹⁰⁶.

В политическом плане самыми яркими событиями первого президентства Б.Н. Ельцина стало его жесткое противостояние с еще вчера лояльным Верховным Советом, которое закончилось расстрелом Белого дома 4 октября 1993 г. с трансляцией в прямом эфире. После этого были арестованы многие из вчерашних сподвижников Б.Н. Ельцина, а трупы от Белого дома вывозились под покровом ночи в грузовиках¹⁰⁷. Все советы народных депутатов (вплоть до сельсоветов) были упразднены, и главы местных администраций стали назначаться сверху. В декабре 1993 г. на референдуме была принята новая Конституция Российской Федерации. Тогда же были проведены первые выборы в Государственную Думу России и прямые выборы в Совет Федерации. На этих выборах либерал-реформаторы потерпели жесточайшее поражение, но остались у власти, показав свое реальное отношение к демократии как воле большинства.

1996–1998 гг. – это был период появления и выхода на первые роли новых хозяев жизни, бывших комсомольцев и бандитов, красных директоров и недоучившихся студентов, вчерашних цеховиков и научных сотрудников. Система управления, сложившаяся в стране после переизбрания Б.Н. Ельцина на второй срок, получила емкое определение – «семибанкирщина». Но такой же олигархат местного разлива в тот период был практически в каждом регионе страны. И каждый из них устанавливал свои правила и порядки. Единое политическое и экономическое пространство страны трещало по швам. На федеральном уровне в этот период предпринимались попытки проведения жесткой монетарной политики по рецептам МВФ. Идей фикс финансовых властей стало получение западных кредитов. Но такая политика привела только к созданию целого комплекса дополнительных факторов сокращения внутреннего производства и замещения отечественной продукции импортной. И закончилась она финансовым крахом 17 августа 1998 г.

¹⁰⁶ Лаца А. Российская демография с 1991 по 2012 годы. – URL: <http://alexandrelatsa.ru/2012/02/%D1%80%D0%BE%D181%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F-%D1%81-1991-%D0%BF%D0%BE-2012> (дата обращения: 03.07.2017).

¹⁰⁷ Всего было убито не менее 158 человек, и 423 получили ранения и иные телесные повреждения. См.: Доклад комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в Москве 21 сентября – 5 октября 1993 г. // Астраханкина Т.А., Игнатьев И. А., Синельникова В. Е. Сборник документов и материалов Комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в городе Москве 21 сентября – 5 октября 1993 г. – М.: Изд-во Гос. Думы, 2003. – 477 с.

В этот период были предприняты первые попытки институализации политической системы в ее новом качественном состоянии, но они не были системными и не привели к какому-либо значимому результату. Так, в ходе парламентских выборов 1993 и 1995 гг. «партиям власти», несмотря на тотальное доминирование в СМИ, не удалось не только победить, но даже занять второе место¹⁰⁸. Они регулярно набирали меньше 16 % голосов, но тем не менее оставались у власти, превращая, по существу, демократию в «диктатуру демократов». Не дали ожидаемого результата судебная и административная реформы, а также реформа местного самоуправления.

Единственная реформа, которая удалась хотя бы по формальным, но не по сущностным и тем более не по социальным показателям, – это была приватизация государственной собственности¹⁰⁹. Если в начале 90-х годов доля государственного сектора в промышленности составляла 97,8 %, в сельском хозяйстве – 95,6 %, в строительстве – 97,9 %, в торговле – 98,9 %, на транспорте – 90,5 %, то к 1998 г. в промышленности – всего 20–25 %¹¹⁰. Начинается активное становление малого бизнеса, к 1998 г. доля постоянных работников сферы малого бизнеса в общей численности занятых в экономике увеличилась до 12 % (в 1995 г. – 5 %).

Наконец, период 1998–1999 гг. прошел под знаком дефолта. Несмотря на то что дефолт нанес сильнейший удар по уровню жизни населения, мелкому и среднему бизнесу, банковской системе,

¹⁰⁸ В 1993 г. это был «Демократический выбор России» во главе с Е. Гайдаром, а в 1995 г. «Наш дом – Россия» во главе с В. Черномырдиным. На выборах в Государственную Думу они набрали соответственно 15,5 и 10,1 % голосов, плюс 3,9 % голосов получил «Демократический выбор России» Е. Гайдара.

¹⁰⁹ Главной декларируемой целью приватизации была замена «неэффективной государственной собственности частной собственностью, где рынок просто не позволит собственнику работать неэффективно» (См.: Чубайс А.Б. Итоги приватизации: прорыв в другое экономическое измерение / под ред. А. Чубайса. – М.: Союз правых сил, 1999. – 16 с.). На деле, по оценкам академиков-экономистов, доля отечественных предприятий, конкурентоспособных на мировом рынке, в 90-х годах сократилась втрое, многие отрасли, где СССР был лидером, просто прекратили свое существование (См.: Открытое письмо ученых отделения экономики РАН Президенту, Федеральному Собранию и Правительству РФ 25 сентября 1998 г. Подписано: академики: Львов Д.В. (академик-секретарь отделения), Абалкин Л.И., Богомолов О.Т., Макаров В.Л., Некипелов А.Д., Петраков Н.Я., Ситарян С.А., Федоренко Н.П.; члены-корреспонденты: Афиногентова А.А., Ивантер В.В., Капустин Е.И., Лузин Г.П., Маевский В.И., Минакер П.А., Перламутров В.Л., Татаркин А.И.; доктор экономических наук Римашевская Н.М.).

¹¹⁰ Шицко А.В. Оценка масштабов государственного сектора в национальной экономике // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 12. – URL: <http://journalpro.ru/articles/otsenka-masshtabov-gosudarstvennogo-sektora-v-natsionalnoy-ekonomike> (дата обращения: 03.07.2018).

в целом он имел благоприятные последствия для экономики. Уже через полгода после дефолта с февраля 1999 г. в экономике началось оживление, которое затем вылилось в значительный экономический рост, продолжавшийся вплоть до 2008 г. (рис. 18).

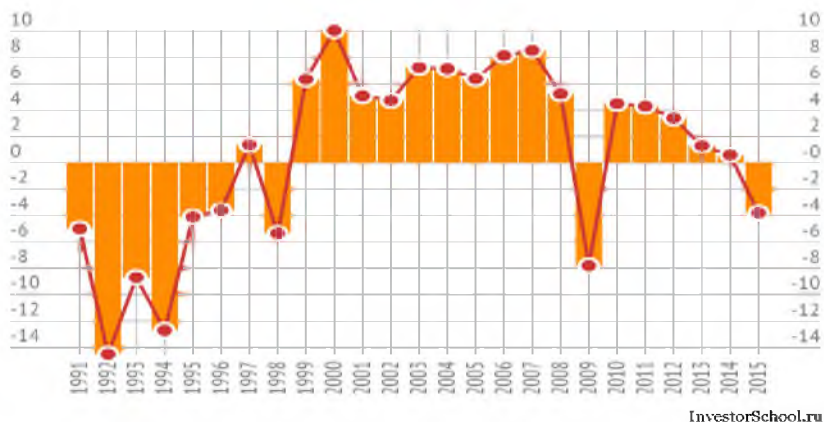

Рис. 18. Темпы роста ВВП России в 1990–2015 гг. (в %)

Основой этого роста стало, во-первых, импортозамещение, и, во-вторых, исключительно благоприятная конъюнктура мировых цен на энергоносители. Оба этих макроэкономических фактора кардинально изменили ситуацию. Приток нефтедолларов насытил экономику платежными средствами, оживил спрос, обеспечил значительное улучшение финансового положения предприятий. Появились средства для инвестирования. Рост реальных денежных доходов населения способствовал расширению внутреннего спроса.

Вместе с тем в 1998–1999 гг. в стране продолжался хронический политический кризис, который приобретал все более системный характер. С одной стороны, исполнительная власть не могла опираться на парламент, поскольку в Государственной Думе большинство было у коммунистов и представителей ЛДПР. Более того, дума стремилась добиться импичмента Президента РФ Б.Н. Ельцина. Сам президент большую часть своего второго срока был практически недееспособен, правила в эти годы «Семья», а основным кукловодом был Б.А. Березовский. При этом над олигархатом довлела проблема преемника, поскольку «Семья» не имела реальных опор в обществе. Для России вопрос о власти, точнее, о людях, стоящих у руля государственной машины, никогда не был абстрактным. В 1998 г. в одном из своих интервью Б. Березовский говорил, что его больше волнует не доходность

принадлежащих ему компаний, а политическая проблема 2000 г. Как показал дальнейший ход событий, он беспокоился не зря.

Региональные власти в этот период все больше отдалялись от Кремля. Кремль мог опираться только на слабые экономически регионы, сидящие на федеральных дотациях. А политические элиты всех богатых регионов открыто фрондировали¹¹¹. В 1998–1999 гг. из-под контроля Кремля стали выходить даже силовые структуры¹¹².

На этом фоне массовое политическое сознание россиян претерпело не менее глубокую трансформацию, чем экономика и политическая система страны. И первым, самым очевидным показателем такой трансформации стало катастрофическое падение уровня доверия населения к власти во всех ее проявлениях, но в первую очередь к кумиру вчерашнего дня – всенародно избранному Президенту РФ Б.Н. Ельцину (рис. 19).

Об изменениях в системе общественно-политических взглядов населения мы можем судить на основании мониторинга общественного мнения, который осуществлялся администрацией Самарской области начиная с 1994 г. Автор этих строк, работавший в то время начальником информационно-аналитического отдела администрации Самарской области, был инициатором и куратором этих исследований до 2005 г., то есть до своего ухода из администрации. В рамках этого мониторинга регулярно с периодически-

¹¹¹ Проявления такой фронды были многообразны: попытка создания Уральской республики Э. Росселем; жесткое противостояние кремлевской администрации с мэрами двух столиц Ю.М. Лужковым и В.А. Яковлевым; судебный иск против Правительства России по вопросу о пенсионных выплатах К.А. Титова в 1999 г. и многие другие.

А Чечня после Хасавюртских соглашений при президенте А.А. Масхадове вообще чувствовала себя суверенным государством, больше прислушиваясь к Эр-Рияду и Дохе, чем к Москве.

¹¹² Герой первой Чеченской войны генерал Л.А. Рохлин, возглавивший в 1995 г. думский Комитет по обороне, открыто называл Администрацию Президента РФ предателями и создал «Движение в поддержку армии», куда вошли бывшие министр обороны П.П. Родионов, командующий ВДВ В.А. Ачалов, председатель КГБ СССР В.А. Крючков. В июле 1998 г. Л.А. Рохлин был убит при загадочных обстоятельствах.

Другим проявлением потери контроля за силовыми структурами стало возбуждение Генеральным прокурором РФ Ю.И. Скуратовым уголовных дел против А.Б. Чубайса, вице-преьера В.М. Серова, заместителя министра финансов А.П. Вавилова, бывшего министра иностранных дел А.В. Козырева по делу компании «Мабетекс». Против самого Ю.И. Скуратова был запущен убойный компромат – видео с проститутками и «человеком, похожим на генерального прокурора». Но даже после показа его по всем каналам Совет Федерации еще два месяца отказывался освобождать Ю.И. Скуратова от должности.

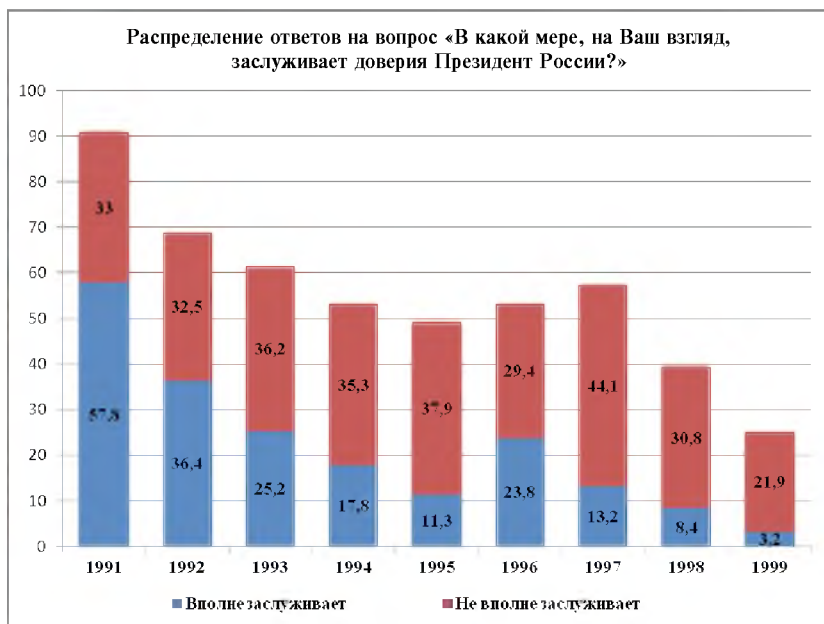

Рис. 19. Динамика уровня доверия Б. Ельцина с 1991 по 1999 гг. (в % к числу опрошенных)¹¹³

стью один раз в квартал, а в период выборов и чаще мы проводили опросы общественного мнения, дающие срезы социально-политических ориентаций общества¹¹⁴. В ходе этих опросов выявлялось, прежде всего, социальное самочувствие жителей региона. При этом оно понималось как сложная, многосторонняя категория, характеризующая, во-первых, отношение индивидов и социальных групп к своему месту в системе социальных координат; во-вторых, степень адаптированности населения к изменившимся социальным реалиям; в-третьих, отношение людей к перспективам и факторам изменения своего социального статуса.

¹¹³ Данные Фонда «Общественное мнение». См.: ФОМ. – URL: http://bd.fom.ru/cat/eltzin/_rating_eltzin (дата обращения: 09.08.2017).

¹¹⁴ Исполнителем работ чаще всего был Социологический центр Самарского государственного университета под руководством Б.Г. Тукумцева. Стандартный объем выборки составлял 1200 респондентов, периодичность – 1 раз в квартал. В период выборов мы привлекали также Самарский фонд социальных исследований во главе с В.Б. Звоновским. А в период подготовки к парламентской избирательной кампании 1999 г., когда самарский губернатор К.А. Титов планировал возглавить партийный список движения «Голос России», нам удалось провести социологический опрос со всероссийской выборкой респондентов, но об этом ниже.

Итоги проводимого мониторинга показывают, что за годы реформ, особенно в первой половине 90-х годов, произошла массовая пауперизация общества, существенным образом поменялась структура имущественного расслоения населения.

При этом в структуре населения нами было выделено четыре имущественные группы, которые дифференцировались не просто по уровню доходов, а по своему отношению к ним. Материальная обеспеченность выступала здесь основой формирования жизненных ценностей, представлений и форм социальной активности.

Первая группа – беднейшие слои населения, ведущие каждодневную борьбу за выживание. Уровень доходов позволял им едва сводить концы концами. Соответственно, задаче выживания была подчинена логика всех поступков, и, в свою очередь, этими поступками определялось их представление о мире, о происходящих в нем процессах. В политической социологии этот слой традиционно рассматривается как массовая социальная база политического радикализма. Если в 1990 г. доля этой группы в общей массе населения составляла около 20 %, то в 1994 г. к бедным себя относили уже 56 % жителей Самарской области, одной из самых благополучных в России. Затем доля беднейших слоев населения стала постепенно снижаться и к 1998 г. сократилась до 36,1 %. Однако в период дефолта вновь произошло обвальное падение уровня жизни, точнее, его восприятие людьми. Но с 1999 г. субъективное ощущение улучшения уровня жизни опять стало возрастать.

Вторая группа – те люди, которые отметили, что им доходов хватает только на самое необходимое. Это так называемый нижний средний слой. Его доля в социальной структуре 90-х годов колебалась в пределах 20–30 %, но состав этой группы был крайне неустойчив. Индивидуальные жизненные траектории, идущие как по восходящей, так и по нисходящей, у подавляющего большинства населения – в течение длительного или краткого срока – проходили через эту группу. Поэтому даже у вполне обеспеченных людей порой проявлялись все комплексы бедняков.

Третья группа – те, кому доходов хватает на удовлетворение основных потребностей. Эту социальную группу обычно характеризуют как средний слой, поскольку их доходы позволяют обеспечить уровень потребления, соответствующий потребительским стандартам обеспеченности, что является главной отличительной чертой среднего слоя. Численность этого слоя до начала реформ 90-х годов была невелика и составляла около 17–18 % населения. В начале кризиса 90-х она упала до 12 % и потом в самые благополучные годы этого периода едва поднималась до четверти от общей массы населения (для сравнения, в странах Западной Европы доля этого слоя в структуре населения последних десятилетий – 65–80 %).

Четвертая группа – наиболее обеспеченные слои населения (те, кто может ни в чем себе не отказывать). И в дореформенные времена, и в 90-е годы их доля стабильно держалась на уровне 1,5–2 % в общей массе населения. Говорить о конкретных параметрах сокращения или увеличения этой группы достаточно сложно, поскольку ее общая численность все эти годы находилась в рамках статистической погрешности.

В обобщенном виде эти данные представлены в диаграмме (рис. 20).

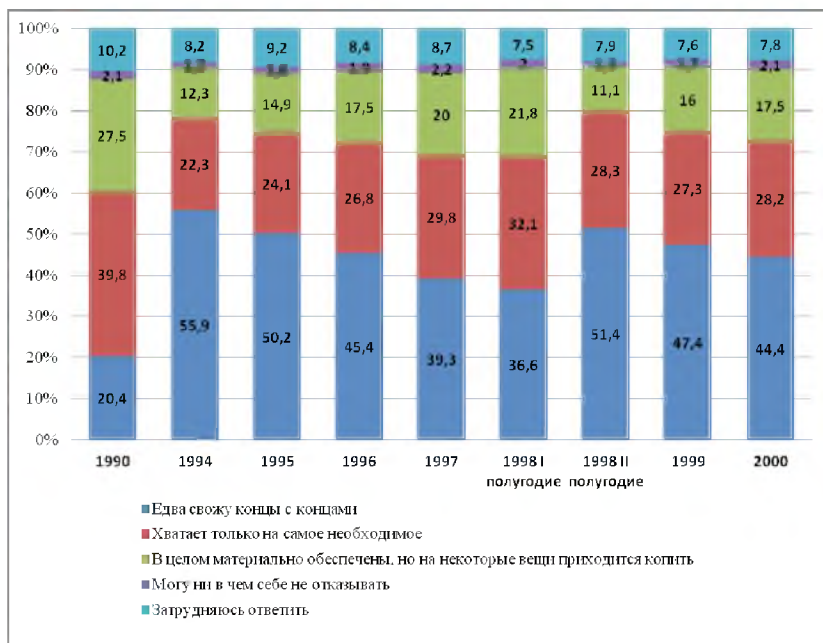

Рис. 20. Динамика оценок респондентами своего материального благополучия в период с 1990 по 2000 гг. (в % к числу опрошенных)

Конечно, данный подход к оценке материального благополучия страдает значительной долей субъективизма. Но он учитывает и трансформацию потребительских стандартов обеспеченности, которые также менялись в эти годы (например, в конце 80-х джинсы и кожаная куртка были свидетельством обеспеченности человека, а в конце 90-х признаки жизненного успеха стали совсем иными – пейджер и сотовый телефон). Но эти оценки давали срез представленный людей о своем месте в системе социальных координат.

Резко изменившиеся за годы реформ условия существования поставили перед населением задачу скорейшего приспособления

к новым реалиям. Глубокая социальная трансформация потребовала от людей мобильности, способности найти новое место в жизни. И люди справлялись с этой задачей с разной долей успеха.

В целом всех граждан можно разделить на три группы в зависимости от степени интегрированности в новые условия жизни:

Первая, высокоадаптированная группа населения. В политическом плане этот слой являлся опорой существующего порядка, поскольку изменившиеся условия жизни представители этого слоя воспринимали как новые возможности, что соответствовало их собственным установкам. Численность этой группы в 90-е годы постепенно увеличивалась, но даже к концу десятилетия она составляла лишь 17–20 % населения.

Вторая группа – это люди, которые также более-менее приспособились к изменившимся условиям существования. Но для них новая социальная среда еще не стала нормой, привычкой. Поэтому, даже имея достаточно высокий уровень доходов и относительно высокий статус, они испытывали постоянный дискомфорт. Эта группа, не являясь в целом социальной базой радикализма, в определенных условиях, при нагнетании негативных тенденций, способна радикализироваться и стать социальной опорой системной оппозиции. В численном выражении эта группа также постепенно увеличивалась в 90-е годы с 20 до ≈ 40 %. Однако состав ее в разные годы претерпевал существенные изменения. Так, в периоды банковского кризиса 1995 г. и особенно после дефолта 1998 г. в нее перешла довольно существенная часть высокоадаптированных слоев общества, и одновременно ее покинуло примерно такое же количество людей, которых кризис совершенно выбил из жизненной колеи. Но в целом эта группа так же, как и первая, имела тенденцию к росту.

Наконец, *третья группа* – это люди, не приспособившиеся к новым социальным реалиям, а возможно, и не способные этого сделать. Именно они составляли в 90-х годах социальную базу радикализма с его требованиями очередного системного переустройства. В начале 90-х годов эта группа была самым массовым слоем общества, но постепенно к концу этого десятилетия ее доля снижалась, хотя траектория не всегда была линейной и устойчивой. В обобщенном виде динамика этих социальных изменений представлена на диаграмме (рис. 21).

В 1996 г., накануне президентских выборов, мы проводили опрос, посвященный оценкам населения итогов первого срока президентства Б.Н. Ельцина. Исследование выявило, что наиболее очевидные «водоразделы» в отношении к новой социальной реальности и к проводимым реформам пролегали тогда между поколенческими группами. Идеологическое размежевание между поколениями оказалось гораздо глубже, чем различия по демо-

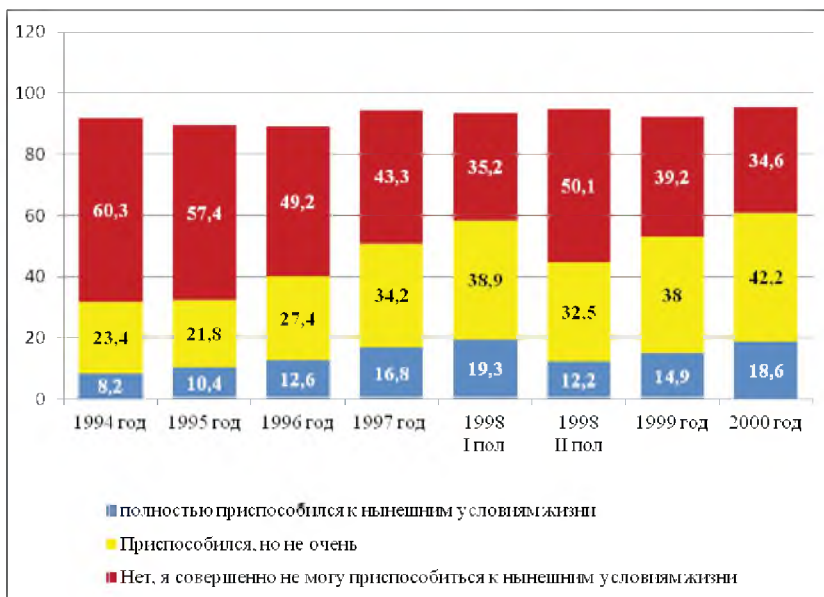

Рис. 21. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, приспособились ли Вы к нынешним условиям жизни?» (в % к числу опрошенных)

графическому, профессиональному, должностному или образовательному признаку.

Радикальные экономические и политические реформы по-разному затронули жизнь трех поколений – 60-, 40- и 20-летних. Избирательная кампания перед президентскими выборами отчасти повлияла на эти оценки. По результатам исследования, восприятие реформ улучшилось на 5–7 %, однако уже осенью 1996 г. совокупные индексы этих оценок снова поползли вниз.

Вопрос анкеты о том, принесло ли время реформ больше хорошего или плохого, выявил следующий разброс мнений по возрастному признаку (рис. 22).

Однако понятие «реформа» слишком абстрактное, поэтому в исследовании было выделено несколько составляющих, по которым и производилась оценка отношения населения к реформам. Такими составляющими выступали отношение: а) к свободе слова и печати; б) к свободе предпринимательства; в) к многопартийности.

Отношение к свободе слова и печати было скорее положительным у всех категорий респондентов, за исключением самых старших возрастных групп, однако и у них отношение к свободе слова было более мягким, чем к другим составляющим политической реформы (рис. 23).

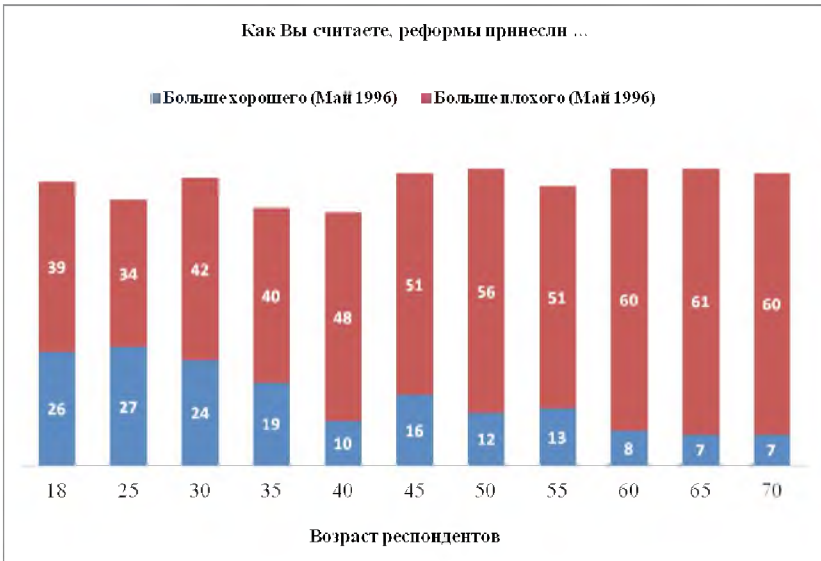

Рис. 22. Распределение ответов на вопрос: «Принесло ли время реформ больше хорошего или плохого?» (в % к числу опрошенных)

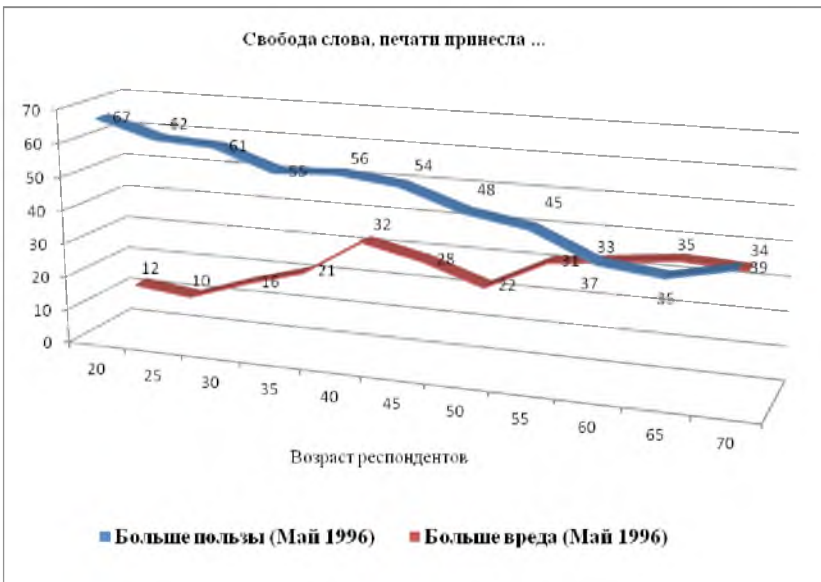

Рис. 23. Распределение ответов на вопрос «Принесла ли свобода слова, печати больше хорошего или плохого?» (в % к числу опрошенных)

Свободу предпринимательства как позитивное нововведение воспринимали респонденты в возрасте до 50 лет, а в более старших возрастных группах отношение к ней было в целом негативным (рис. 24).

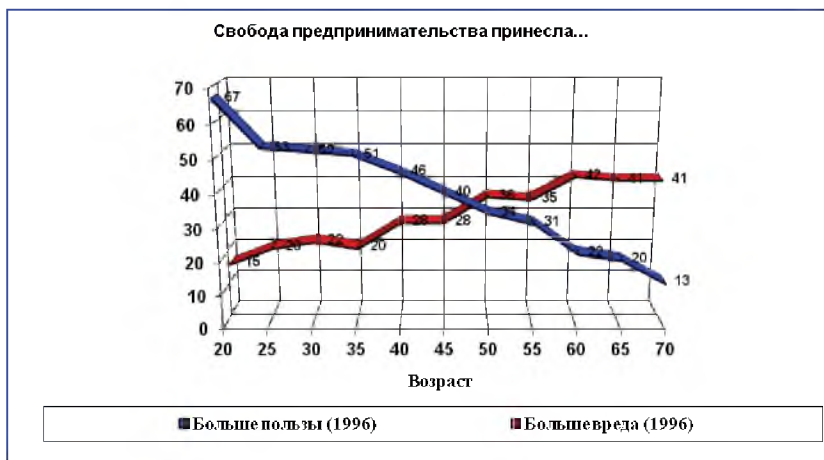

Рис. 24. Распределение ответов на вопрос: «Принесла ли свобода предпринимательства больше хорошего или плохого?» (в % к числу опрошенных)

Введение института многопартийных выборов положительно оценивали респонденты до 45 лет, а более старшие возрастные группы считали, что это нововведение принесло больше вреда (рис. 25).

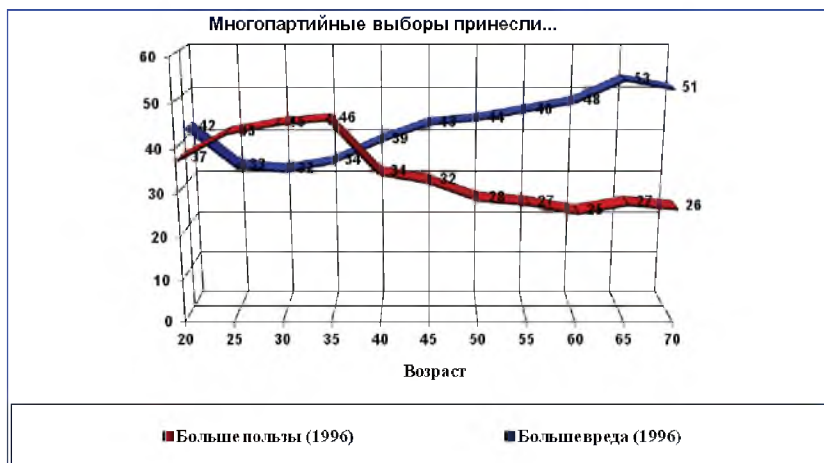

Рис. 25. Распределение ответов на вопрос: «Принесли ли многопартийные выборы больше хорошего или плохого?» (в % к числу опрошенных)

Более детальный анализ мотивов негативного отношения к институту многопартийных выборов показал, что респонденты, особенно старшей возрастной группы, в условиях мультипартийности плохо ориентировались в том многообразии политических цветов и оттенков, которые демонстрировали недавно появившиеся партии, и, соответственно, видели в них имитацию, профанацию демократии, а не реальные механизмы представительства своих интересов¹¹⁵. Негативное отношение к многопартийным выборам – это скорее болезненная реакция на дефицит собственного политического представительства, отголосок негативной оценки политических партий, которые действовали в тот момент на политической арене.

В целом нужно сказать, что социальной группой, наиболее открытой для новых общественных реалий, в 1995 г. была молодежь от 18 до 35 лет, которая, несмотря на все переживаемые сложности, в массе своей адаптировалась к условиям пореформенного времени и приняла либеральные ценности свободы слова, свободы предпринимательства, свободы политического выбора. Однако в качестве электората эта социальная группа была наиболее пассивной и неустойчивой. Молодые люди более оптимистично смотрели на жизнь, им лучше всех удавалось использовать новые возможности, но их стремления и интересы, в отличие от старших поколений, были более индивидуалистичными и находились вне сферы общественной жизни и политики.

Глубокий дискомфорт от реформ испытали на себе представители среднего поколения (35–50 лет), которые были лишены социальных гарантий, в т. ч. пенсий, их не затрагивали компенсации по выплате вкладов, и в то же время они уже вышли из возраста, когда можно безболезненно менять профессию, включаться в новую сферу деятельности. Эти люди, особенно те, кто проживал в городах и имел до 1991 г. устойчивый и уважаемый статус в обществе и высшее образование, оказались в состоянии хронической фрустрации. У среднего поколения, в отличие от молодежи, разочарование положением дел в стране почти полностью сопровождалось разочаро-

¹¹⁵ Например, в выборах депутатов Государственной Думы в 1993 г. принимали участие 13 партий (См.: Брутер В. История современных российских выборов (1993) // История новой России. – 1995. – URL: <http://www.ru-90.ru/content/%D0%B1%D1%80%D1%83%D1%82%D0%B5%D1%80-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D1%85-%D0%B2%D1%8B%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2-1993> (дата обращения: 12.05.2017), а в 1995 г. – 43 партии, в том числе такие, как «Партия любителей пива» (См.: Результаты выборов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации 17 декабря 1995 г. Справочник. – М.: ЦИК, 1996. – С. 128).

ванием в собственной жизни. Не случайно в этот период статистика самоубийств, как, впрочем, и убийств, выросла примерно в 10 раз по сравнению с дореформенным периодом¹¹⁶.

Старшее поколение в 1995 г. оказалось не только наиболее консервативным, но и самым политизированным слоем общества. Людей, активно интересующихся политикой, среди населения пенсионного возраста было почти в два раза больше, чем среди респондентов среднего возраста, и почти в три раза больше, чем среди молодежи. Мнение о том, что «политики» могут изменить к лучшему ситуацию в стране, чаще других разделяли также респонденты в возрасте 65–75 лет. Среди этой категории опрошенных подобное мнение встречалось в два раза чаще, чем у респондентов среднего возраста, и почти в четыре раза чаще, чем у молодежи (рис. 26).

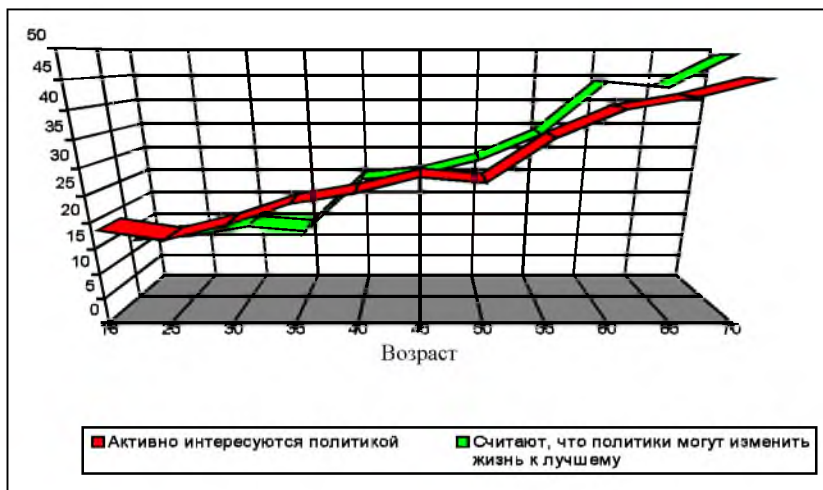

Рис. 26. Корреляция между высоким уровнем интереса к политике («активно интересуюсь политикой») и мнением, что «политики могут изменить жизнь к лучшему» (в % к числу опрошенных)

Примечательно, что разочарование в общественных переменмах для 60-летних (в отличие от 40-летних) было мало связано с переживанием собственных неудач: в этой группе не наблюдалось столь же жесткой корреляции между отношением к реформам и оценкой

¹¹⁶ См.: Лаца А. Российская демография с 1991 по 2012 годы. – URL: <http://alexandrelatsa.ru/> / 2012/02/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F-%D1%81-1991-%D0%BF%D0%BE-2012 (дата обращения: 03.07.2017).

своего материального положения, как в группе 40-летних. Люди 60 лет и старше считали, что даже если их жизнь не ухудшилась, то экономическая и политическая обстановка в стране изменилась в отрицательную сторону.

При этом траектории адаптации населения к меняющимся социальным реалиям были весьма разнообразны, среди них можно выделить следующие:

- ориентацию на самостоятельное решение возникающих жизненных проблем и коллизий; она свойственна людям, исповедующим этику личной ответственности;
- пассивное принятие жизненных обстоятельств, характеризующее философию сервизма, которую отличают апатия, пониженный жизненный тонус, уход от активных форм решения возникающих жизненных проблем;
- установку на апелляцию к внешним силам, к «сильным мира сего» как способ решения возникающих жизненных проблем; она обычно сочетается с этикой бюрократического инфантилизма, когда люди не сами стремятся решать свои проблемы, а считают, что за них это должен сделать кто-то, в частности органы государственного управления;
- протестный стиль поведения, когда люди не могут или не хотят решить свои проблемы, а пытаются подвинуть на их решение органы власти, прибегая к различным формам протеста.

Исходя из такого понимания форм социальной адаптации, респондентам было предложено на выбор несколько моделей поведения для решения стоящих перед ними жизненных проблем. При этом население разных регионов России продемонстрировало склонность к отличающимся моделям социальной адаптации¹¹⁷ (табл. 14).

Для 90-х годов, особенно для первой их половины, характерным стало массовое разочарование избирателей в выборах. Все выборы советского периода отечественной истории проходили при практически 100-процентной явке. А с 1991 г. наметилась тенденция к ее снижению (рис. 27).

К выборам на местном уровне избиратели вообще потеряли интерес. Например, в Самарской области первые выборы в состав депутатов Губернской думы 1994 г. не состоялись в 12 из 25 округов,

¹¹⁷ Опрос проводился социологическим центром «РОКУМ» в ноябре-декабре 1995 г. по заказу Ассоциации «Большая Волга». Совокупный объем выборки составил 1600 человек. Программу и инструментарий составляли Н.М. Ромашев, В.А. Кузнецов, А.Ю. Моисеенков; руководство полевое осуществляли А.В. Калашников, М.В. Карелина, О.М. Медведева; компьютерную обработку – С.И. Гамов.

Таблица 14

**Выбор различных моделей социальной адаптации респондентами
 нескольких регионов России (в % к числу опрошенных)**

Модели социальной адаптации, предложенные респондентам	Самарская область	Ульяновская область	Пензенская область	Республика Мордовия
Самостоятельное решение проблем	33,4	20,6	23,8	16,7
Пассивное восприятие внешних жизненных обстоятельств	36,3	44,8	40,5	42,8
Апелляция к властям	3,4	11,3	8,4	19,6
Протестный тип поведения	19,2	16,4	20,8	13,9

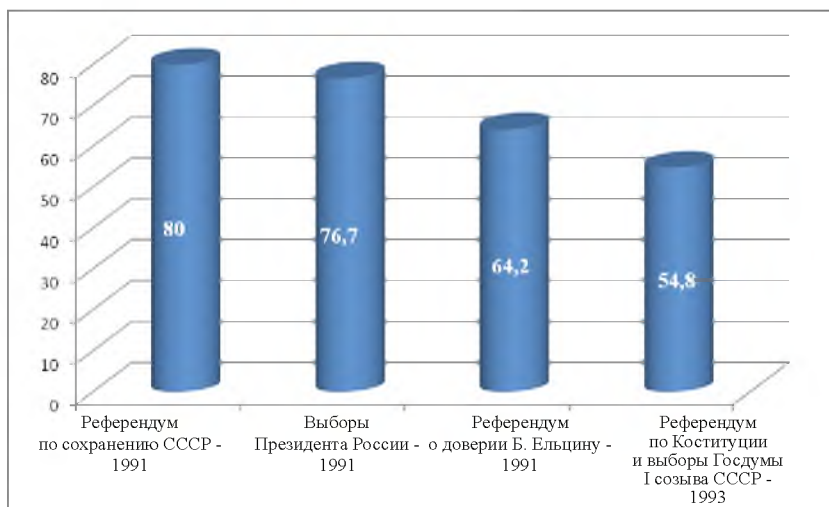

Рис. 27. Динамика явки избирателей на референдумы по ключевым вопросам российской политики и на выборы (президентские и парламентские) в период с 1991 по 1993 гг. (в %) ¹¹⁸

¹¹⁸ См.: Википедия. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>; главы: Всесоюзный референдум о сохранении СССР; Президентские выборы в РСФСР (1991); Всероссийский референдум 25 апреля 1993 г.; Всенародное голосование по Конституции России; Выборы в Государственную Думу (1993) (дата обращения: 07.07.2017).

поскольку явка в них составила менее 20 %. И подобная картина наблюдалась во многих других регионах России. Так, например, во Владивостоке с 1994 по 2001 гг. выборы в городскую думу срывались 25 раз¹¹⁹.

В чем причина такого изменения отношения избирателей к демократическим правилам игры? Ведь если следовать политической теории, свободные выборы призваны поставить власть под контроль общества. И в этом отношении демократические выборы имеют для людей совсем иную ценность, чем пустые в содержательном плане выборные ритуалы советского периода¹²⁰. Главный смысл любых выборов, с точки зрения избирателя, как справедливо заметил Дэн Ниммо, – это возможность людей выразить свое недовольство и свой энтузиазм¹²¹. А коль скоро протестный потенциал, накопленный в обществе, как мы видели выше, был огромен, то где же его выражать, как не на выборах? Но произошло все наоборот.

Причин тому несколько. Во-первых, пересадка на российскую почву либерально-демократических институтов, вплоть до текстуальных заимствований из конституций стран Европы и Америки, не могла привести к адекватному воспроизводству социально-политических процессов в России. Как показала реальная практика действий российских «демократов», они были склонны игнорировать акты народного волеизъявления ничуть не в меньшей степени, чем коммунисты. Точно так же, как большевики проигнорировали выборы в Учредительное Собрание в 1917 г., так и их духовные (да и генетические) наследники проигнорировали итоги референдума 1991 г. о сохранении Советского Союза и итоги парламентских выборов в 1993 и в 1995 гг. Апофеозом такого отношения к выборной власти стал расстрел Верховного Совета 4 октября 1993 г. И все страны, подаваемые либеральной пропагандой как образцы демократии, приняли все эти действия как должное.

Во-вторых, с каждой новой избирательной кампанией менялись и установленные законодательством правила игры. Так, в ходе реформы политической системы, начиная с 1988 по 1995 гг., избирательное законодательство принципиально изменялось, по крайней мере, четыре раза. В результате все партии, прошедшие в 1995 г. в Государственную Думу, в совокупности набрали 54,6 % голосов участвовавших в выборах избирателей (34,6 % от общего числа избирателей). А депутаты, прошедшие по одномандат-

¹¹⁹ Кынев А.В. Роль представительных органов власти в современной России. – М.: Ассоциация ГОЛЮС, 2007. – С. 72.

¹²⁰ Бурбулис Г., Баланцев Б., Свиридова О. Геннадий Бурбулис в зеркале мнений, идей, событий. – М.: Стратегия, 2005. – С. 48.

¹²¹ Nimmo D. Elections as Ritual Drama // Political Persuasion in Presidential Campaigns. – New-Brunswick & Oxford, 1987. – P. 167.

ным округам, в совокупности получили поддержку 34,7 % активного электората, или 22,2 % населения страны. По этому поводу французский ученый В. Бунсе писал: «Либеральная демократия может рассматриваться как противоположность сталинизма. Если отличительными чертами либеральной демократии являются определенность процедур и неопределенность результатов, то характерным признаком сталинизма как политической системы представляется неопределенность процедур и определенность результатов. Что мы находим ныне в Восточной Европе, где режимы находятся в процессе политической либерализации? Они являются гибридом сталинизма и либеральной демократии, поскольку соединяют в себе неопределенность процедур с неопределенностью результатов»¹²².

В-третьих, широкое использование манипуляций для достижения нужного результата, что в западной политической культуре традиционно характеризуется как «политическая коррупция». Тема массовой скупки голосов пауперизированной части общества и прямых фальсификаций итогов голосования впервые возникла в период проведения референдума и парламентских выборов 1993 г. А в 1996 г., в период проведения президентской кампании, она была доминирующей. О фальсификациях вспоминают чаще всего в контексте детективной истории с коробкой из-под ксерокса, набитой долларами, от которых почему-то все дружно отказывались. Но были и другие, более значимые проявления злоупотребления властью в этот период. В частности, президент Б.Н. Ельцин в течение своей избирательной кампании подписал несколько десятков откровенно популистских и пропагандистских указов с социальными обязательствами государства по выплате различных пенсий, пособий, компенсаций на общую сумму свыше 200 млрд долларов¹²³. А в октябре 1996 г. сразу после окончания выборов вышел его Указ № 1414, отменявший все эти

¹²² Bunce V. *Democracy, Stalinism & Management of Uncertainty // Democracy & Political Transformation: Theories & East-Central European Realities.* – Budapest, 1991. – P. 156.

¹²³ В том числе Указы № 159 от 21.12.1996 «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот...»; № 491 от 04.04.1996 «О первоочередных мерах государственной поддержки малого предпринимательства в РФ»; № 517 от 10.04.1996 «О мерах государственной поддержки Российского общественного фонда инвалидов военной службы»; № 565 от 16.04.1996 «О мерах по стабилизации экономического положения и развитию реформ в агропромышленном комплексе»; № 569 от 20.04.1996 «О мерах по улучшению социального обеспечения лиц, обучающихся в образовательных учреждениях начального профессионального образования...»; № 748 от 22.05.1996 «О дополнительных социальных гарантиях спортсменам...» и др.

обещания¹²⁴. Ресурсы местных администраций использовались в этот период также без всякой оглядки на закон и принципы демократии. Хорошо помню, как весной 1996 г. в здании администрации Самарской области все кабинеты первого этажа и складские помещения были забиты пачками изданной в Финляндии газеты «Не дай бог!», которую представители районов получали для распространения. И такая же ситуация была практически во всех регионах. Опрос, проведенный нами в апреле 1996 г., показал, что только 11,1 % избирателей верили, что выборы президента будут честными¹²⁵.

В то же время сами избиратели следующим образом объясняли причины своего неучастия в выборах (рис. 28).

Высокий уровень недоверия к кандидатам (40 %) объясняется тем, что у избирателей, по сравнению с концом 80-х годов, существенно изменились критерии оценки претендентов на власть.

Рис. 28. Причины неучастия респондентов в президентских выборах 1996 г. (в % к числу опрошенных)

¹²⁴ Указ № 1414 от 02.10.1996 «О неотложных мерах по обеспечению режима экономии в процессе исполнения федерального бюджета во втором полугодии 1996 года», который, как отмечает Э. Попов, «приостановил, а в ряде случаев и отменил 47 президентских указов и постановлений правительства, а также некоторые законы, изданные и принятые во время избирательной кампании-96». См.: Попов Э.А. Российская политическая элита на рубеже XX–XXI вв. Конструирование социального порядка с помощью коммуникативных технологий. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. – С. 34.

¹²⁵ Дата проведения опроса – 20–30 апреля 1996 г. N – 1230 человек, выборка маршрутно-адресная. Руководители опроса – В.А. Кузнецов, В.С. Левичева.

Выразительной риторики, эмоциональной декларации, энергичной самопрезентации оказалось явно недостаточно для позитивной оценки кандидатов: наиболее значимым стало такое качество претендента, как способность добиваться конкретных, осязаемых результатов в своей деятельности. Вот, например, как респонденты определяли свои мотивы голосования за кандидатов в ходе президентских выборов 1996 г. (рис. 29).

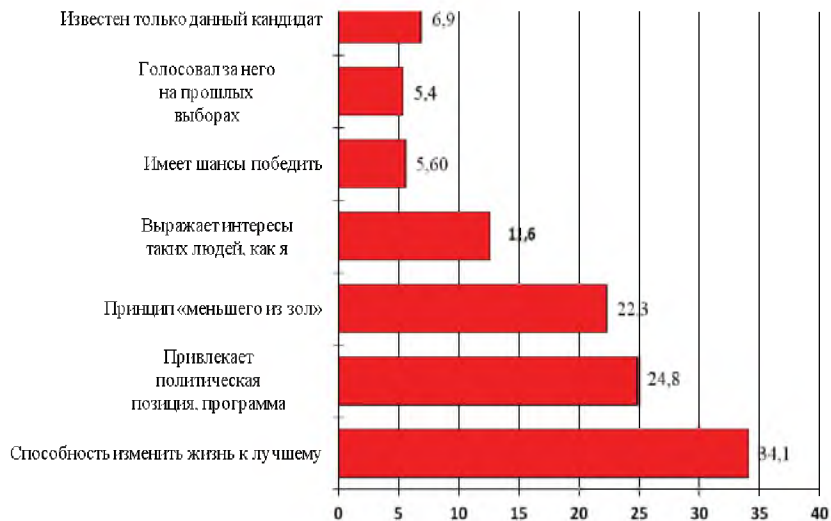

Рис. 29. Мотивы голосования за кандидатов на выборах Президента РФ в 1996 г. (в % к числу опрошенных)

Партийная структура России этого периода была чрезвычайно неустойчива и разнородна, избиратели в подавляющем большинстве не имели партийной идентификации, характерной для устойчивой демократической политической культуры. Поэтому электорат середины 90-х годов можно было условно разделить на три большие группы.

1. *Сторонники существующей власти*, которые, хотя и имели к ней определенные претензии, тем не менее не видели никакой серьезной альтернативы и считали, что сохранение status quo в политике предпочтительнее любых перемен.

2. *Сторонники коммунистической оппозиции*, страдающие ностальгией по прошлому и винящие во всех бедах «демократов», проравшихся к власти в 1991 г.

3. *Сторонники демократической оппозиции*, критикующие власть за бюрократическое перерождение, коррупцию, но не желающие

возврата к старому и ориентированные на западный тип общественного устройства.

Различные регионы отличались друг от друга по характеру представленности и удельному весу этих трех групп электората. Сторонники действующей власти, точнее, сторонники сохранения status quo в политике, составляли в разных регионах от 30 до 40 % активного электората. Представители коммунистической оппозиции – от 30 % (в крупных городах, имеющих столичный тип голосования, – Екатеринбург, Томск, Красноярск, Тольятти) до 50 % (в регионах «красного пояса» – Орловская, Курская, Белгородская, Рязанская, Пензенская, Ульяновская и другие области). А демократический электорат, составлявший в целом по стране около 20 % избирателей, наоборот, концентрировался преимущественно в городах с большой долей вузов и устойчиво работающих предприятий¹²⁶.

К середине 90-х годов в российской политике сложилась патовая ситуация, когда ни прошлое, ни настоящее не устраивало большинство общества. В то же время политическая элита России не смогла предложить никакого идеологически обоснованного проекта будущего¹²⁷. Россия в этот период оказалась запертой в рамках электорального детерминизма, то есть в ситуации, описанной еще классиком американской политологии В.О. Кеем, который отмечал, что «основная и, возможно, принципиальная роль электората заключается в том, что он оказывается оценщиком уже прошедших событий, прошлой деятельности и свершившихся актов. Он судит ретроспективно; он выражает свое одобрение или неодобрение только к тем программам, которые мог проверить до этого. Избиратели могут отвергнуть то, что они уже знают, или одобрить то, что им известно. Их нельзя привлечь с легкостью благодаря огромному количеству обещаний нового и неизвестного»¹²⁸. Подвинуть избирателей на решительные изменения можно только в том случае, если они полностью разочарованы в политических силах, находящихся у руля. И этот путь России еще предстояло пройти

¹²⁶ См.: Туровский Р. Парламентские выборы 1999 г.: региональные особенности // Политика. – 2000. – № 4 (14). – С. 102–121.

¹²⁷ Именно в этот период появляются разговоры о необходимости выработки для России своей особой «национальной идеи». См.: Послание Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию Российской Федерации «Об укреплении Российского государства» (Основные направления внутренней и внешней политики). – URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12590> (дата обращения: 13.12.2017).

¹²⁸ Key V.O. The Responsible Electorate. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1966. – P. 61.

во второй половине 90-х годов, окончательно расставшись с иллюзиями эпохи перестройки.

И ключевую роль в этом процессе сыграл финансовый кризис 1998 г. В литературе много внимания уделяется его экономическим предпосылкам и последствиям. Однако значение кризиса для истории нашей страны было гораздо более широким и многообразным. В целом следует признать, что во время дефолта 1998 г. рухнули не просто пирамида ГКО и банковская система. В августе 1998 г. в глазах общества окончательно рухнула модель либеральной рыночной экономики, создаваемая по западным образцам, как идеологически привлекательная перспектива для развития нашей страны. Россия снова оказалась на перепутье.

Теоретически перед страной в этот период открывались три варианта развития¹²⁹:

1. Продолжение политики либерализации и попытка спасения финансовой системы через помощь МВФ и глубокую интеграцию страны в мировое хозяйственное пространство, что фактически привело бы экономику страны к полному подчинению иностранным финансовым организациям. Это путь создания экономики компрадорского типа, где люди не верят своей национальной валюте и готовы вкладывать деньги только в зарубежные банки. Соответственно, основные экономические и политические решения, касающиеся жизни страны, принимаются за ее пределами, а инвестиции идут только в отрасли, ориентированные на экспорт (т. е. сырьевые отрасли), за счет уступки нерезидентам национальных прав собственности. По такому пути, собственно, мы и шли, начиная с момента начала гайдаровских «реформ» и вплоть до кризиса 1998 г.

2. Второй сценарий был следствием широко распространенных настроений по принципу «спасайся, кто может», питательной почвой для которых стало катастрофическое снижение уровня жизни населения. Эти настроения в 90-х годах очень активно использовались представителями региональных элит в своих интересах. Наиболее очевидным проявлением регионального сепаратизма в 90-х годах, конечно, стала Чечня. Но деятельность Д. Дудаева,

¹²⁹ Эти альтернативные сценарии развития страны, так же как и вероятность их реализации, были впервые рассмотрены в опубликованном на правах рукописи докладе Д.А. Митяева, вышедшем под эгидой Росейского торгово-финансового союза в апреле 1998 г. И дальнейший ход событий блестяще подтвердил большую часть его прогнозов. См.: Митяев Д.А. Среднеерочные сценарии гоударственной и корпоративной политики в условиях саморазрушения финансовой системы страны и возврата к мобилизационной модели развития. – М.: Наука, 1998. – URL: <https://litlife.elub/br/?b=123829&p=1> (дата обращения: 27.04.2017).

а потом А. Масхадова, обещавших народу превращение республики по второй Кувейт, была лишь крайним проявлением этой общей тенденции. В эту же логику «выживания поодиночке» укладывались и вся политика «республиканского суверенитета»¹³⁰, и создание особых экономических зон¹³¹, и выстраивание своих «региональных таможен»¹³². В этих условиях распад страны был вполне возможен, если бы к власти в регионах пришли различные группы влияния, начиная от националистических группировок и заканчивая откровенными бандитами, не имевшими за душой никакой идеологии или позитивной программы действий.

3. Консолидация власти и капитала на основе идеи «спасения государства». Идея государственничества как антипода либерализма при этом становилась официальной идеологией страны. Но переход к мобилизационной модели экономики и общественного устройства в этом случае не был бы простым восстановлением административно-командной системы советского типа. Он не предполагал тотального огосударствления экономики, в рамках этой системы власть контролирует стратегические отрасли, крупнейшие компании, производящие экспортную продукцию, а также выполняющие важнейшие функции жизнеобеспечения (35–40 % ВВП). Еще одним резервом для создания новой мобилизационной экономики являлись природные ресурсы и территория страны, большую часть которых (включая месторождения, разрабатываемые частными компаниями) реформаторы не успели переформировать на новых собственников. Частные интересы при этом вполне имеют право на существование, на идеологическое обоснование и политическое представительство, но лишь до той черты, когда они вступают в противоречие с государственными интересами.

После дефолта 1998 г. первый путь в соответствии с либеральной парадигмой под «чутким руководством» команды Джеффри Сакса и других кураторов нашей страны стал невозможен. Компраторская часть политической элиты была более не способна кон-

¹³⁰ Эта идея особенно последовательно и системно отстаивалась в Татарстане, который в 1993 г. даже не принял участия в голосовании по Конституции России, поскольку из нее исключили Договор о распределении полномочий между Российской Федерацией и Республикой Татарстан.

¹³¹ По сути, особые экономические зоны имели статус внутренних офшоров. Такой статус в 90-х годах был, в частности, у Республики Калмыкия и Республики Мордовия. В результате перерегистрации в них многих предприятий страны, фактически не имевших никакого отношения к этим республикам, федеральный бюджет недополучал ежегодно десятки миллиардов рублей.

¹³² В частности, такие посты в 1998 г. были выставлены на границах Ульяновской области с целью недопущения вывоза из региона продуктов, которые там были существенно дешевле, чем у соседей.

тролировать политические процессы в стране. Чтобы сохранять власть, ей было необходимо, чтобы страны «большой семерки» взяли Россию на буксир, обеспечив серьезные денежные вливания в финансовую систему и стабилизацию власти. Но те были не готовы к столь щедрым подаркам. В странах Запада превалировала не какая-то долгосрочная стратегия, а эйфория от «победы в холодной войне» и хватательные рефлексы в отношении наиболее ликвидных активов России.

В 1998–1999 г. реальная альтернатива развития для России состояла в выборе между дальнейшей дезинтеграцией страны и переходом к новой мобилизационной модели. Социальная опора центральной власти в течение всех 90-х годов снижалась, что неизбежно сокращало пространство политического маневра для президента и правительства.

В то же время в российском политическом сознании 90-х годов при продолжающемся снижении доверия к власти наблюдалась интересная картина. Во-первых, с середины 90-х годов сначала стабилизировался, а потом постепенно стал снижаться уровень протестного потенциала, причем в его динамике выделялась интересная закономерность. Так, мониторинги ФОМа, проводившиеся в 1997 и 1998 гг., показали, что граждане, оценивая возможность протестных акций в стране, в 1998 г. чаще, чем в 1997 г., отмечали, что волна протестов будет нарастать, однако когда людям задавали вопрос о потенциальных протестах в собственном населенном пункте, с ситуацией в котором они знакомы значительно лучше, то уже гораздо меньше людей, чем в 1997 г., указывали, что акции возможны (рис. 30). Аналитик ФОМа Анна Петрова, оценивая протестный потенциал граждан того периода, отмечала: «...люди теперь меньше участвуют в акциях протеста, чем год назад, и высказывают более сдержанные прогнозы относительно возможности участия в таких акциях своих земляков...»¹³³.

Таким образом, во второй половине 90-х годов стало совершенно очевидно, что ответственность за кризисное состояние общества люди возлагали не на власть вообще, а на федеральные органы. Иллюстрацией этому служат также данные, полученные в результате проводимого нами мониторинга, которые демонстрируют динамику отношения жителей Самарской области к деятельности органов власти различного уровня. По итогам иссле-

¹³³ Петрова А. Россияне об акциях протеста: Всероссийские опросы городского и сельского населения. 25 марта и 19 апреля 1997 года, 11 апреля 1998 года. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603 (дата обращения: 15.03.2018).

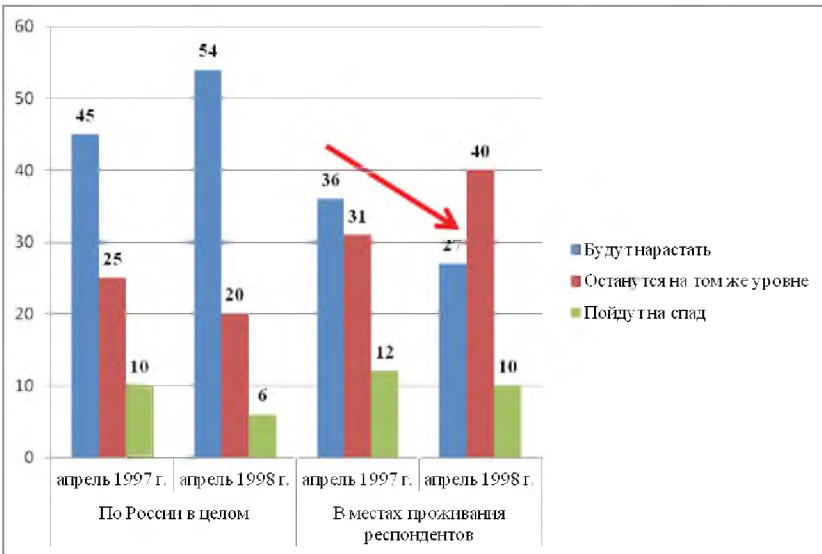

Рис. 30. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в России и там, где Вы живете, акции протеста в ближайшее время будут нарастать, останутся на том же уровне или пойдут на спад?»¹³⁴ (в % к числу опрошенных)

дования, к 1998 г. уровень доверия-недоверия населения к федеральной власти находился примерно в том же диапазоне, что и в 1990 г. по отношению к партийным органам. Во-вторых, уровень доверия к региональным и местным органам власти на протяжении 1994 – 1999 гг. постепенно нарастал. И с 1997 г. баланс оценок деятельности местных органов власти был в целом положительным, несмотря даже на дефолт 1998 г. (рис. 31).

Такое же положение вещей наблюдалось и во многих других регионах страны, особенно после введения в 1996 г. прямых выборов губернаторов. Тогда во многих регионах к власти пришли лидеры, прежде находившиеся в оппозиции к президенту Б.Н. Ельцину¹³⁵. Эта ситуация позволила самарскому губернатору К.А. Титову заявить в

¹³⁴ ФОМ: Всероссийские опросы городского и сельского населения. 25 марта и 19 апреля 1997 года, 11 апреля 1998 года. – URL: http://bd.fom.ru/report/cat/socium/act_ag/of19981603 (дата обращения: 15.03.2018). Выборка – 3000 чел. (по 1500 чел. городского и сельского населения).

¹³⁵ Также в результате губернаторских выборов 1996–1997 гг. к руководству регионами пришла целая плеяда «сильных» губернаторов: А.Г. Тулеев, Э.Э. Россель, Н.И. Меркушкин, А.И. Лебедь, П.И. Сумин, Л.Ю. Рокецкий, Д.Ф. Аяцков и другие.

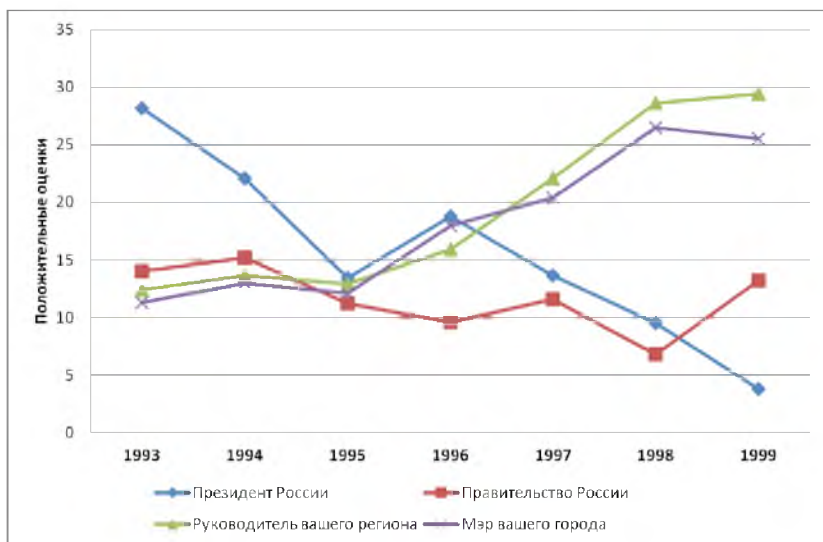

Рис. 31. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, на своем посту работает Президент России, Правительство России, руководитель вашего региона, мэр вашего города?» (в % к числу опро-

феврале 1999 г.: «Мы, губернаторы, сейчас единственная реальная власть в России. И нам решать, кто будет в Думе после декабря 1999 г. Кремле после 2000 г.»¹³⁶.

А еще за год до этого К.А. Титов был частью федерального истеблишмента, той самой «команды реформаторов», которая с начала 90-х годов была ориентирована на радикальные либеральные реформы. В 1998 г. он занимал в НДР второй по значимости пост и координировал подготовку «партии власти» к выборам в Государственную Думу 1999 г. Собственно, это обстоятельство и определило вектор исследований массового политического сознания, которые довелось провести автору этих строк в конце 90-х годов. Дело в том, что К.А. Титов был моим непосредственным начальником и заказ-

¹³⁶ Поначалу его призыв получил довольно значимый отклик. На первое организационное собрание политического объединения «Голос России», которое и создавал тогда К.А. Титов, прибыли 38 губернаторов. Но позже эта идея создания губернаторской партии была перехвачена Б.А. Березовским. В результате его челночных поездок по регионам страны ему удалось сколотить предвыборный блок «Единство», в который вошло около 40 губернаторов. Еще около 30 региональных лидеров объединились в предвыборный блок «Отечество – Вся Россия» во главе с Ю.М. Лужковым и Е.М. Примаковым. В этой ситуации К.А. Титов, которому просто не хватило политического веса и административного ресурса, оказался третьим лишним.

чиком большинства исследований. В 1998 г. он был занят подготовкой предвыборной программы для «партии власти» – НДР. По его мнению, программа должна была в первую очередь соответствовать не каким-то абстрактным теоретическим и идеологическим постулатам, а массовым ожиданиям россиян и их представлениям о правильном общественном устройстве. Именно тогда мне было поручено провести серию социологических опросов, итоги которых стали бы основой для формулирования программы партии власти¹³⁷. Через год, когда К.А. Титов создавал уже свою партию «Голос России», в Подмоскowie, на базе учебного центра Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР) проводилась учеба партийного актива новой партии, куда перетекла и часть аппаратчиков НДР. Именно там нам удалось опросить 912 респондентов из 34 регионов страны.

Первое, что обращает на себя внимание в результатах тех исследований, – это отсутствие однозначных оценок по целому ряду ключевых вопросов развития страны. Так, в вопросе об итогах приватизации 37,6 % населения страны были за их пересмотр, а 39,2 % – против; 45,3 % опрошенных были за возвращение государственного регулирования цен на потребительские товары, а 49,3 % – против.

В тот период в обществе не было единства и по вопросам устройства государственной власти. Политическое противоборство на этом этапе поменяло свой вектор. В конце 80-х и первой половине 90-х годов ключевой социальный водораздел, как мы отмечали, проходил по линии коммунизм – либерализм, какая система предпочтительнее. Процесс политической интеграции протекал именно в рамках этой альтернативы, а все, что выходило за ее пределы, имело второстепенное значение. Однако после президентских выборов 1996 г., когда реинкарнация старой административно-командной системы стала уже невозможна, на передний план стали выходить иные основания, иные мотивы политического размежевания. Этим ключевым размежеванием выступало государственное управление – проблематика объемов, полномочий и модели их распределения между федеральным, региональным и местным уровнями власти. Актуальность этой проблематики вытекала из того факта, что во второй половине 90-х годов регионализация экономической и политической жизни страны достигла наибольшей степени. В то же время в этот период созревали предпосылки для новой централизации власти, осуществленной впоследствии уже Президентом РФ В.В. Путиным.

¹³⁷ Опрос населения был проведен в марте–апреле 1998 г., всего было опрошено 1883 респондента по всероссийской выборке. Разработчиком программы и инструментария был автор (в их основе лежали наработки 1990 г., описанные в главе 1), а организацию и руководство «полем» осуществлял И.В. Задорин, который в те годы заведовал сектором социологических исследований в Администрации Президента России.

Так, мнения граждан о статусе и полномочиях региональных органов власти разделились практически пополам: 35,3 % респондентов заявили, что губернаторы не должны подчиняться Президенту России, их обязанность – отвечать только перед своими избирателями. Столько же опрошенных (36,7 %) придерживались противоположной позиции, 28 % не определились с ответом. Небольшой крен в сторону централизации наблюдался в ответах на вопрос о системе законодательства России – 51,2 % опрошенных считали, что региональные и местные законы, противоречащие федеральному законодательству, должны быть отменены, 39,9 % респондентов придерживались противоположного мнения. Однако больше половины опрошенных (54,3 %) высказывались против того, чтобы Президент РФ имел право назначать и смещать с должности губернаторов; чуть больше трети респондентов (35,3 %) придерживались противоположного мнения, выступая за возвращение ему таких прав.

Что касается оценки статуса органов местного самоуправления в системе государственного управления страны, то здесь также мнения респондентов разделились диаметрально противоположным образом: 42,8 % опрошенных считали, что местное самоуправление должно быть независимым от губернаторов, и столько же (42,6 %) высказывались за их подчинение государственным органам. 48,4 % опрошенных жителей страны считали, что мэры городов должны подчиняться губернаторам и в случае неподчинения их нужно увольнять. Однако почти столько же (42,3 %) респондентов придерживались противоположного мнения.

Такой разброс взглядов свидетельствовал о том, что общественное сознание в тот период находилось на полпути к признанию идеи распада государства. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в оценках территориального статуса Чечни и стратегии формирования армии. Тезис о том, что «государство должно принять все меры для сохранения территориальной целостности страны и сохранения Чечни в составе России», поддерживали меньше половины опрошенных (42,9 %), 47,3 % респондентов разделяли противоположную позицию. По вопросу организации армии либерально-демократическую позицию разделяло больше половины опрошенных – 57,4 % респондентов в 1998 г. считали, что в России «нужно отменить всеобщую воинскую обязанность, а служба в армии должна быть добровольной – по контракту». За сохранение призыва выступало лишь 36,4 % опрошенных россиян.

В отношении социальных обязательств государства массивная обработка общественного сознания, которая велась в России в 90-х годах преимущественно с либерально-демократических позиций, тем не менее не привела к принципиальному изменению представлений россиян о социальной роли государства в жизни общества (табл. 15).

Таблица 15

Динамика отношения респондентов к социальным обязательствам государства с 1990 по 1998 гг. (в % к числу опрошенных)

Какие социальные обязательства (не)должно выполнять государство	1990 год		1998 год	
	Согласны	Не согласны	Согласны	Не согласны
Заработная плата работников должна устанавливаться в централизованном порядке и не выходить за пределы, установленные государством	54,1	29,9	52	34,9
Государство должно обеспечивать выплату гражданам пенсий и пособий по больничным листам	68,7	25,7	68,6	27,5
Государство должно обеспечивать жильем всех граждан бесплатно согласно очереди на основе единых социальных нормативов жилой площади	76,1	16	57,9	39,9

Сохранение высокого уровня социальных ожиданий, адресованных государству, и эгалитарных представлений о справедливости прослеживалось и в ответах граждан на вопросы о компенсациях по вкладам, о валютном и налоговом регулировании (табл. 16).

Устойчивость представлений россиян о социальных обязательствах государства оказалась неожиданностью для либералов, получивших власть в начале 90-х годов. Идеологи либеральных реформ имели свое, «правильное» понимание сути экономических и политических процессов, и оно совершенно не совпадало с представлениями и жизненным опытом подавляющего большинства населения страны.

Например, с точки зрения А.Н. Илларионова, сутью всего мирового политического процесса в XX в. было непрерывное противостояние либерализма социализму, под которым он понимал любые формы вмешательства государства в экономику. В этом сущностном конфликте, по мнению реформаторов гайдаровского призыва, лишь либеральные подходы находились на «правильной

стороне истории», именно здесь возникают все подлинные экономические успехи¹³⁸. При этом отечественные либералы в своем понимании экономической свободы были гораздо ближе к ортодоксальным взглядам Франца Хайека¹³⁹ и Людвиг фон Мизеса¹⁴⁰, чем даже к своим западным кураторам¹⁴¹. При этом они искренне верили, что все делают правильно, просто им «не повезло с народом». И это обстоятельство вызывало у них глубокое раздражение, которое со временем перерастало в русофобию.

Таблица 16

Отношение респондентов к социальным обязательствам государства в вопросах компенсаций по вкладам, валютного и налогового регулирования (в % к числу опрошенных)

Какие социальные обязательства (не) должно выполнять государство в отношении компенсаций по вкладам, валютного и налогового регулирования	1998 год	
	Согласны	Не согласны
Нужно ввести прогрессивную шкалу налогообложения, чтобы богатые платили больше, а бедных совсем освободить от налогов	64	31,5
В России нужно ввести жесткое валютное регулирование, чтобы курс рубля был стабильным	58,5	28,4
Вкладчикам банков, пострадавших в результате дефолта, государство должно вернуть все деньги	46,7	26,4

¹³⁸ Илларионов А.В. Экономическая политика в условиях открытой экономики со значительным сырьевым сектором // Вопросы экономики. – 2001. – № 4. – С. 12–15.

¹³⁹ См.: Хайек Ф. Бегство от свободы. – М.: Академический проект, 2008. – 256 с.

¹⁴⁰ Мизес Л. фон. Запланированный хаос / пер. с англ. – М.: Дело, 1995. – С. 15–16, 91.

¹⁴¹ Так, для А. Улюкаева «по меньшей мере не очевиден» был утвердительный ответ на вопрос, должна ли Россия стремиться к капитализму «того типа, который сформировался в развитых странах рыночной демократии, с большим и дорогостоящим государством, мощными перераспределительными механизмами, огромным налоговым бременем». Все это – «результат не вполне естественного развития» капитализма, который «попал в ловушку пресловутого государства всеобщего благоденствия под давлением социалистического вызова времен «холодной войны»». С его точки зрения, общественное богатство создают лишь те, кто занят «в коммерческом секторе, включая предпринимателей и работающих по найму». Противостоит же им растущее число «паразитирующих на рыночном секторе при помощи государства» – тех, «кто финансируется за счет налогов». См.: Улюкаев А.В. В ожидании кризиса: ход и противоречия экономических реформ в России. – М.: Стрелец, 1999. – С. 186–188.

В конце 90-х годов Е. Гонтмахер с горечью писал, что основным человеческим видом в России остается «*homo soveticus*»: «Его социальному поведению были свойственны такие черты, как: уверенность в том, что все социальные проблемы обязано решать государство (во многих случаях, особенно у старших поколений, такого рода патернализм сочетался с ударной работой и политической благонадежностью); привычка к социальной уравниловке; сильно развитое чувство “социальной справедливости”, понимаемой как равенство в быту и уровне жизни, а также огромный потенциал “черной зависти” к более богатому и удачливому ближнему; подмена естественных форм самоорганизации людей псевдоколлективистским образом жизни, при котором большую роль играли партия, профсоюзы, домкомы и прочее»¹⁴².

Следует отметить, что нормативно-идеологические представления партийных активистов «партии власти» в конце 90-х годов имели гораздо больше точек соприкосновения с мнением большинства граждан, чем с позицией либеральных реформаторов¹⁴³. Лишь в одном вопросе из 16 маркеров, определяющих идеологический вектор общественных настроений, позиции партийных активистов и большинства населения не совпадали. И это был вопрос о праве государства призывать граждан на срочную службу, причем позиция партийного аппарата здесь была совсем нелиберальной. Сторонниками контрактной армии были 35 % партийных активистов (среди населения – 57,4 %), а за сохранение общеобязательного воинского призыва были 57,8 % освобожденных партийных работников. Не последнюю роль здесь играл, наверное, и тот факт, что многие

¹⁴² Гонтмахер Е. Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт // Pro et contra. – 2001. – Т. 6. – № 3. – С. 11. Презрение к «простому человеку» было родовым признаком либеральных реформаторов 90-х годов. Обратная реакция населения на реформаторов была примерно такой же. Выплеснуться на улицу, в виде социального протеста, этому раздражению было крайне сложно, особенно в провинции, но во время выборов избиратели часто удивляли апологетов радикальных реформ. Достаточно вспомнить результаты думских выборов 1993 г., когда возглавляемый Е. Гайдаром «Выбор России» набрал только 15,5 % голосов, тогда как фаворитом оказалась ЛДПР с 22,9 %. Во время официального оглашения результатов в прямом эфире первого канала А. Нуйкин произнес ставшие хрестоматийными слова: «Россия! Ты одурела!».

¹⁴³ Точнее было бы сказать – «различные партии власти». Дело в том, что в течение всех 90-х годов процесс провластного партстроительства шел таким образом, что эти партии сменяли друг друга с калейдоскопической скоростью. Но большинство штатных организаторов политического процесса, особенно в регионах, плавно переходили из одной партии в другую вслед за главой соответствующего региона. Например, К.А. Титов за 16 лет своего губернаторства успел побывать в 6 партиях. Но его политическое окружение за этот период поменялось не столь существенно. С начала 90-х годов это были одни и те же люди. Они меняли партийные знамена, но не своего покровителя. И подобные процессы происходили во многих других регионах.

представители партийного актива 90-х годов были отставными офицерами и работниками разорившихся оборонных предприятий.

Представления партаппарата о политическом устройстве страны были авторитарны в гораздо большей степени, чем мнение рядовых избирателей. Эти расхождения проявлялись в вопросах о правах и полномочиях регионов, в оценке приемлемых форм проведения выборов и свободы прессы. В обобщенном виде эти различия представлены в табл. 17.

Таблица 17

**Идеологические расхождения населения и актива «партий власти»,
1998 г. (в % к числу опрошенных)**

Представления респондентов о способах организации политической системы страны	Население		Партийный актив НДР (ГР)	
	Со-гласны	Не со-гласны	Со-гласны	Не со-гласны
Регионам нужно предоставить больше прав вплоть до права выхода из Российской Федерации	54,8	28,6	30	66,7
Председателем Правительства РФ нужно назначать лидера партии, получившей большинство на выборах в Государственную Думу	55,6	23,6	38	52
Чиновников и депутатов, подозреваемых во взятках, нужно автоматически освобождать от должности до окончания расследования	80,8	13,9	47,1	41,5
Нужно ввести уголовную ответственность за принуждение к голосованию на выборах	50,8	24,9	19	60,6
Не должно быть никаких ограничений для свободы слова. За попытки ограничения критики нужно привлекать к уголовной ответственности	59,7	28,3	26,9	69,9
Средства массовой информации должны быть независимы от власти	58,4	35	29,2	66,3

Представления респондентов о способах организации политической системы страны	Население		Партийный актив НДР (ГР)	
	Со-гласны	Не со-гласны	Со-гласны	Не со-гласны
Местное самоуправление должно быть независимым от губернаторов	42,8	42,6	19,4	72,5
Государство должно принять все меры для сохранения территориальной целостности страны и сохранения Чечни в составе России	42,9	47,3	69,2	28,9
Региональные и местные законы, противоречащие федеральному законодательству, должны быть отменены	51,2	39,9	43,3	49,4
Мэры городов должны подчиняться губернаторам. В случае неподчинения их нужно увольнять	48,4	42,3	67,8	27,2

Партийные активисты были «демократичнее» населения только в двух вопросах – в отношении права Президента РФ освобождать от должности избранных населением губернаторов и в вопросе о статусе местных нормативных актов. Данный факт, очевидно, объясняется тем, что значительную часть партийного актива составляли люди, представлявшие прямую клиентелу губернаторского корпуса. Их идеологические позиции в этом отношении определялись особенностями их статуса и центробежными тенденциями в развитии политической системы страны.

Однако, как мы отмечали, в этот период стала проявляться потребность в усилении централизации со стороны федеральной власти. Одной из предпосылок этого процесса стали вертикально интегрированные экономические структуры, преодолевшие в своем развитии региональные барьеры.

В начале 90-х годов бизнес переживал стадию самоопределения и становления, в этот период ему приходилось «ходить под» местными властями – тот же М.Б. Ходорковский или О.Б. Дерипаска были вынуждены каждый раз договариваться об условиях ведения своего бизнеса с губернаторами этих регионов, а ино-

гда и мэрами. Формы и условия этих договоренностей на каждой территории были свои. В конце 90-х годов эти структуры уже настолько окрепли, что перестали нуждаться не только в «советах» региональных властей, но и в административной подпорке с их стороны. Они начали тяготиться ролью клиентов региональных властей и уже имели ресурсы для того, чтобы отстаивать свои интересы. Передел собственности к этому периоду уже заканчивался, и для бизнеса, особенно крупного, гораздо проще становилось играть по правилам, установленным в едином центре, чем адаптировать свою деятельность под различные модели, определяемые региональными властями.

Эти факторы стали раскалывать региональную элиту, подрывать основу того регионального абсолютизма, который в полной мере проявил себя именно во второй половине 90-х годов.

Этот период ознаменовался также становлением новых механизмов выдвижения административных и политических элит. В начале 90-х годов, после развала номенклатурной системы, государственной кадровой политики не существовало. В связи с этим губернаторы формировали региональную политическую элиту под себя, из своих сослуживцев, друзей, родственников¹⁴⁴. Но в конце 90-х годов эта практика стала противоречить интересам нарождающихся бизнес-структур. Губернаторам становилось все сложнее манипулировать представителями региональной элиты, теперь с ними нужно было договариваться. Новая региональная элита уже не хотела и не могла слепо повиноваться. У многих ее представителей были другие хозяева, не входящие в губернаторское окружение.

Все это расшатывало позиции «региональных баронов». И поэтому, как только появился реальный противовес в лице активной, прагматичной и предсказуемой центральной власти, большинство представителей региональной экономической и политической элиты стали ориентироваться именно на нее.

В силу этих причин такие партии, как «Единство» и «Отечество», которые изначально создавались как конклав региональных баронов и которые сенсационно выиграли выборы в Государственную Думу 1999 г.¹⁴⁵, вскоре превратились в механизм политической централизации власти или, как говорил в 2016 г.

¹⁴⁴ Обширный материал по этой проблеме был собран и обобщен К. Мацузато. См.: Регионы России: хроника и руководители / под общ. ред. К. Мацузато. – Саппоро: SRC, Hokkaido University, 1997–2003. – Т. 1–8.

¹⁴⁵ В 1999 г. «Единство» набрало 23,3 % голосов, а «Отечество» – 13,3 %, в то время как коммунисты, считавшиеся фаворитами той кампании, получили лишь 24,2 % голосов избирателей.

В.В. Путин, они, объединившись в партию «Единая Россия», стали «точкой новой сборки страны»¹⁴⁶.

В то же время выборы 1999 г. показали, что процесс идеологической идентификации политических партий, по сравнению с 1995 г., существенно продвинулся. В итоге партии-однодневки, набравшие менее 5 % и размывавшие электорат в ходе предыдущих выборов в Государственную Думу, получили гораздо меньше голосов. В предвыборной кампании 1999 г. также участвовало внушительное число партий (28, а на выборах 1995 г. – 47). Однако в совокупности шесть избирательных объединений, преодолевших 5-процентный барьер, собрали 82 % голосов, тогда как четырьмя годами ранее лишь 60 %. Иными словами, в течение этих четырех лет происходило объединение электората вокруг системообразующих политических партий. И выборы 1999 г. в значительной мере ускорили этот процесс (табл. 18).

Таблица 18

Результаты голосования за избирательные объединения на выборах в Государственную Думу РФ в 1995 г. (в %)

Избирательные объединения	Голоса избирателей, поданных за избирательные объединения
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	22,3
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	11,18
«Наш дом – Россия»	10,13
«Яблоко»	6,89
«Женщины России»	4,61
«Коммунисты – Трудовая Россия – За Советский Союз»	4,53
Всего:	59,64

На выборах 1999 г. состав лидирующих избирательных объединений, набравших больше 5% голосов, несколько изменился: кроме

¹⁴⁶ Путин В.В. Выступление на XV съезде партии «Единая Россия». См.: Съезд партии «Единая Россия». Владимир Путин принял участие в XV съезде Всероссийской политической партии «Единая Россия». 27.06.2016 // Kremlin.ru. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52279> (дата обращения: 17.08.2017).

трех «старожилов» КПРФ, ЛДПР и «Яблока» в выборах участвовали возникшие в 1998–1999 г. «Отечество – Вся Россия» (1989), СПС и «Единство» («Медведь») (1999) (табл. 19).

Таблица 19

Результаты голосования за избирательные объединения на выборах в Государственную Думу РФ в 1999 г. (в %)

Избирательные объединения	Голоса избирателей, поданных за избирательные объединения
Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ)	24,29
«Единство» («Медведь»)	23,32
«Отечество — Вся Россия»	13,33
Союз правых сил	8,52
Либерально-демократическая партия России (ЛДПР)	5,98
«Яблоко»	5,93
Всего:	81,37

Еще одним аспектом, значимым для понимания процессов трансформации политического сознания в 90-х годах XX в., стало массовое распространение представлений о тотальной коррупции в органах власти. ВЦИОМ в феврале 1999 г. исследовал мнение россиян о распространенности коррупции в органах власти: в Государственной Думе, в Администрации Президента РФ и в правительстве¹⁴⁷. От 24 до 37 % опрошенных считали, что «практически все чиновники берут взятки и пользуются служебным положением для личного обогащения»: 37 % респондентов были такого мнения о сотрудниках Администрации Президента РФ, 28 % – о депутатах Государственной Думы, 24 % – о членах правительства. От 50 до 70 % опрошенных считали, что «большинство чиновников» – коррупционеры: 71 % были убеждены в коррупционности сотрудников Администрации Президента РФ, 63 % – депутатов Государственной Думы и 49 % – членов правительства. Следовательно, у Администрации Президента РФ была наихудшая в этом плане репутация.

¹⁴⁷ ВЦИОМ: База результатов опросов за 1999 г. // https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda/ (дата обращения: 28.02.2017). Исследование проводилось 28 февраля 1999 г., всего было опрошено 1600 человек.

Можно выделить две группы причин коррупции в нашей стране: универсальные, общемировые и специфические российские. На конференции NISPAcee¹⁴⁸ в Праге в 1998 г. мы выступали с докладом, посвященным коррупции в России¹⁴⁹. В нем были представлены результаты анализа российского кейса в рамках масштабного сравнительного исследования отношения к коррупции граждан Западной и Восточной Европы¹⁵⁰.

Как свидетельствуют результаты исследований, респонденты всех изучаемых стран (Чехии, Словакии, Болгарии, Украины и России)

¹⁴⁸ «Сеть институтов и школ государственного управления в Центральной и Восточной Европе» (The network of institutes and schools of public administration in Central and Eastern Europe – NISPAcee) – организация, объединяющая образовательные учреждения Центральной и Восточной Европы, осуществляющие образовательную деятельность и исследования в области государственного управления, а также подготовку профессионалов, работающих в этой области.

¹⁴⁹ Доклад был частью исследования в рамках проекта TACIS по поддержке административной реформы и внедрению современных стандартов госслужбы в посткоммунистических государствах. Основным методом были панельные фокус-группы по стандартизированному опроснику, единому для всех стран. Совокупная выборка в России составила 402 человека, из 14 регионов страны.

¹⁵⁰ Результаты исследования были обобщены в многочисленных публикациях. См., например: Miller W. L., Koshechkina T.Y., Grodeland A.B. Dealing with officials. A focus group study // NISPAcee News (Network of Institutes and Schools of Public Administration in Central and Eastern Europe). – 1997. – Vol. 4. – № 2. – P. 3–5; Miller W.L., Koshechkina T.Y., Grodeland A.B. How citizens cope with postcommunist officials: evidence from focus group discussions in Ukraine and the Czech Republic // Political Studies. – 1997. – Vol. 45. – № 3. – P. 597–625; Grodeland A.B., Koshechkina T.Y., Miller W.L. Alternative strategies for coping with officials in different postcommunist regimes: the worm's eye view // Public Administration and Development. – 1997. – Vol. 17, № 5. – P. 511–528; Grodeland A.B., Koshechkina T.Y., Miller W.L. Foolish to give and yet more foolish not to take': in-depth interviews with postcommunist citizens on their everyday use of bribes and contacts // Europe-Asia Studies. – 1998. – Vol. 50. – № 4. – P. 13–26; Grodeland A. B., Koshechkina T.Y., Miller W.L. In theory correct, but in practice...: an in-depth study of public attitudes to really existing democracy in Ukraine, Bulgaria, Slovakia and the Czech Republic // Journal of Communist Studies and Transition Politics. – 1998. – Vol. 14. – № 3. – P. 1–23; Grodeland A.B., Koshechkina T.Y., Miller W.L. A person requests, a bureaucrat rejects: an in-depth study of public attitudes towards officials in Ukraine, Bulgaria, Slovakia and the Czech Republic // Professionalisation of Public Servants in CEE: Proceedings of 5th Annual NISPAcee Conference. Ed Jak Jabes. – Bratislava: NISPAcee, 1998. – 327 p.; Miller W.L., Koshechkina T.Y., Grodeland A.B. Bureaucratic encounters in postcommunist regimes: evidence from 26 focus groups in the former Soviet Union and East Central Europe // Bribery and Corruption in Russia: ed. by Stephen Lovell, Alena Ledeneva and Andrei Rogachevskii. – L.: Macmillan, 1998. – 372 p.; Miller W.L., Koshechkina T.Y., Grodeland A.B. Victims or accomplices: the people and bribery in Eastern Europe. Discussion Paper Series: ed. Bohdan Krawchenko // Local Government and Public Service Reform Initiative. – Kiev; Budapest: Academy of Public Administration, 1998. – 278 p.

оценивали коррупцию чиновников как серьезную проблему и как национальный позор¹⁵¹. Во всех государствах подавляющее большинство опрошенных, говоря о коррупции, имели в виду коррупцию среди высших государственных чиновников или, по крайней мере, коррупцию среди бизнес-элиты. При этом мы фокусировали внимание респондентов на следующих вопросах – с какими из четырех проблем во взаимоотношениях с чиновниками им приходилось «наиболее часто» сталкиваться и что вызывало «наибольшее раздражение»: вымогательство взяток и подарков со стороны чиновников (собственно коррупция); их некомпетентность; лень; отсутствие необходимой информации о деятельности чиновников.

Как показали результаты исследования, респонденты всех стран (кроме Украины) чаще всего в качестве основной проблемы во взаимодействии с чиновниками называли отсутствие информации об их деятельности: об этом говорили от трети (35 %, Болгария) до половины (48 %, Чехия) опрошенных (табл. 20). На втором месте во всех странах была проблема некомпетентности чиновников: об этом говорили от 26 % респондентов в России до 37 % – на Украине. А вот далее оценки респондентов разных стран разделились. Опрошенные жители Чехии, Словакии и Болгарии на третье место поставили проблему лени чиновников (от 14 % в Словакии до 20 % в Болгарии). О проблеме вымогательства со стороны чиновников говорили от 4 % (Чехия) до 10 % (Болгария) респондентов. А вот для граждан России и Украины актуальность этих двух проблем оказалась практически идентичной: так 18 и 17 % опрошенных россиян отметили лень и вымогательство со стороны чиновников в качестве актуальных проблем, о том же говорили 20 и 21 % респондентов с Украины.

При анализе политических ориентаций респондентов был выявлен один парадоксальный факт – если в странах Восточной Европы подавляющее большинство опрошенных подчеркивало, что отношение политиков и партий к коррупции оказывало влияние на их электоральный выбор, то в России, впрочем, как и на Украине, этому фактору избиратели были склонны придавать гораздо меньшее значение. Объяснение, скорее всего, заключается в том, что накопилась усталость общества от бесконечной череды коррупционных скандалов, а также в низкой степени структурирования политики на Украине и в России (низкий уровень партийной идентификации, высокий уровень апатии и т. д.). Широта распространённости пред-

¹⁵¹ Это возмущение необязательно является реальным показателем остроты проблемы, как часто склонны трактовать эксперты Transparency International, ведь даже единичные проявления коррупции могут оцениваться таким образом.

ставления «берут все» не только углубляла отчуждение граждан от политики, но и обеспечивала лидерам высокую степень защиты от гнева сограждан (табл. 21).

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос: «Что у Вас вызывает наибольшее возмущение в деятельности чиновников?» респондентов стран Западной и Восточной Европы (в % к числу опрошенных)

Проблемы во взаимодействии с чиновниками	Чехия	Словакия	Болгария	Украина	Россия
Вымогательство со стороны чиновников взяток и подарков	4	6	10	21	17
Некомпетентность чиновников	33	35	35	37	26
Лень чиновников	16	14	20	20	18
Отсутствие необходимой информации о деятельности чиновников	48	45	35	23	39

Таблица 21

Динамика ответов на вопрос: «Когда Вы принимаете решение, за кого голосовать, в какой мере влияет на Ваш выбор позиция кандидатов и партий по отношению к коррупции?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	Чехия	Словакия	Болгария	Украина	Россия
Очень сильно	43	31	44	21	18
В какой-то мере	34	45	30	30	29
Очень незначительно	16	15	11	14	24
Не влияет	8	10	15	35	29

В центре внимания нашего исследования также находилась низовая коррупция, с которой граждане сталкивались непосредственно. Их возмущение низовой коррупцией, на уровне рядовых государственных служащих, было выражено менее ярко, чем коррупцией в верхах. В среднем типичной для всех стран, в которых проводилось исследование, являлась ситуация, когда примерно четверть опрошенных больше возмущала низовая коррупция, тогда как две трети – коррупция высших государственных лиц.

Рассматривая мнение респондентов о причинах коррупции, мы получили неожиданные результаты. Оказалось, что чувство бессилия перед коррупцией, ощущение невозможности повлиять на ситуацию наиболее широко было распространено в Чехии и Словакии, тогда как на Украине и в России – гораздо в меньшей степени. Граждане Украины и России связывали распространение коррупции не с имманентными культурными традициями, а с ситуативным контекстом, т. е. считали коррупцию временным явлением, обусловленным переходным периодом (табл. 22).

Таблица 22

Распределение ответов на вопрос «Какое высказывание о причинах различных форм коррупции (использование денег, подарков, услуг, связей) в большей степени отражает Вашу точку зрения? – в зависимости от страны проживания респондентов (в % к числу опрошенных)»

Различные формы коррупции (использование денег, подарков, услуг, личных связей) являются...	Чехия	Словакия	Болгария	Украина	Россия
наследием коммунистического прошлого	23	23	17	23	7
проявлением морального кризиса, связанного с переходным периодом	31	30	49	62	66
неотъемлемой частью нашей национальной культуры	46	47	34	16	27

В 1998 г. российское и украинское общество еще не воспринимало коррупцию как неотъемлемую часть национальной культуры, хотя, по оценкам граждан, коррупция здесь была распространена в наибольшей степени. Люди верили, что их национальные правительства в состоянии радикально сократить уровень коррупции в стране, но не видели реальных попыток изменить ситуацию.

Также значимой характеристикой общественного сознания конца 90-х годов было существенное изменение к проводимым ре-

формам, что продемонстрировало исследование, проведенное нами в июне 1998 г., сразу после отставки правительства Е.М. Примакова. Абсолютное большинство респондентов высказалось тогда за продолжение реформ, но с их существенными коррективами. За возврат к госплановской системе выступило около 20 % опрошенных. В то же время курс радикальных гайдаровских реформ поддерживали еще меньше избирателей – в целом по стране лишь 10,2 %. В зависимости от территории проживания респондентов поддержка этих альтернатив выглядела следующим образом (рис. 32).

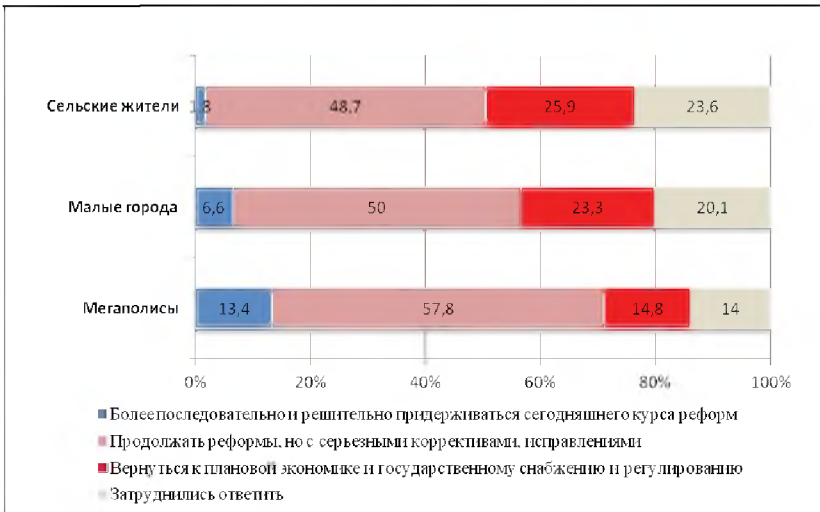

Рис. 32. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, следует сделать, чтобы улучшить ситуацию в стране?» среди респондентов, проживающих на различных территориях (в % к числу опрошенных)

При этом, как и в начале 90-х годов, наиболее существенные различия в ориентациях демонстрировали респонденты разных возрастных групп, т. е. возрастной фактор по-прежнему оставался значимым. Чем старше был возраст респондентов, тем с большей готовностью они поддерживали курс на возврат к административно-командной системе, и наоборот, чем моложе были опрошенные, тем более решительно они выступали за продолжение и углубление реформ. Однако в целом обе эти позиции находились на периферии общественного сознания, а доминирующей была ориентация на продолжение курса реформ при условии внесения в них существенных корректив и исправлений (рис. 33).

Оценивая в общем структуру массового политического сознания конца 90-х годов, следует отметить, что демократический идеологический концепт по-прежнему сохранял доминирующие позиции. Весной 1998 г. идеологические предпочтения 34,6 % граждан страны можно было идентифицировать как социал-демократические. Идеи либерально-демократических реформ были идеологически привлекательны для 30,2 % населения, и почти столько же (28,5 %) мечтали о возрождении социалистической системы общественного устройства (рис. 34).

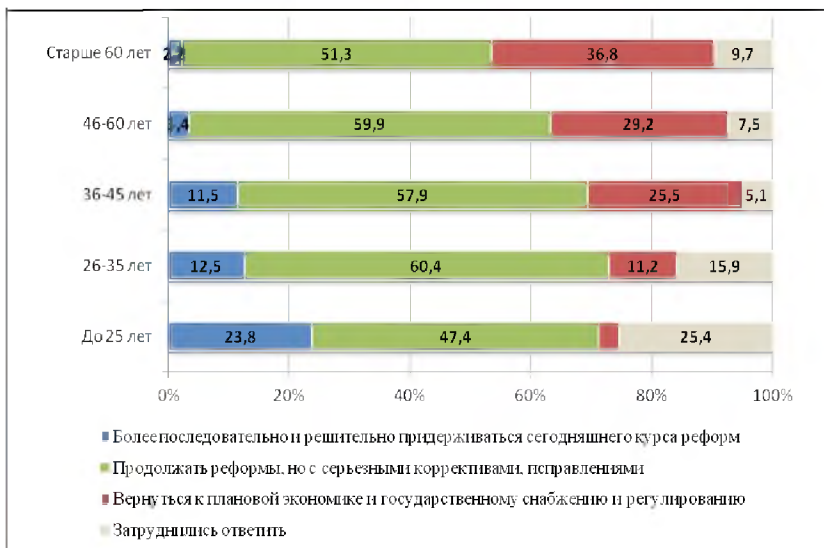

Рис. 33. Распределение ответов на вопрос: «Что, по Вашему мнению, следует сделать, чтобы улучшить ситуацию в стране?» (в % к числу опрошенных)

Однако за десятилетие шоковых реформ, осуществляемых «демократами», массовое общественное сознание стало значительно менее демократичным и в то же время более либеральным, чем в 1990 г. (рис. 35).

Вместе с тем идеологические ориентации регионального партийного актива партий власти в основном концентрировались в двух секторах. 45,5 % представителей этой группы в идеологическом отношении были вполне советскими людьми и разделяли тоталитарные идеологические ориентации. Они исповедовали этатистские подходы в понимании роли государства в общественной жизни и негативно воспринимали демократи-

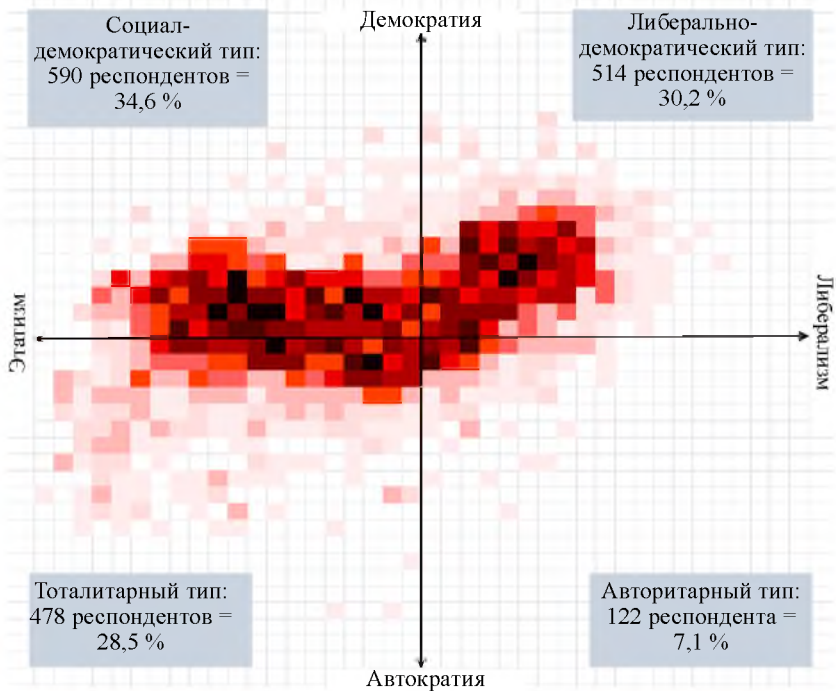

Рис. 34. Нормативно-идеологические ориентации населения (1998)

ческие институты политического устройства. Однако и для них это десятилетие не прошло бесследно, в ответах большинства респондентов содержались внутренние смысловые противоречия, и общая тоталитарная ориентированность их идеологических позиций была существенно смикширована. И второй основной кластер нормативно-идеологических ориентаций регионального партийного актива был по своей сути авторитарным, то есть автократически-либеральным (рис. 36).

Следует отметить, что в сравнении с идейно-политическими взглядами партийной номенклатуры КПСС времен распада советской системы нормативно-идеологические воззрения партфункционеров конца 90-х годов были существенно более либеральными и менее демократическими. В их идеологическом позиционировании практически отсутствовал социал-демократический сегмент. В этом отношении актив партий власти стал более гомогенным в идеологическом плане, хотя и здесь, как и в 90-х годах, нельзя

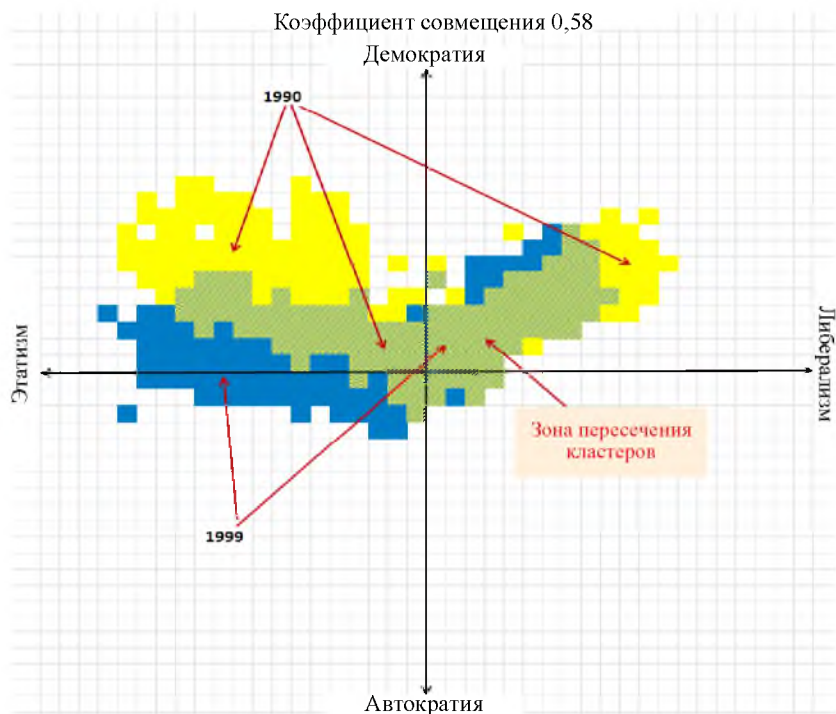

Рис. 35. Изменение структуры кластеров нормативно-идеологических ориентаций населения (1990–1998)

говорить о наличии какой-то консолидированной идеологической позиции (рис. 37).

Но еще более важным обстоятельством было отсутствие единой идеологической идентичности партийного аппарата и населения. Совпадение кластеров идеологических ориентаций у партийных функционеров регионального уровня и рядовых граждан в конце 90-х годов составляло лишь 32 %. Это, конечно, чуть выше, чем у партийной номенклатуры образца 1990 г. (тогда коэффициент совпадения этих пространств составлял лишь 26 %), но все равно критически недостаточно для того, чтобы успешно выполнять важнейшие функции, присущие любой «партии власти», – функции политической мобилизации и обеспечения лояльной позиции общества к партийной политике. По существу, идеологическое размежевание конца 90-х годов, так же как и в конце 80-х, можно характеризовать как глубокий идеологический раскол общества и партийного аппарата. При этом ни одна из партий не покрывала своим идеологи-

ческим «зонтиком» ни большую часть избирателей, ни партийного аппарата (рис. 38).

При этом статусно-аксиологические установки значительной части населения в целом оставались в границах представлений, сформированных в рамках старой административно-командной системы. Иными словами, по своим ценностным характеристикам и стереотипным формам восприятия государства и политической реальности они оставались в целом в рамках коммунистической парадигмы (рис. 39).

Годы шоковых реформ существенным образом преобразовали политический и экономический ландшафт России. Но ментальность значительной части населения за этот период изменилась не столь радикальным образом. Конечно, за годы рыночных реформ происходило определенное проникновение системы либеральных ценностей в массовое политическое сознание (и доля респондентов, склоняющихся к либерально-демократическому вектору аксиологических ориентаций, за эти годы выросла с 16,2 до 25,2 %),

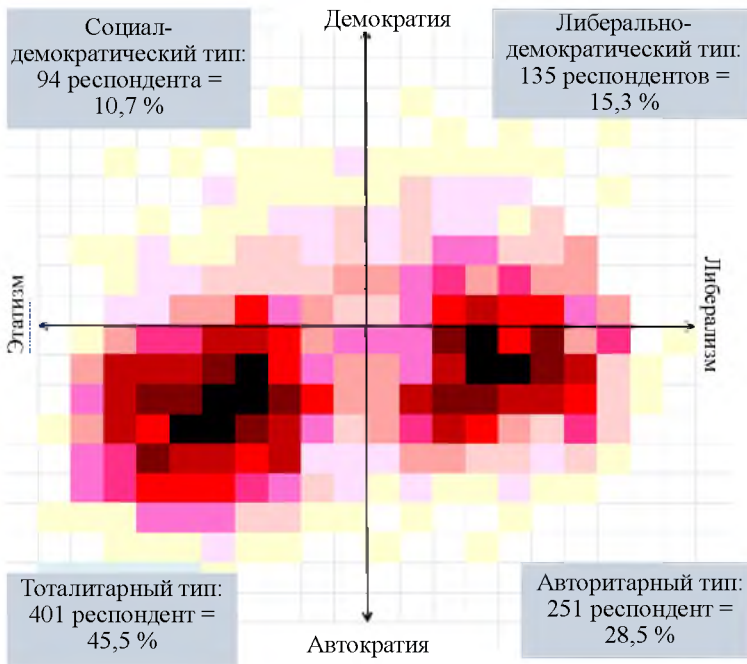

Рис. 36. Нормативно-идеологические ориентации партаппарата (1998)

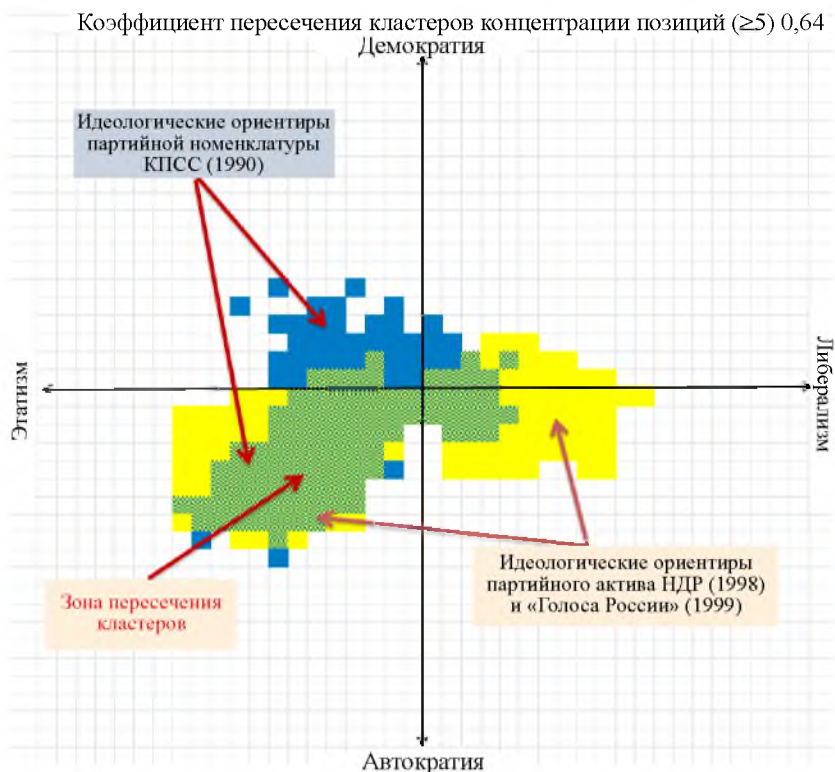

Рис. 37. Сравнение структуры нормативно-идеологических ориентаций партийной номенклатуры партий власти КПСС (1990) и НДР (1998)

и примерно на столько же сократилась доля ориентированных на коммунистическую систему представлений. Но и в конце 90-х годов уравнилельно-авторитарная, этатистская система общественных отношений воспринималась большинством населения как естественное состояние взаимодействия государства и общества. В целом за эти годы структура статусно-аксиологических ориентаций населения изменилась лишь на 19 % (рис. 40).

Вместе с радикальным изменением институциональной и партийной структуры общества, когда появилось множество партий с совершенно иной идеологией, чем у КПСС, логично было бы предположить, что в партийный аппарат новой власти будут входить люди с либерально-демократическим складом политического сознания. Однако полученная нами картина распределений

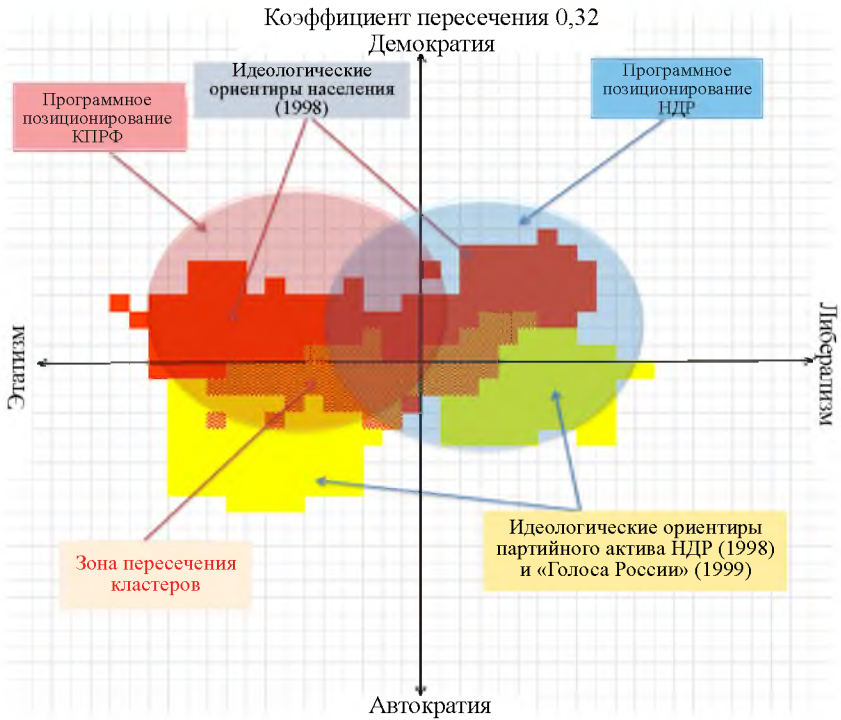

Рис. 38. Пересечение кластеров нормативно-идеологических ориентаций населения и партийной номенклатуры НДР и ВР (1998–1999)

ценностных установок сотрудников партийного аппарата НДР и «Голоса России» имела совсем иную структуру (рис. 41).

Как видно на рис. 41, партаппарат разделился на две примерно равные группы, соответствующие двум поколениям. Первая группа была представлена выходцами из партийной номенклатуры советского периода, которые сохранили характерные для того периода ценностные ориентации. Вторая группа в аксиологическом плане была очень близка к «комсомольцам 80-х», т. е. полностью разделяла либерально-рыночные подходы к дилемме «государство – личность», но при этом была абсолютно недемократичной по своему мировоззрению, установкам и личному жизненному опыту. Доля этой группы в общей массе партийного аппарата (рис. 42) была почти вдвое выше, чем в составе партийной номенклатуры КПСС, однако в целом система ценностных установок этих групп была очень близка по

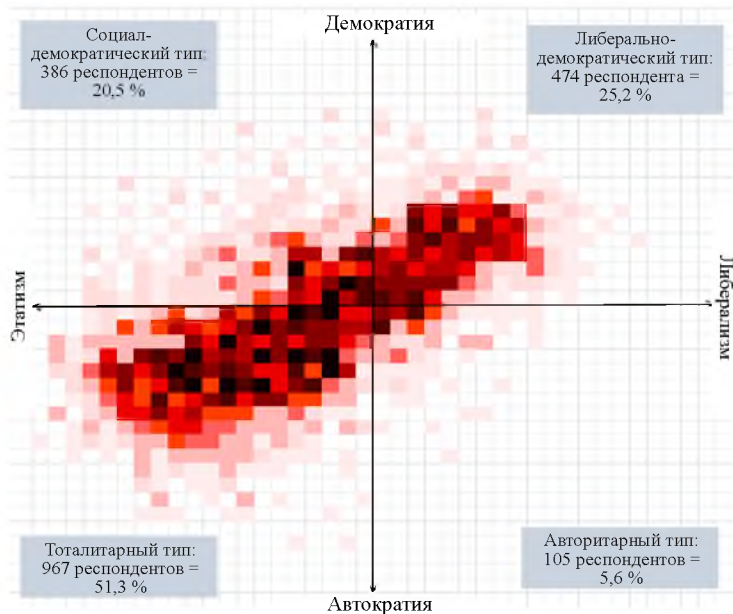

Рис. 39. Статусно-аксиологические ориентации населения (1998)

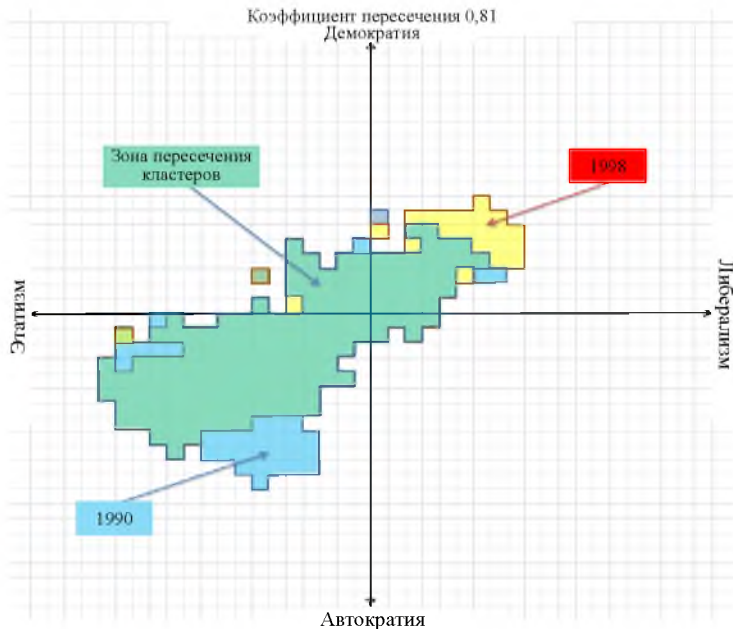

Рис. 40. Эволюция статусно-аксиологических ориентаций населения (1990–1998)

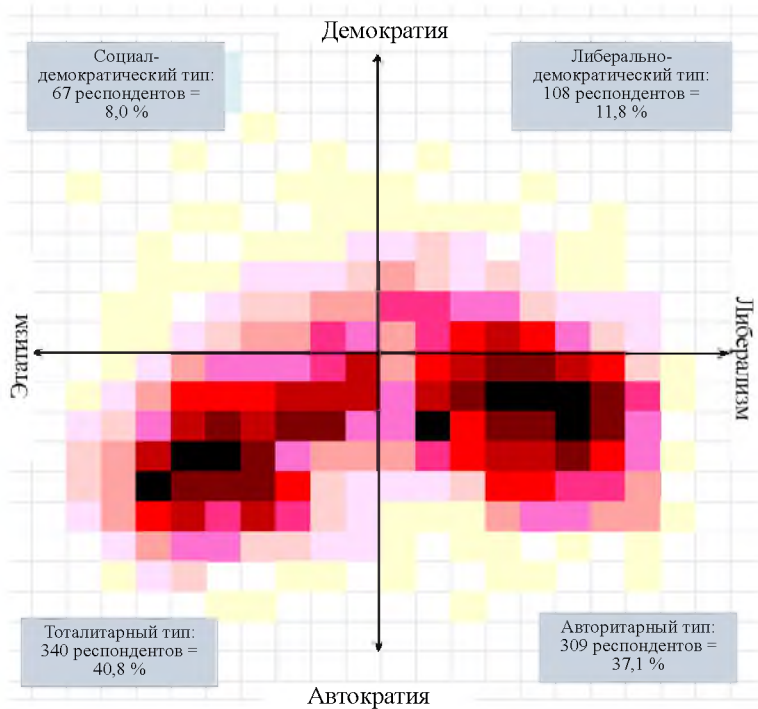

Рис. 41. Статусно-аксиологические ориентации партаппарата (партноменклатуры) НДР (1998) и «Голоса России» (1998)

своей структуре. Коэффициент совпадения кластеров их статусно-аксиологических ориентаций составлял 84 %. Именно поэтому слова В.С. Черномырдина о том, что «какую бы партию мы ни создавали, все равно получается КПСС», следует оценивать не как парадоксальную фигуру речи, а как констатацию состояния политической культуры российского общества конца 90-х годов.

Для этого периода также было характерно воспроизводство не только идеологического, но и ценностного конфликта между населением и аппаратом партий власти. По своему мировоззрению гражданское общество России конца 90-х годов было существенно более демократичным и менее либерально-рыночным, чем партийный аппарат. Структура кластеров индивидуального аксиологического позиционирования представителей этих двух социальных общностей имела коэффициент пересечения 52 % (рис. 42).

Обращает на себя внимание также тот факт, что в конце 90-х годов ни партии власти (НДР, «Голос России»), ни самая крупная

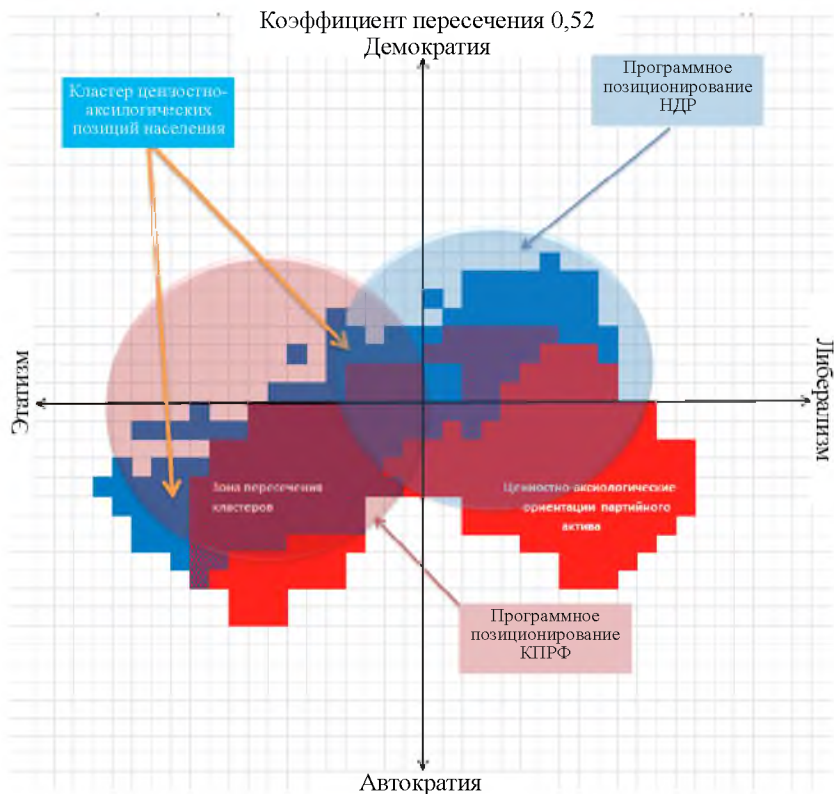

Рис. 42. Пересечение кластеров статусно-аксиологических ориентаций населения и партноменклатуры НДР и ВР (1998–1999)

партия системной оппозиции (КПРФ) не предлагали обществу идеологию, которая была бы способна объединить большинство. И дело здесь не в недостатке креативности партийных идеологов или их непонимании запросов общества. В тот момент такое объединение было невозможно, прежде всего, в силу глубокого ценностного раскола как на уровне общества, так и внутри самого партийного аппарата.

ГЛАВА 4

Консолидация массового политического сознания в начале XXI века

В начале 2000-х годов, когда Президентом России стал В.В. Путин, российское общество находилось в состоянии глубокого ментального кризиса, который накладывался на кризис в сфере экономики, государственного строительства и т. д.

В социально-экономической сфере доминировали тенденции, оформившиеся в начале 90-х годов и подкрепленные кризисом 1998 г.: снижение производительности в промышленности, сокращение количества инвестиций в экономику страны, рост внешнего долга и как следствие в социальной сфере – снижение уровня жизни россиян, сокращение их покупательной способности, рост инфляции, безработица, увеличение удельного веса группы бедных в социальной структуре общества¹⁵². Как отмечали Т. Богомолова и В. Тапилина, анализируя социально-экономическую ситуацию того периода, «на фоне традиционной бедности неполных и многодетных семей, инвалидов и престарелых сформировался новый слой – работающих бедных, которые не могут обеспечить себе социально приемлемый уровень благосостояния из-за низкой заработной платы и хронических задержек ее выплаты»¹⁵³. По данным Всероссийского

¹⁵² Существует большой пласт работ по этой теме. См., например: Воеводина Н.А., Дусенбаев А.А. Экономическая история России. М.: Юстицинформ, 2010. – 190 с.; Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки 1993–2000. – М.: Наука, 2000. – С. 158–174; Дубин Б. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – 408 с.; Лапин Н.И. Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. – 2000. – Т. 9. – № 3. – С. 3–47; Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. – М.: Весь Мир, 2011. – 328 с.; Десяностые — годы испытаний и надежд: круглый стол памяти первого Президента России Б.Н. Ельцина. 12.03.2014 // Сайт фонда «Либеральная миссия». – URL: <http://www.liberal.ru/articles/6423> (дата обращения: 06.04.2017); Травин Д. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999. – СПб.: Норма, 2010. – 368 с.; Григорьев Л.М. Хронология реформ. Экономические реформы конца XX в.: опыт и уроки новейшей истории // Мир России. Социология. Этнология. – 2012. – Т. 21. – № 1. – С. 11–23 и др.

¹⁵³ Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С. Миграция бедности: масштабы, воспроизводство, социальный спектр // Социс. – 2004. – № 12. – С. 20.

центра уровня жизни, в России в 1999 г. 54,2 % работников получали заработную плату ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения¹⁵⁴.

Демографическая ситуация отражала социально-экономические тенденции того периода. Журналист Александр Лаца, специалист в сфере социальной демографии, писал, что к концу 90-х годов «в результате развала российской экономики здоровье населения значительно ухудшилось, а средняя продолжительность жизни сократилась. Чрезмерное потребление алкоголя, ... рост числа самоубийств, увеличение потребления наркотиков и распространение заболеваний, включая СПИД, привели к взрывному росту смертности. ... Все это привело к беспрецедентному демографическому кризису»¹⁵⁵. По данным Росстата, убыль населения в 2000 г. составляла 958,5 тыс. чел. (или 6,6 на тысячу человек)¹⁵⁶.

Как мы уже отмечали, состояние политической сферы также можно было охарактеризовать как кризисное, т. к. многие политические институты или практически перестали работать, или работали крайне неэффективно: так в административно-управленческой системе сильное влияние на процесс принятия решений оказывали лоббистские структуры, а также экономические элиты – олигархат. Однако самая серьезная ситуация наблюдалась в федеративных отношениях: центробежные процессы, начавшиеся в стране в конце 80-х годов, в конце 90-х привели к реальной опасности дезинтеграции и распада страны. В этот период, как отмечал Н. Петров, «баланс сил между уровнями власти значительно изменился в пользу регионов, где центральным политическим актором стала гипертрофированная исполнительная власть, возглавляемая единоличным лидером»¹⁵⁷. Специалист в области региональных исследований И. Жуков, оценивая это явление, писал: «Регионализация проявлялась в том числе в усилении зависимости граждан от региональной

¹⁵⁴ Всероссийский центр уровня жизни // Мониторинг доходов и уровня жизни населения. – 2000. – № 3. – С. 5.

¹⁵⁵ Лаца А. Российская демография с 1991 по 2012 годы // URL: <http://alexandrelatsa.ru/> / 2012/02/%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%8F-%D1%81-1991-%D0%BF%D0%BE-2012/ (дата обращения: 03.07.2017).

¹⁵⁶ Федеральная служба государственной статистики. Рождаемость, смертность и естественный прирост. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 21.04.2018).

¹⁵⁷ Петров Н. Отношения «Центр – регионы» и перспективы территориально-государственного переустройства страны. Регионы России в 1998 г.: Ежегодное приложение к «Политическому альманаху России» / под ред. Н. Петрова. – М.: Гендальф, 1999. – С. 137.

власти наряду с ослаблением связи с властью общенациональной»¹⁵⁸. В 2004 г., вспоминая тот период, В. Путин заявил, что в субъектах федерации царил произвол, а власть в регионах находилась в руках местных элит, часто неподконтрольных центру¹⁵⁹.

Единое информационное пространство страны было расколото на отдельные и слабо связанные между собой сегменты. К середине 90-х годов крупные СМИ, оказывавшие наибольшее влияние на общество и общественное мнение, оказались в руках крупных медиахолдингов¹⁶⁰. Хотя государство и обладало контрольным пакетом акций в крупнейших телекомпаниях страны, однако фактически не имело механизмов влияния на их информационную политику. На практике содержание передач и публикаций в СМИ определялось корпоративными интересами. В результате социальные нити, связывающие общество в одно целое, становились все более и более призрачными. Наглядным примером такой узурпации большого сегмента информационного пространства стала ситуация 1999 г., когда на первом государственном телеканале команда журналистов во главе с С.В. Доренко, которых нередко называли политкиллерами, по заказу Б.А. Березовского начала кампанию по дискредитации премьер-министра Е.М. Примакова, заявившего о необходимости исключения из состава Совета Безопасности России лиц, имеющих двойное гражданство, а также о необходимости борьбы с коррупцией на самом высоком уровне.

Во внешнем мире на протяжении десятилетия ельцинских реформ сформировался имидж России как коррумпированного государства, являющегося постоянным источником тревожных

¹⁵⁸ Жуков И.К. Регионализация как объективный «вызов» российской политической системе // Политэксп. – 2010. – № 4. – С. 152.

¹⁵⁹ Выступление Владимира Путина перед доверенными лицами. 12 февраля 2004 г., Москва, университет им. М.В. Ломоносова. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22393> (дата обращения: 27.08.2017).

¹⁶⁰ Среди этих холдингов крупнейшими были масс-медиа, контролируемые Б. Березовским, группа «Мост-Медиа» В. Гусинского, группа СМИ Ю. Лужкова, «Газпром-медиа». В руках медиамагната Б. Березовского были сосредоточены большие пакеты акций первого и шестого телеканалов, т. е. ОРТ (16 %) и ТВ-6 (26 %, а к 1998 году 37 %). В тот период ТВ-6 проводило активную экспансию на региональном телерынке, стремительно расширяя свою зону вещания. Кроме телеканалов Б. Березовский контролировал «Независимую газету», «Новые Известия» и журнал «Огонек» и т. д.

В холдинг «Мост-Медиа» входили телекомпания «НТВ», радиостанция «Эхо Москвы» и издательство «Семь дней», ежемесячник «Караван историй» и еженедельный журнал «Итоги», который выходил в сотрудничестве с «Ньюсуком». Кроме того, в группу Гусинского входил спутниковый телепроект «НТВ+».

Холдинг Ю. Лужкова был ориентирован на региональную сферу и также обладал огромными возможностями информационного влияния.

новостей. Сами россияне жителями других государств стали восприниматься как «русская мафия», не признающая никаких моральных и правовых ограничений. В результате «медовый месяц» влюбленности в Россию окончился ничем. Серьезные международные инвесторы, несмотря на гигантские богатства России, обходили ее стороной, а акции российских компаний оставались катастрофически недооцененными на мировых фондовых рынках.

В результате ни одно из семи ельцинских правительств так и не решилось на реформы, анонсированные в самом начале 90-х годов, опасаясь резко негативной общественной реакции и реставрации старой тоталитарной системы.

Таким образом, общество в тот период оказалось идеологически и аксиологически дезориентированным перед лицом глобальных и внутренних вызовов. Психологическое состояние россиян, особенно в провинции, можно было охарактеризовать как глубокую фрустрацию, перманентный морально-психологический стресс. Постоянное ожидание катастрофы стало фактором, провоцирующим социальные катаклизмы. И как уже отмечалось, распространению этих настроений активно способствовали некоторые российские СМИ.

В этих условиях одним из первых шагов В.В. Путина по консолидации российского общества стало принятие Доктрины информационной безопасности. Указ был подписан Президентом РФ менее чем через полгода после избрания – 9 сентября 2000 г.¹⁶¹

Многие наблюдатели как в России, так и за рубежом интерпретировали стремление В.В. Путина установить контроль над основными телеканалами страны и начать активную государственную информационную политику как отход от демократических принципов, скатывание в «болото авторитаризма»¹⁶². Именно в таких тонах освещались эти события на телеканалах НТВ и ТВ-6. Безусловно, доля правды в таких высказываниях присутствовала. Реализация проекта

¹⁶¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ от 9 сентября 2000 г. № Пр-1895) // Независимая газета. – 2000. – 15 сент. – URL: http://www.ng.ru/politics/2000-09-15/0_infodocctrine.html (дата обращения: 03.11.2016).

¹⁶² См., например: Ясин Е. Приживется ли демократия в России? М.: Новое издательство, 2006. – 864 с.; Зимин А.Е. Взаимодействие государственной власти и средств массовой информации в современной России: дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2005. – 193 с.; Dougherty J. How the Media Became One of Putin's Most Powerful Weapons After decades of wielding Soviet-style hard power, Russia is developing a subtler form of influence // The Atlantic. 15.08.2015. – URL: [137 _____](https://www.theatlantic.com/world (mode of access: 18.02.2016); Freedom house: рейтинг свободы слова СМИ в странах мира 2010 г. // Freedom house. – 2010. – URL: http://gtmarket.ru/news/state/2010/04/30/2553 (mode of access: 26.03.2016) и др.</p></div><div data-bbox=)

«о введении единомыслия в России»¹⁶³ всегда была одной из вождельных целей российской бюрократии.

Однако было бы неправильно сводить всю государственную информационную политику лишь к желанию покомандовать средствами массовой информации. Проблема была глубже. Реализация большинства программ государственного развития в стране была невозможна без активного участия населения и институтов гражданского общества в этих процессах. Если введение новых социальных, экономических и правовых институций не сопровождается активной информационной кампанией об их целях, задачах и эффективности, то они либо отвергаются обществом, либо трансформируются в свою противоположность.

Как показывают результаты социологических исследований, общественное сознание россиян устало от потока негативной информации, ежедневно обрушивающегося на них с экранов телевизоров, страниц газет и журналов на протяжении 90-х годов XX в. Данные мониторинга СМИ, проводимого управлением информационной политики администрации Самарской области в 2003 г., свидетельствуют, что среди информации, транслируемой пятью крупнейшими российскими СМИ того периода (ТВЦ, ТВС, НТВ, РТР, ОРТ), объем негативной информации составлял около 50 % от всего вещания, тогда как позитивной – только около 10 % (рис. 43).

Однако доминирование негативной повестки в информационном вещании, бесконечное муссирование плохих новостей, любо-

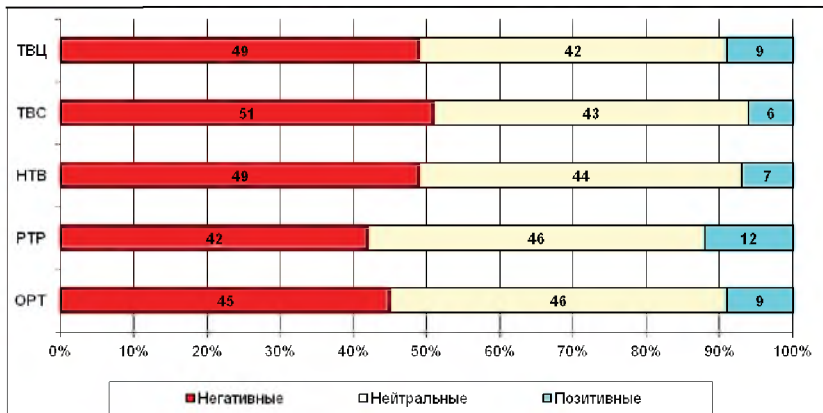

Рис. 43. Тональность сюжетов информационных передач телеканалов (январь—апрель 2003 г.)

¹⁶³ Прутков К. Плоды раздумья. Мысли и афоризмы. – М.: Худож. лит., 1990. – 320 с.

вание собственным уничтожением воспринималось обществом в начале 2000-х годов несколько иначе, чем 10 лет назад.

Негативная повестка подрывала доверие к государственным и общественным институтам, а также сказывалась на отношении к самим средствам массовой информации. В 2003 г. СМИ по степени доверия уступали таким государственным и общественным институтам, как президент, правительство, армия, церковь, органы госбезопасности, хотя еще в середине 90-х годов они обладали самым высоким уровнем общественного доверия, с которым могла соперничать только церковь (рис. 44).

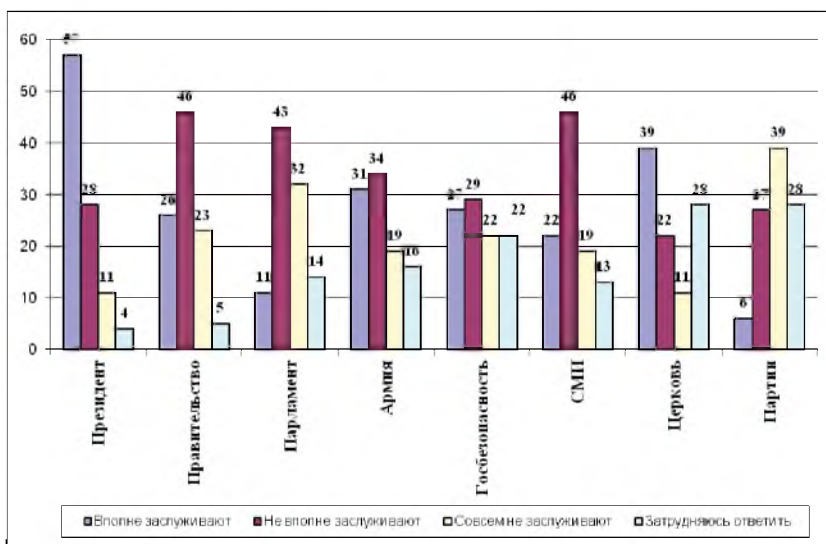

Рис. 44. Уровень доверия к политическим и общественным институтам (май 2003 г.) (в % к числу опрошенных)¹⁶⁴

Данные региональных исследований, проводимых в эти годы Самарским государственным университетом, свидетельствовали, что сообщениям центральной прессы доверяли лишь 44,7 % жителей области, тогда как областной прессе – 52,4 %, а местным изданиям – 65,3 %.

В этих условиях даже предметная и конструктивная критика власти со стороны общественных структур и журналистов не достигала своей цели, поскольку значительная часть общества не доверя-

¹⁶⁴ По данным ВЦИОМа. См.: Петухов В.В. Общественная и политическая активность россиян: характер и основные тенденции // Мониторинг общественного мнения. – 2003. – № 5–6 (67–68). – С. 4–13.

ла СМИ и их повестке. Например, если в начале 90-х годов обвинение политика в коррупции было убийственным для его карьеры, то в начале 2000-х на эти обвинения не обращали внимания ни сами политики, ни избиратели.

Другими словами, фактически СМИ из средств массовой коммуникации превратились в средство разобщения людей, инструмент атомизации социальной структуры, где преобладающими настроениями стали политический цинизм, недоверие и апатия.

СМИ постепенно стали восприниматься большинством людей не в качестве средства получения достоверной и убедительной информации о событиях общественно-политической жизни, а инструментом развлечения: развлекательная функция СМИ стала доминировать над информационной. Об этом свидетельствовали сравнительные данные о предпочтениях телеаудитории в 1996 и 2002 гг. (рис. 45).

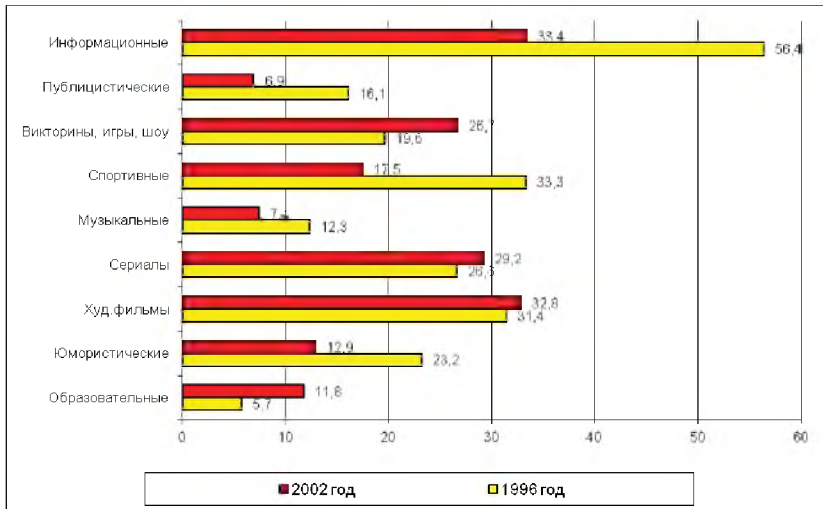

Рис. 45. Распределение ответов на вопрос: «Какие передачи ТВ Вы предпочитаете смотреть?»¹⁶⁵ (в % к числу опрошенных)

Соответственно, снизились рейтинги основных общественно-политических телевизионных каналов и, наоборот, возросли развлекательных. Причем показательная динамика отмечается даже в течение небольшого периода времени, с 2002 по 2003 гг. (табл. 23).

¹⁶⁵ Материалы представлены Самарским фондом социальных технологий. Исследование проводилось в Самарской области. N – 1200.

Таблица 23

Динамика численности зрительской аудитории основных российских телевизионных каналов в течение 2002–2003 гг.¹⁶⁶
(в % от совокупной зрительской аудитории)

Россия	2002, I кв.	2002, II кв.	2002, III кв.	2002, IV кв.	2003, I кв.
Первый канал	42,3	41,7	38,5	40,7	38,1
Россия	22,5	21,8	21,5	21,0	19,6
НТВ	12,8	13,7	13,8	12,0	12,8
СТС	6,6	7,0	7,5	7,6	8,7
ТНТ	3,4	3,2	3,7	3,7	4,8
РЕН-ТВ	4,3	3,8	4,0	3,9	3,7
ТВС	-	-	2,4	3,2	3,6
ТВЦ	2,1	2,1	1,9	2,1	2,4
Культура	1,4	1,4	1,6	1,5	1,8
МУЗ-ТВ	1,2	1,4	1,6	1,7	1,9
MTV	1,5	1,6	1,6	1,8	2,1
ТВ 3	0,9	0,9	1,1	1,1	1,2
7 ТВ	0,2	0,6	0,6	0,7	1,1
ДТВ	0,1	0,3	0,3	0,3	0,4
Рамблер	0,5	0,3	0,1	0,1	0,3
АРТ	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

В этой ситуации все еще достаточно высокие рейтинги телеканалов объяснялись неразвитостью инфраструктуры развлечений в России.

Падение влияния СМИ общественно-политической направленности становится еще более очевидным при сопоставлении тиражей печатных изданий в 1990 г. и в начале 2000-х. Так, в Самарской области, которая во многих отношениях является типичной для России, тиражи основных общественно-политических изданий сократились в следующих пропорциях (табл. 24).

Также сократились тиражи областных изданий, хотя и в меньшей степени (табл. 25).

Кроме того, в 2000–2002 гг. прекратили выпуск еще две ежедневные газеты («Будни» и «Числа»), у которых в середине 90-х годов тиражи были более 50 тыс. экземпляров.

¹⁶⁶ По материалам мониторинга зрительской аудитории, проводимого социологическим центром КОМКОН-2.

Таблица 24

Динамика тиражей основных общественно-политических изданий Самарской области в 1990 и 2002 гг.

№ п/п	Название издания	Тираж	
		1990 г.	2002 г. (второе полугодие)
1	Аргументы и факты	220 000	15 294
2	Известия	32 000	1 073
3	Комсомольская правда	137 000	16 657
4	Российская газета	34 700	4 755
5	Труд	51 000	3362
7	Сельская жизнь	36 400	843

Таблица 25

Распространяемые тиражи областных общественно-политических изданий в Самарском регионе в 1990 и 2002 гг.

№ п/п	Название издания	Распространяемый тираж	
		1990 г.	2002 г. (второе полугодие)
1	Волжская коммуна	72 000	21 641
2	Самарские известия	84 000	27450
3	Самарская газета	58 000	14 238
4	Волжская заря	46 200	12 728

В наименьшей степени сокращение тиражей коснулось районных газет, более того, количество этих изданий выросло на 5 позиций с 1997 по 2002 гг. (с 29 до 34). В период с 1990 по 2000 гг. их совокупный тираж сократился с 327 до 169 тыс. экземпляров, однако во втором полугодии 2002 г. он составил уже 196 тыс., увеличившись на 27 тыс.

Данный факт – укрепление позиций городских и районных газет в сравнении с федеральными изданиями – выглядит, на первый взгляд, парадоксальным, ведь уровень журналистики в столичных и местных изданиях был несопоставимым. Однако объяснение заключается в том, что за эти годы произошла локализация общественного сознания, интересы рядового гражданина замкнулись на своем городе, районе. К тому же в местных изданиях практически не было негативной информации, от которой люди просто устали.

Таким образом, в России в начале 2000-х годов, очевидно, ощущался дефицит позитивной повестки, ориентированной не на разрушение старых ценностей, а на созидание новых. Однако этот дефицит пока не находил своей реализации. Сублимированным вы-

ражением этой потребности являлся, видимо, и «культ личности» В.В. Путина, который выражался в запредельных рейтингах, на которые не влияли ни отсутствие реальных позитивных изменений в жизни граждан, ни отдельные провалы его политики¹⁶⁷.

О том, насколько высока была в начале XX в. потребность в позитивном политическом сознании, свидетельствовали и материалы социологического исследования Самарского государственного университета, проведенного в июне 2003 г., эта потребность существенно укрепилась особенно в сравнении с аналогичными показателями сентября 1999 г. (накануне выборов в Государственную Думу).

Эту тенденцию – жажду позитивной повестки со стороны общества – подтверждают результаты мониторинга общественного мнения, проводившегося ВЦИОМом в 2003 г. Данные исследования продемонстрировали активный рост экономического и политического оптимизма россиян в 2000 г., показатели оптимизма с марта по июнь 2000 г. увеличились в 6 раз. И хотя уже в июле начинается их снижение, тем не менее до марта 2003 г. (период окончания мониторинга) они стабильно превышали уровень середины 90-х годов в три раза (рис. 46).

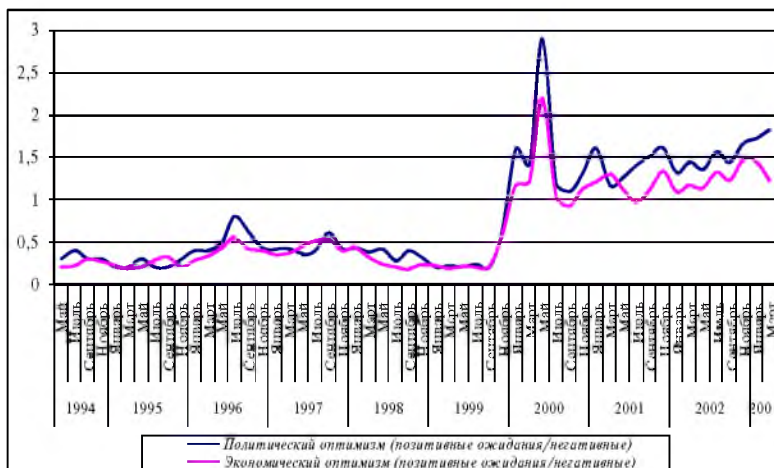

Рис. 46. Распределение ответов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, изменится ситуация в стране в ближайшем будущем?» (в % к числу опрошенных)

¹⁶⁷ Так, по данным ВЦИОМа, рейтинг В. Путина и в 2000 г., и в мае 2004 г. составлял 58 %, хотя в течение этого периода он несколько колебался. В 2002 г. он упал до 48 %, что было связано с терактом на Дубровке. Однако в течение всего 2003 г. он не опускался ниже 50 %. Цит. по: Панфилов О. Рейтинг для внутреннего потребления // Журнальный клуб Интелрос «Индекс». – 2007. – № 26. – URL: http://www.intelros.ru/readroom/index/26/1184-rejting_dlja_vnutrennego_potreblenija.html (дата обращения: 13.02.2016).

Основная роль в формировании общественного сознания России принадлежит телевидению. Осознавая его решающее значение в избирательных кампаниях, органы государственной и муниципальной власти всех уровней на протяжении 1990–2000-х годов стремились установить контроль над телекомпаниями или создать свои собственные информационные ресурсы. В конце 90-х – начале 2000-х годов ведущие общенациональные телеканалы – ОРТ, ВГТРК, НТВ – находились под двойным контролем. С одной стороны, контроль со стороны Министерства печати, телевидения и радиовещания стал гораздо более жестким, чем в ельцинские времена. А с другой – доходы этих компаний от рекламной деятельности были монополизированы компанией «Видеоинтернэшнл», контролируемой министром М. Лесиним.

В ряде регионов государственные каналы телевидения вступили в открытую информационную войну с губернаторами. В свою очередь региональные власти, чувствуя, что теряют контроль над местным информационным пространством, приступили к созданию своих телеканалов. По состоянию на конец 2002 г. тридцать субъектов РФ уже имели свои собственные государственные телеканалы, независимые от ВГТРК, и еще двенадцать – государственное спутниковое телерадиовещание.

Главы городов и районов также сочли своей обязанностью создать собственные муниципальные телекомпании с целью политической раскрутки на подведомственной территории. Так, например, в Самарской области, в период с 1997 (сразу после первых прямых выборов глав местных администраций) по 2002 гг., муниципальные телекомпании были созданы в девятнадцати городах и районах.

Учитывая отмеченную тенденцию к локализации общественного сознания, местные телекомпании составили серьезную конкуренцию общенациональным телекомпаниям, занимающим прокремлевскую позицию. В частности, в сельских районах Самарской области рейтинг передач муниципальных телекомпаний в 1,2–1,5 раза превышал рейтинги федеральных телеканалов и в 3–3,5 раза – областного телевидения. И это при том, что многие из этих телекомпаний не имели ни профессионального оборудования, ни квалифицированных тележурналистов.

Вместе с тем федеральное правительство в начале 2000-х годов включилось в борьбу за контроль над региональным информационным пространством, используя финансовые и законодательные механизмы.

Дело в том, что региональные и местные власти, создавая свои собственные медиа, как правило, вообще игнорировали проблемы их экономической эффективности, финансируя их из бюджета. Эти дотации составляли от 70 до 90 % их бюджета.

Естественно, такая зависимость местных газет и телекомпаний от дотаций органов власти не позволяла рассматривать их в качестве

элементов гражданского общества. Поэтому Администрация Президента в 2003 г., заботясь об укреплении вертикали власти и стремясь не допустить проявлений самостийности на местах, поставила под вопрос само существование муниципальных СМИ. В новой редакции федеральных законов «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и «Об общих принципах организации государственной власти в субъектах РФ»¹⁶⁸ приводился исчерпывающий список вопросов, относящихся к компетенции региональных и местных властей. И поддержка СМИ не входила в этот перечень. Соответственно, бюджетные средства регионов могли поступать на поддержку СМИ только в том случае, если у местных органов власти оставались какие-либо ресурсы после реализации тех полномочий, которые были определены в законах. А учитывая, что бюджеты большинства регионов России были дотационными, фактически это означало, что региональные СМИ лишались источников финансирования.

Одновременно в 2003 г. Министерство печати, телевидения и радиовещания заявило о том, что финансовая поддержка городских (районных) СМИ будет прекращена с 2005 г.

Впрочем, местные власти очень быстро научились обходить эти ограничения. И каждый уважающий себя губернатор или градоначальник имел в своем распоряжении целый пул карманных СМИ, воспевающих его подвиги и добродетели. Все они благополучно финансировались из региональных и местных бюджетов, несмотря на резко негативную оценку этой практики со стороны Кремля.

Монопольному положению центральных телеканалов, жестко контролируемых Администрацией Президента и Министерством печати, телевидения и радиовещания, в гораздо большей степени противостояли не региональные СМИ, а мировые медиаресурсы, проникавшие в информационное пространство России через кабельные сети и спутниковые телеканалы. Если в начале 2000-х годов в подавляющем большинстве российских регионов обычному человеку были доступны от трех до пяти телеканалов, то десятилетием позже — уже шестьдесят-семьдесят, а кое-где и больше. Программный контент этих каналов был разнообразным и качественным,

¹⁶⁸ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. — 2003. — 8 окт. — № 3316 (0). — URL: <https://rg.ru/2003/10/08/zakonsamouprav.html> (дата обращения: 17.07.2017); Федеральный закон от 4 июля 2003 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”» (с изменениями и дополнениями). — URL: <http://base.garant.ru/186093/> (дата обращения: 17.07.2017).

к тому же он не был перегружен рекламой, в отличие от эфирного телевидения.

Соответственно, федеральные и региональные телерадиокомпании лишались значительной части своей аудитории, а политические институты – традиционных механизмов «промывания мозгов».

Кроме того, существенные перемены в информационном пространстве России в начале 2000-х годов были связаны и с изменением основных каналов информирования населения о событиях общественно-политической жизни, что демонстрируют данные социологических исследований разных лет (рис. 47).

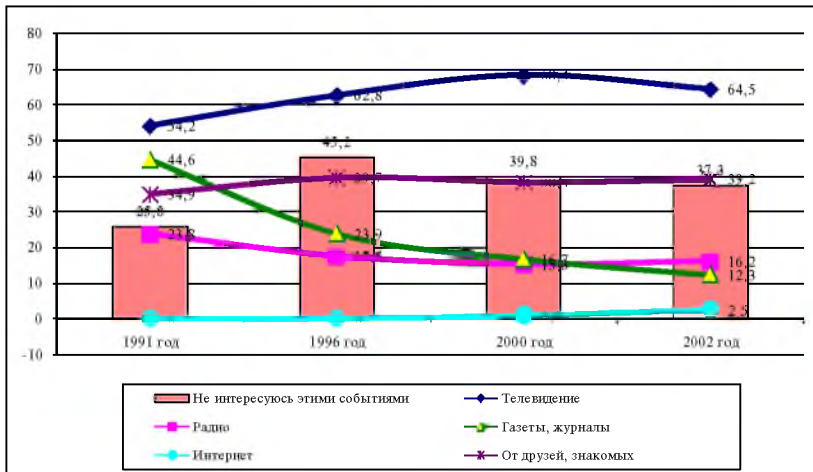

Рис. 47. Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников Вы получаете основную информацию о событиях общественно-политической жизни?»¹⁶⁹ (в % к числу опрошенных)

Эмпирические данные показывают, что на протяжении 1990-х – начала 2000-х годов отмечалось падение влияния газет и журналов общественно-политической направленности. В частности, это проявилось в сокращении тиражей печатных изданий, распространяемых по подписке и через сеть розничной торговли, о чем уже говорилось выше.

В то же время заявила о себе очевидная тенденция к росту аудитории Интернета. Увеличение количества пользователей Интернета

¹⁶⁹ Опросы проводились в рамках исследования влияния СМИ на респондентов, осуществляемого социологическим центром СамГУ в 2002 г. по репрезентативной выборке (N – 1200). Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа одновременно.

как в мире, так и в России происходило стремительно: так, если в 1995 г. интернет-аудитория в мире составляла 26 млн человек, то в настоящее время она превысила 4 млрд¹⁷⁰.

В России, в середине 90-х годов, Интернет был экзотикой и использовался в основном в Москве. В 2003 г. российская интернет-аудитория уже насчитывала 11,6 млн человек¹⁷¹, а в настоящее время она составляет уже 83,8 млн¹⁷². А в 2003 г. в типичной для России провинциальной Самарской губернии Интернетом регулярно пользовалось около 150 тыс. жителей, тогда как в настоящее время – больше 2 млн человек¹⁷³.

В то же время нельзя не учитывать, что массовая коммуникация – это не только трансляция информации об общественно-политических событиях, но и формирование общественного мнения о них. В этом отношении процесс массовой коммуникации представляет собой сложную модель восприятия информации и ее ценностной интерпретации. Не вдаваясь в теорию проблемы, остановимся на некоторых ее аспектах, имеющих практическое значение. Условно можно выделить три группы носителей общественного мнения: общество в целом, лидеры общественного мнения и статусные лидеры.

I – общество в целом, которое является носителем определенного круга идей, знаний, представлений, стереотипов и т. д.;

II – лидеры общественного мнения, именно они формируют определенное отношение к тем или иным событиям, институтам, отдельным политикам на уровне микрогрупп. Психологические тесты показывают, что людей с лидерскими качествами в микрогруппах от 25 до 35 %, но от их позиции в итоге зависит мнение всех остальных членов группы;

III – статусные лидеры общественного мнения, которые в силу своего общественного статуса обладают рычагами влияния на формирование общественного отношения к тем или явлениям,

¹⁷⁰ Согласно данным Internet Live Stat, численность аудитории Интернета в настоящее время (ноябрь 2018 г.) составляет 4 млрд 71 млн 98 тыс. чел. – URL: <http://www.internetlivestats.com>.

¹⁷¹ По данным консалтинговой компании «J'son & Partners Consulting», работающей в сфере телекоммуникационных технологий. Цит. по: Шляхтина С. Интернет в цифрах и фактах // КомпьютерПресс. – 2005. – № 2. – URL: <https://compress.ru/article.aspx?id=9925> (дата обращения: 05.12.2017).

¹⁷² По данным Фонда «Общественное мнение» по состоянию на февраль 2018 г. Опросы проходили с декабря 2017 г. по февраль 2018 г., N = 24 000 респондентов. См.: ФОМ. Интернет в России: динамика проникновения. Зима 2017–2018 гг. (04.04.2018) // ФОМ. – URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/13999> (дата обращения: 13.12.2017).

¹⁷³ См.: Исследование компании «Яндекс»: Самарская область в Интернете: цифры и факты. – URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/samara_search (дата обращения: 30.07.2017).

в этот круг входят руководители, преподаватели, журналисты и т. д. Их примерно 5 % в общей массе населения.

При этом каналы получения информации представителями этих трех групп существенно отличались друг от друга (рис. 48).

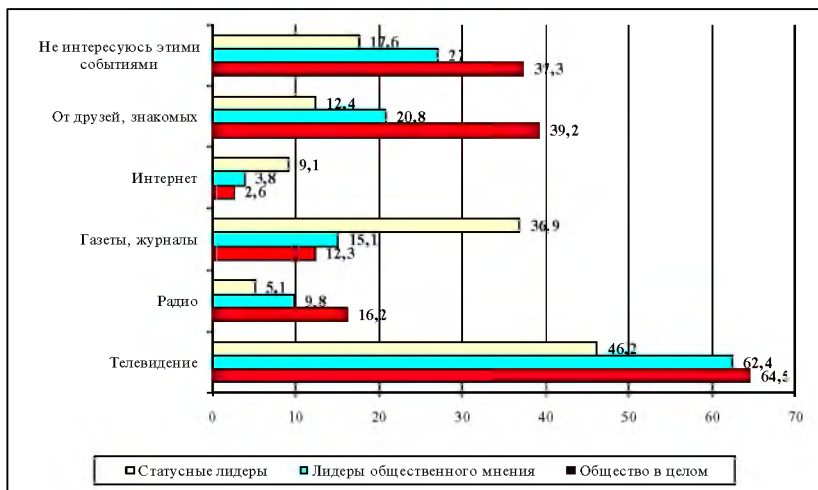

Рис. 48. Распределение ответов на вопрос: «Из каких источников Вы получаете основную информацию о событиях общественно-политической жизни?»¹⁷⁴ (в % к числу опрошенных)

На основании приведенных данных можно сделать несколько выводов. Основным каналом получения информации для всех опрошенных выступало телевидение, однако его значение для разных групп респондентов было различным: так, для общества в целом телевидение оказалось более значимым, чем для лидеров общественного мнения и особенно для статусных лидеров.

Напротив, из печатных СМИ и Интернета чаще получают информацию лидеры общественного мнения и статусные лидеры, чем общество в целом.

Радио как источник информации также более значимо для общества в целом и гораздо менее привлекательно для лидеров общественного мнения и особенно статусных.

Таким образом, было очевидно, что в электоральном цикле 2003–2004 г. принципиальное значение будут иметь телевидение,

¹⁷⁴ Сумма ответов превышает 100 %, поскольку респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Речь идет о данных уже упоминавшегося исследования, проводимого социологическим центром СамГУ в 2002 г.

стремительно развивающийся Интернет и раскрученные «интеллектуальные еженедельники» как канал формирования мнения элиты, тогда как роль массовых ежедневных газет, которые не были значимыми каналами информации для общества, могла быть сокращена обычными листовками и агитационными материалами либо газетами-однодневками.

Законодательные инновации, введенные Федеральным законом «О гарантиях избирательных прав граждан» и принятые летом 2002 г.¹⁷⁵, оказали существенное влияние как на избирательные кампании 2000-х годов, так и на роль СМИ в этом процессе. Этот закон существенно ограничивал возможности средств массовой информации оказывать самостоятельное влияние на электоральный процесс. Если раньше СМИ могли занимать самостоятельную позицию по отношению к кандидатам, оценивать их деятельность, то новый закон существенно ограничил возможности СМИ в этом направлении, запретив агитационную пропаганду. Обсуждение избирательной кампании и ее участников распенивалось с точки зрения закона как предвыборная агитация¹⁷⁶. Особенно это коснулось государственных и муниципальных средств массовой информации, которые должны были в равном объеме предоставлять эфир и печатные площади для всех кандидатов и избирательных объединений. При этом сама редакция была не вправе сопровождать эти материалы какими-либо комментариями, заголовками и иллюстрациями, не согласовав с кандидатом. Это относилось ко всем СМИ, в уставном капитале которых была государственная доля, а также СМИ, получавшим на протяжении последних двух лет дотации из государственного или муниципального бюджетов. Фактически государственные и муниципальные СМИ выводились за рамки предвыборной агитации.

Прописанная в законе процедура распространения информации о кандидатах и партиях также значительно сократила возможности государственных и муниципальных чиновников вмешиваться в электоральный процесс. Например, в соответствии с законом все телека-

¹⁷⁵ Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Новая газета. – 2002. – 15 июня. – № 2974(0). – URL: <https://rg.ru/2002/06/15/vybyory-dok.html> (дата обращения: 17.03.2018).

¹⁷⁶ Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»; Статья 47. Организации телерадиовещания и периодические печатные издания, используемые для информационного обеспечения выборов и референдумов, п. 6: СМИ «... не могут публиковаться агитационные материалы, а также материалы, оевающие деятельность кандидатов, избирательных объединений, избирательных блоков, инициативной группы по проведению референдума» // Новая газета. – 2002. – 15 июня. – № 2974(0). – URL: <https://rg.ru/2002/06/15/vybyory-dok.html> (дата обращения: 17.03.2018).

налы с долей государственной и муниципальной собственности были обязаны предоставлять всем кандидатам эфирное время бесплатно, на паритетных началах. Закон определил объем предвыборного вещания – 30 мин ежедневно в prime-time. Не менее 50 % предвыборного эфира должно было предоставляться кандидатам для прямых дебатов.

Законом вводились также ограничения на критику кандидатов: СМИ «обязаны отказаться от обнародования информационных материалов (в том числе содержащих достоверную информацию), способных нанести ущерб чести, достоинству или деловой репутации кандидата, если они не могут предоставить кандидату возможность бесплатно обнародовать опровержение... до окончания агитационного периода»¹⁷⁷.

Впрочем, в самом законе было немало «белых пятен», которые ставили под вопрос возможность реализации тех процедур, которые в нем прописаны. В частности, было неясно, кто должен оплачивать эфирное время в том случае, если у кандидатов разные финансовые возможности. Для СМИ немаловажным являлся вопрос о том, чем компенсировать неизбежные потери рейтингов и рекламных доходов. Также не был разработан механизм контроля над соблюдением законодательства, что показали региональные выборы 2003 г., прошедшие в некоторых субъектах РФ.

Участники политического процесса отреагировали на эти изменения в электоральном законодательстве, начав в 2003 г. предвыборную кампанию в Государственную Думу на 3–4 месяца раньше, чем обычно. Однако следует отметить, что изменения в электоральном законодательстве сыграли злую шутку с кандидатами от «партии власти», а выгоду от них получила коммунистическая оппозиция, имеющая устойчивый электорат. Об этом свидетельствовал анализ данных опросов ФОМ и АРПИ¹⁷⁸, который показал, что формирование электоратов крупнейших избирательных объединений и партий в период предвыборной кампании происходило отнюдь не равномерно. Например, перед выборами 1999 г. более половины сторонников «Единства» приняли решение голосовать за это движение менее чем за три недели до выборов. В то же время электорат КПРФ на 80 % сформировался уже летом 1999 г. (рис. 49).

¹⁷⁷ Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Статья 56. Недопустимость злоупотребления правом на проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам, п. 6.

¹⁷⁸ Агентство развития проектных инициатив: сайт. – URL: <http://www.arpi.ru>.

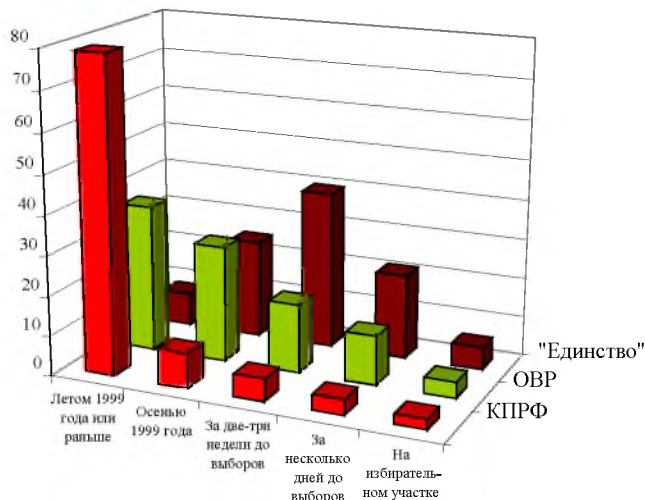

Рис. 49. Субъективные оценки времени принятия политического решения¹⁷⁹ (в % к числу опрошенных)

Таким образом, запрет на агитацию за кандидатов и партии со стороны СМИ сократил возможности именно партии власти, т. к. ее электорат принимал решение в последний предвыборный период.

Также закон о гарантиях избирательных прав предоставлял определенные преференции представителям экономической элиты, которые баллотировались в органы государственной власти и при этом являлись учредителями различных печатных изданий. В соответствии с законом на них эти ограничения не распространялись¹⁸⁰.

Изменение избирательного законодательства, безусловно, сказалось на характере и результатах выборов избирательного цикла

¹⁷⁹ См.: Влияние СМИ на массовое политическое сознание россиян в период избирательной кампании 1999 года / И. Задорин [и др.] // Независимые медиаизмерения. – 2000. – № 4–5. – URL: <http://znate.ru/zadorin-i-strebkov-d-syutkina-a-halkina-e-vliyanie-smi-na-mass.html> (дата обращения: 12.04.2017).

¹⁸⁰ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Статья 56. Недопустимость злоупотребления правом на проведение предвыборной агитации, агитации по вопросам, п. 6: «Установленные настоящим пунктом правила не распространяются на редакции негосударственных периодических печатных изданий, учрежденных кандидатами, избирательными объединениями».

2003–2004 гг. Однако существенное влияние на выборы также оказали изменившиеся ожидания и стереотипы массового сознания населения.

Среди многочисленных теорий лидерства в современной политологии одной из основных является концепция детерминизма адептов (или определяющей роли последователей), которая представляется нам наиболее адекватной действительности. Суть ее заключается в том, что залог успеха лидера определяется не столько его статусом или личными качествами, сколько его имиджем, вернее, степенью его соответствия массовым ожиданиям и стереотипам. Однако массовые настроения склонны изменяться с течением времени.

На этой почве возникает социальный феномен, когда харизматические вожди одних эпох предстают в другие исторические периоды жалкими графоманами, а серые невнятные середнячки вдруг становятся выразителями общественных чаяний. Именно этим объясняется феномен Владимира Путина, которого в 90-е годы невозможно было представить не только лидером нации, но и просто популярным политиком. Без сомнения, общественное мировосприятие россиян в начале XXI в. существенно изменилось. Сравнение результатов психологического тестирования электората, проведенного Самарским фондом социальных технологий в 2000 и в апреле–мае 2003 гг., позволяет сделать ряд выводов.

Изучая психологический тонус электората, психосоциальную мотивацию его поведения, восприятие людьми своего социального статуса и специфику социализации личности, исследователи пришли к выводу, что за три года в начале 2000-х в мировосприятии электората выделилась следующая тенденция.

К 2003 г. общество начало выходить из состояния глубокого психологического шока, в котором оно находилось с начала 90-х годов, когда общественное сознание характеризовалось ярко выраженной катастрофичностью. Причем негативное мировосприятие было свойственно не только представителям низкостатусных групп, но и тем, кто находился на верхних ступенях общественной пирамиды. Если первые переживали состояние социальной апатии, перемежающееся редкими всплесками безадресной агрессивности, то представители социально-экономической элиты были выбиты из своей социальной ниши и жили с мироопущением пира во время чумы. Социальные и жизненные горизонты для большинства людей сократились, люди перестали планировать свое будущее, возникло скептическое отношение к ценностям здоровья, семьи, образования. Групповые социальные ценности также были отодвинуты на задний план. Зато повысился статус материального достатка и сиюми-

Рис. 50. Изменение системы ценностей социального мировосприятия населения (2000–2003 гг.)¹⁸¹

нутного успеха. Удовлетворенность своим социальным положением была редким исключением, так же, как и готовность отстаивать свой образ жизни.

К 2003 г. общественные настроения начинают меняться: мировосприятие все большей части населения постепенно приходит в гармонию с новой реальностью. Вместе с жестким рационализмом и эгоцентризмом, характерными для 90-х годов, на первый план постепенно выходят ценности, постматериальные по своей сути. Люди пытаются планировать свое будущее, больше думают о своем здоровье, образовании, о детях, о ценности стабильного общественного порядка (рис. 50).

Другими словами, избиратели на выборах 2003–2004 гг. обладали другими качествами, надеждами и ожиданиями, чем избиратели 2000 г. Новый избиратель нуждался в лидере, способном наиболее адекватно выражать его потребности.

Исследователи отмечали, что перед выборами 2000 г. общественные ожидания имели заметный крен в сторону харизмати-

¹⁸¹ По материалам социально-психологических исследований, проведенных Фондом социальных технологий по заказу администрации Самарской области в 1999–2003 гг.

ческого авторитаризма. Наибольший психологический резонанс, а соответственно, и наибольшую электоральную поддержку имели политические лидеры, демонстрировавшие жесткий стиль поведения и категоричность в оценках и суждениях. Этим лидеров отличала главная психологическая составляющая – готовность и стремление взять на себя бремя ответственности.

Таблица 26

Динамика ответов на вопрос: «Какому кандидату в депутаты Вы бы отдали свои предпочтения?» (в % к числу опрошенных)

Варианты ответов	1999 г.	2003 г.
Профессиональный управленец с опытом политической деятельности	36,2	28,8
Борец за справедливость, яркая личность, способная на решительные поступки	51,5	43,3
Крепкий хозяйственник, способный успешно руководить предприятием	33,8	44,2
Человек, способный выбить в органах власти деньги, необходимые для решения проблем жителей округа	11,8	16,5
Человек, у которого есть не только программа, но и реализованные проекты	35,2	49,1
Бизнесмен, оказывающий благотворительную поддержку нуждающимся	11,5	9,6
Человек труда, которому понятны проблемы простых людей	35,4	28,2
Представитель политической партии, которой Вы симпатизируете	3,1	4,2

В новом социально-психологическом контексте повысился запрос на политических лидеров иного типа, которые бы обладали имиджем надежного, предсказуемого партнера, склонного не столь-

ко к внешнему эпатажу, сколько к эффективному менеджменту, подкрепленному опытом прошлой деятельности.

Данные изменения общественного сознания подтверждаются социологическими исследованиями тех лет, в том числе исследованиями социологического центра Самарского госуниверситета в 1999 и 2003 гг., которые показывают, как изменились представления людей об идеальном кандидате в депутаты (табл. 26).

Таким образом, можно сделать вывод, что в России постепенно уходит время вождей и наступает эпоха менеджеров. Политиков все в меньшей степени будут оценивать не по идеологическим ценностям, которые они олицетворяют, а по степени их эффективности.

Анализ массового сознания, общественных настроений, социально-политических установок и ориентаций населения, которые определяют мировосприятие, отношение общества к власти и государству, является сложной исследовательской задачей, особенно когда речь идет о периодах кардинальных социальных изменений и реформ. Политическая идеология выступает тем социальным «кле-ем», той ментальной субстанцией, которая, наполняя содержанием и смыслами общественную жизнь, определяя ее горизонты и перспективы, обеспечивает интеграцию населения и элиты, народа и власти, общества и государства. Идеология не умозрительная иллюзия, она представляет собой сложное и комплексное явление, сочетающее философские обобщения с обоснованием насущных нужд и проблем общества. Идеология тесно связана с массовым сознанием, с одной стороны, опираясь на него, с другой – выступая его ориентиром.

В этой связи глубокий и внимательный анализ общественно-го массового сознания, закономерностей и механизмов его трансформации обладает как безусловной научной, так и прикладной значимостью, т. к. позволяет корректировать идеологические и институциональные векторы развития общества и государства. Фигура политического лидера играет значимую, иногда определяющую роль в динамике взаимодействия массового сознания и государственной идеологии. Лидер, способный остро чувствовать характер и специфику массового сознания, будет более эффективным и успешным в осуществлении государственной власти.

Наша страна пережила глубокий ментальный кризис в 80–90-х годах XX в., который привел к разрушению ее идентичности, а в последующем и государственности. Эта тема до сих пор является актуальной, т. к. на многочисленные вопросы, поставленные той эпохой, до сих пор нет однозначных ответов: почему политический режим, просуществовавший более 70 лет, рухнул в одночасье, не подвергаясь внешней агрессии, не переживая экстраординарного экономического и политического кризиса? Почему рассыпалась складывавшаяся десятилетиями успешная модель национальной идентичности «советский народ»? Какова роль общественного сознания и идеологических факторов в разрушении советской системы?

В данной книге мы стремимся ответить на эти вопросы, предлагая свою версию анализа тех событий на материале многолетних исследований общественных настроений жителей провинциальной России, а именно г. Самары и Самарской области.

Исследования, начавшиеся в 90-е годы, продолжались более 10 лет. Мы разработали авторскую методику, пионерскую для начала 90-х годов, в которой выделили несколько уровней политических ориентаций и установок респондентов. Кроме того, мы выделили три группы респондентов, занимающих разный статус во властной стратификации (население, рядовые члены партии, партийный актив). Данный инструмент позволил нам не просто создать карту политических ориентаций, но установить степень их устойчивости и укорененности в сознании респондентов, а также выявить степень соответствия политических установок разных социальных групп. Рассогласованность идеологических картин мира позволяла зафиксировать глубокие мировоззренческие конфликты в обществе, тогда как их сближение свидетельствовало о наличии общих ориентиров и разделяемой картине реальности.

Кроме того, наш анализ носил комплексный характер: динамику общественных настроений мы рассматривали в тесной связи с институциональными трансформациями, происходившими в России в эти годы, изменениями в составе политических элит и их идеологической повестки дня.

Наше исследование продемонстрировало, что одной из главных причин кризиса конца 80-х годов послужила идеологическая дезинтеграция политических элит и общества. Хотя коммунистическая идеология и в 80-е годы во многом оставалась актуальной, транслируя позитивную картину реальности, однако, не подвергаясь ревизии, она стала постепенно утрачивать свой мобилизационный потенциал: для элит она перестала выполнять функцию целеполагания и стратегического ориентира, а для масс она все более стала расходиться с реальной политической практикой. Идеи идеологической и институциональной реконструкции захватили общество, для разных социальных групп привлекательными оказались обе предложенные альтернативы – социал-демократическая и либеральная.

Исследования начала 90-х годов убедительно продемонстрировали, что ментальные картины мира разных групп респондентов – населения, членов партии и партийного руководства – пересекались в очень малой степени, что свидетельствовало о глубоком идейном кризисе, усиливаемом углубляющимися социально-экономическими и политическими катаклизмами. Кроме того, образы реальности у всех групп респондентов были внутренне противоречивыми и нестабильными, подчас совмещая декларируемые убеждения, реальные установки и ориентации, а также поведенческие модели, принадлежащие полярным типам идеологий (тоталитаризма и либерализма, демократизма и автократизма).

Политические элиты этого периода не всегда могли предложить обществу убедительную повестку дня. В обществе, уставшем от многолетней социально-политической нестабильности и идейной неопределенности, подкрепляемых с середины 90-х годов активной трансляцией катастрофических настроений ведущими российскими СМИ, постепенно оформился запрос на выход за пределы панического образа реальности, на позитивную повестку и четко обозначенные ориентиры социального мира.

К выборам 2000 г. в общественных ожиданиях обозначился заметный сдвиг в сторону харизматического авторитаризма. Особой популярностью пользовались политические лидеры, демонстрировавшие жесткий стиль поведения и готовность взять на себя бремя ответственности.

В обществе повысился запрос на политических лидеров иного типа, которые бы обладали имиджем надежного, предсказуемого руководителя, эффективного менеджера, с опытом прошлой деятельности. Идеальным воплощением этих чаяний на рубеже 1990–2000-х годов стал В.В. Путин – именно с ним большинство россиян связали свои надежды на стабильное настоящее и определенное будущее.

Научное издание

Кузнецов Виктор Александрович

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МАССОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ
в 1990–2000-х годах**

Монография

Научный редактор д-р филос. наук, проф. Е. Ф. Молевич

В авторской редакции

Подписано в печать 21.06.2019.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура NewtonCTT.

Печ. л. 10,0. Тираж 300 экз. Заказ №

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)
443037, Самара, Московское шоссе, 34.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Слово»

443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.

Тел. 267-38-32. E-mail: izdatkniga@yandex.ru